

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

К. М. Байтаков, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск).

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

- K. M. Baypakov*, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)
S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц:
к вопросу о происхождении.....7
- Нуржанов А. А., Крупко И. В.* Тюркская культура как уникальная среда
и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути.....22
- Ямаева Л. А.* Переднеазиатский след в этногенезе башкир.....30
- Пиков Г. Г.* Судьба элиты кочевой империи после крушения государства
(на примере восточноазиатской империи Ляо, 907–1125)39

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Анисимова И. В.* Особенности организации опекунского дела в Степном крае
в конце XIX — начале XX в.....48
- Лысенко Ю. А.* Формирование национальных подразделений Красной армии
Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.).....59
- Чотаева Ч. Д.* Мультикультурализм города Бишкек: этничность и язык
в советский и постсоветский периоды75
- Стурова М. В.* Русско-казахские школы в системе государственного
управления образовательным пространством Степного генерал-
губернаторства начала XX в.88

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ярков А. П.* Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане»)99
- Байпаков К. М., Терновая Г. А.* Манихейский комплекс во дворце
средневекового города Кулан (VIII в.)111

Раздел IV

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- Дашковский П. К., Шершинева Е. А.* Национальная и гражданская идентичность:
рабочая программа учебной дисциплины.....130

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....146

ДЛЯ АВТОРОВ148

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Bulgarian golden filigrane pendants with bird figures: to the question of origin	7
<i>Nurzhanov A. A., Krupko I. V.</i> Turkic culture as a unique environment and product of ethnocultural impulses of the Great silk way	22
<i>Yamaeva L. A.</i> Asianminor trace in the ethnogeny of the bashkirs.....	30
<i>Pikov G. G.</i> The fate of the nomadic elite of the empire after the collapse of the state (for example, the east asian empire Liao, 907–1125).....	39

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Anisimova I. V.</i> Organisational features of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries.....	48
<i>Lysenko Y. A.</i> The formation of the Red army of the Steppe krai and Turkestan national units during the civil war (1918–1922).....	59
<i>Chotaeva Ch. D.</i> Multiculturalism of Bishkek city: ethnicity and language in soviet and post-soviet times	75
<i>Sturova M. V.</i> Russian-kazakh schools in the system of state administration	88

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Yarkov A. P.</i> Islam of the Khakasia (in the context of the idea of “all turks are muslims”)	99
<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A.</i> Manikhean complex in the palace of the medieval town Kulan (VIII c.).....	111

Section IV

SCIENCE AND EDUCATION

<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> National and civic identity: the working program of the discipline	130
INFORMATION ABOUT CONFERENCES	146
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.2

К. А. Руденко

Государственный институт культуры, Казань (Россия)

БУЛГАРСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ФИЛИГРАННЫЕ ПОДВЕСКИ С ФИГУРКАМИ ПТИЦ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Статья посвящена исследованию золотых филигранных подвесок с миниатюрной фигуркой птицы и привесками на длинных цепочках из Волжской Булгарии. Всего в музеях Российской Федерации и в частных собраниях хранится 16 таких артефактов. Если учесть еще аналогичные филигранные подвески, но без фигурки птицы, то общее число их достигает 25 экз. Датируются эти украшения XI–XII вв. Автор считает, что их начали производить во второй-третьей четверти XI столетия в одной из ювелирных мастерских Волжской Булгарии. Анализ технологии и дизайна этих подвесок привел автора к выводу, что большая часть конструктивных элементов, включая фигурку птицы, была заимствована из продукции ювелиров Ближнего Востока, в первую очередь Ирана и Сирии. Это дало возможность высказать гипотезу о том, что это производство в Волжской Булгарии организовал или возглавил ювелир — выходец из Ближнего Востока. С этим же регионом связан и прототип фигурки птицы в подвеске. Это один из символов в иранском искусстве, что отразилось на других иранских изделиях, где была изображена птица, например, на керамических и некоторых металлических чашах. Очевидной связи филигранных золотых подвесок с другими близкими по назначению изделиями булгарских ювелиров не выявлено. Автор считает, что это украшения булгарского производства, выполненные в художественных традициях ювелирных изделий Ближнего Востока X–XI вв.

Ключевые слова: Волжская Булгария, филигранные средневековые подвески, зернь, скань, Иран, Сирия, Византия, ювелирное дело.

K. A. Rudenko

State Institute of Culture, Kazan (Russia)

BULGARIAN GOLDEN FILIGRANE PENDANTS WITH BIRD FIGURES: TO THE QUESTION OF ORIGIN

The article is devoted to the study of gold filigree pendants with a miniature figure of a bird from the Volga Bulgaria. There are not many of them. In total, sixteen such artifacts are kept in museums of the Russian Federation and in private collections of pendants with a bird figurine. If we take into account similar filigree pendants, but without the figure of a bird, the total number of them reaches 25 copies. These pendants of the 11th-12th centuries are dated. The author believes that they began to be produced in the second third quarter of the 11th century in one of the jewelry manufactory in Volga Bulgaria.

Analysis of the technology and design of these pendants led the author to the conclusion that most of the constructive elements, including the bird figurine, were borrowed from jewelry from the Middle East, primarily from Iran and Syria. This made it possible to hypothesize that this production in the Volga Bulgaria was organized or headed by a jeweler from the Middle East. With this region is connected and a figure of a bird in a suspension bracket. This is one of the symbols in Iranian art, which was reflected in other Iranian products where a bird was depicted, for example, on ceramic and some metal bowls. The obvious connection between the filigree gold pendants and other similar products of the Bulgarian jewelers was not revealed. The author believes that these pendants are of Bulgarian origin. These pendants are of Bulgarian origin made in the artistic traditions of jewelry of the Middle East of the 10th-11th centuries.

Key words: Volga Bulgaria, filigree medieval pendants, granaries, filigree, Iran, Syria, Byzantium, jewelry.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–01

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Государственного института культуры, Казань (Россия). Адрес для контактов: murziha@mail.ru

К числу наиболее известных украшений Волжской Булгарии XI — начала XIII в. относятся золотые височные филигранные подвески с изображением птицы (рис. 1), хранящиеся в разных музеях России¹. Научному миру они стали извест-

¹ С фигуркой птицы: Национальный музей Республики Татарстан — 2 экз.; Государственный Эрмитаж — 3 экз.; Государственный исторический музей — 2 экз.; Русский музей — 1 экз.; Самарский областной историко-краеведческий музей — 2 экз.; Фонд Ш. Марджани — 2 экз.; Музей государственности Республики Татарстан — 1 экз.; частная коллекция — 1 экз. Без фигурки птицы: Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Рис. 1. Височные подвески. Золото, медь, зернь, скань, пайка, плакировка. Волжская Булгария. XI–XII вв. 1 – частная коллекция; 2 – из коллекции Боткиных (Русский музей) [Коллекции..., 2011: 31]; 3 – находка в Казанской губернии, из коллекции ОАИЭ (НМ РТ); 4 – находка в Казанской губернии, из собрания ГЭ [Путешествие..., 2016: 411, кат. 331]; 5 – Спасский клад в Казанской губернии, коллекция ГЭ [Путешествие..., 2016: 398, кат. 313]; 6а, б – случайная находка в Среднем Поволжье, из собрания Фонда Марджани [Классическое..., 2013: 139, кат. 30]

ны во второй половине XIX в., но специальное исследование, посвященное им, появилось только в начале XXI в. [Руденко, 2011]. Большая часть этих находок была в составе кладов, однако полный комплекс находок, включая эти артефакты, известен толь-

ко в двух случаях (Спасский и Мокрокурналинский клады). Происхождение остальных изделий, кроме общего указания на место обнаружения, не ясно. Отсутствие археологического контекста существенно затрудняет датировку этих украшений и более точную атрибуцию.

Несмотря на то, что вопросы, касающиеся особенностей конструкции и сборки этих подвесок, были в той или иной степени рассмотрены в упомянутом выше исследовании [Руденко, 2011: 80–84], после введения в научный оборот новых находок, а также публикации в хорошем качестве уже известных изделий появилась возможность уточнить ряд высказанных ранее положений и интерпретаций, а также скорректировать их датировку и происхождение.

Стоит подчеркнуть один факт, на который мало обращают внимание. Практически все эти украшения обнаружены на территории государства Волжская Булгария. За его пределами встречена только одна подвеска — в Пермском крае, хранящаяся в настоящее время в Эрмитаже [Руденко, 2011: 211, кат. 22]. Очевидно, что эти украшения, вопреки распространенному мнению, не вывозились за пределы болгарских земель и не являлись предметами торговли. При этом все они практически идентичны в технологическом и конструктивном планах, а также дизайне. Варьируются несколько элементов. Первый — наличие или отсутствие птички у подвески. Второй касается мелких деталей фигурки птицы: пропорций шеи (см. рис. 1. — 3–5), количество единиц зерни в орнаментальных композициях и размер зерни (от 0,1 до 0,001 мм).

Общее количество таких подвесок с фигуркой птицы, дошедших до нас, с учетом новых находок и двух утраченных² в настоящее время — 16 [Руденко, 2011: 205–222, кат. 19–29]. Из них сохранились три комплекта. Каждый из них состоял из пары подвесок (клады у с. Мокрые Курналы и Шáма в Алексеевском районе РТ, и без точного места обнаружения — из Фонда Ш. Марджани). Следовательно, следует предполагать, что у оставшихся 10-ти подвесок были свои парные изделия, т. е. было изготовлено не менее 13 комплектов (26 подвесок) золотых изделий с фигуркой птицы. Если добавить к этому числу филигранные подвески без фигурки птицы и фрагментированные изделия, то в целом получается примерно 25 находок (включая парные), что составляет не менее 22 комплектов (44 подвески).

Происхождение золотых филигранных украшений с птицей чаще всего связывается с Волжской Булгарией (см. рис. 2). Несмотря на то, что они отличаются от других болгарских украшений рядом деталей, например использованием подвесок в виде «желудей» на цепочках и привесок в виде шариков с зернью как вспомогательных элементов, в целом их можно отнести к большой категории болгарских украшений в виде кольца с несколькими напускными бусинами. Это позволило в свое время Т. А. Хлебниковой утверждать, что эти филигранные кольца происходят от более простых, они — вершина их эволюционно-типологического развития [Хлебникова, 1963: 305–309]. Эта гипотеза о местных истоках филигранных золотых подвесок была принята априори другими исследователями и в целом не оспаривается по сей день. Более того, в подтверждение этой версии были приведены и аргументы из области исследований духовной культуры волжских болгар, суть которых заключается в интерпретации фигурки пти-

² Из собрания НМ РТ, похищена в начале 1950-х гг.; из Билярской экспедиции — утрачена в 1994 г.

цы (в которой опознали утку) как главного действующего персонажа космогонического мифа о происхождении Вселенной [Халиков, 1981: 7; Давлетшин, 2004: 150–151].

Вместе с тем в литературе есть еще два мнения по этому поводу. Первое: о связи болгарских филигранных подвесок с фигуркой птицы с ювелирными изделиями моравских ювелиров [Левашова, 1969: 125–130]. Второе: они изготовлены иранскими или египетскими торевтами в Волжской Булгарии или же болгарскими ювелирами по египетским образцам [Коллекции, 2011: 31; Классическое..., 2013: 138, кат. 30]. Н. П. Кондаков считал более вероятным их изготовление в средневековой Сирии [Руденко, 2011: 8]. Рассмотрим эти точки зрения.

Булгарское происхождение филигранных украшений этого типа основывается на нескольких тезисах. Первый тезис: если украшения найдены в Волжской Булгарии, то и изготовлены они здесь (А. Х. Халиков). Второй тезис: эти артефакты являются результатом типологического развития трехбусинных височных болгарских украшений от простейших, из меди и бронзы, к серебряным и в последнюю очередь — золотым, от обычного кольца — к кольцам с напускными бусинами, сначала одной, затем тремя и в конце — с добавлением миниатюрной фигурки птицы (Т. А. Хлебникова). Третий тезис: сюжет изображения — это материальное воплощение болгарского мифа об утке, создавшей Землю³, поэтому это местное изделие (А. Х. Халиков, Г. М. Давлетшин).

Учитывая локальность распространения этих украшений, первый тезис стоит принять во внимание, однако нет причин отвергать мнение, высказанное С. М. Новаковской-Бухман о том, что в Булгарии работал приезжий мастер, возможно из Ирана [Коллекция..., 2011: 31]. Более веским основанием видеть происхождение данных артефактов в аборигенной среде является типология болгарских височных колец VIII–XII вв. [Казаков, 1991: 116, рис. 40. — 22–25; 1992: 175]. Несмотря на наличие у болгар височных украшений в виде кольца, иногда с напускными бусинами, чаще всего одной, стройной картины эволюции этих украшений построить невозможно: серебряные и медные кольца бытовали одновременно с VIII–IX вв.; золотых височных колец в захоронениях этого времени не встречено, как и на селищах второй половины X — начала XI в. Височные кольца с напускными бусинами в погребениях VIII–IX вв. не зафиксированы. Более того, до XI в. ни на одном болгарском изделии не отмечена техника обкладки медной основы височных колец или каких-либо других изделий тонкой золотой фольгой, как и собственно ажурная конструкция украшений, особенно напускных бусин.

Таким образом, прямого отношения обычные (не филигранные) болгарские височные кольца (кроме традиции ношения у висков) к рассматриваемым височным подвескам с фигуркой птицы не имеют. Трехбусинные золотые височные кольца с простыми (не ажурными) напускными бусинами появляются у болгар не позднее конца XI в. и в дальнейшем сосуществуют с филигранными. При этом болгары чаще всего использовали либо одну напускную бусину, либо три⁴. Большого количества их ни разу не отмечено, как и украшение кольца двумя бусинами. Кольцо, как правило, разомкнутое, а окончания его в месте разрыва всегда с ровными срезами, что отличает их от древне-

³ Впрочем, мифы, где главным действующим персонажем выступает водоплавающая птица, в том числе и утка, широко распространены у многих народов.

⁴ О развитии трехбусинных колец в Восточной Европе см.: [Reabteva, 2014: 74–75].

русских, где нередко имеется миниатюрный замок: расплюснутые окончания со сквозным отверстием или завернутое «в рулончик» одно из окончаний кольца.

К тому же филигранная техника в VIII–IX вв. булгарами не применялась; также нет фактов, доказывающих освоение ее ими в X в. Встречаются единичные серебряные и даже золотые изделия с зерновым декором, например перстни, но эти предметы, как правило, привозные, датирующиеся XI в. [Руденко, 2015: 381, 499, кат. 79, 395]. Золотые филигранные подвески появляются у болгар не позднее XI в. уже в сложившемся, завершенном виде. Их изготавливали в двух вариантах: с птицей и без нее. В таких формах они и производились в дальнейшем. Время их бытования укладывается в рамки XI — начала XIII в., а производства — с XI и до XII в.

Отметим, что форма трехбусинного кольца универсальна и встречается в Европе, на Востоке и в Византии в X–XII вв. [Bosselmann-Ruickbie, 2011: 224–229]. На Руси известны многобусинные височные украшения, где использовалось более трех бусин [Лесман, Рябцева, 2013: 309–336], а трехбусинные — распространяются здесь в конце X — начале XI в. [Reabteva, 2014: 74], т. е. чуть раньше, чем появились филигранные трехбусинные височные подвески у болгар. В этой связи вспомним о трехбусинных височных кольцах IX в. с зерновым декором из Моравии [Dekan, 1983: 163, кат. 140]. Так, на серебряных серьгах с напускными бусинами и с привесками из длинных цепочек из Стара Коуржима внутри кольца помещена фигурка животного, декорированная зернью. Привески же, подвешенные на цепочках, представляют собой небольшие филигранные шарики, лапки водоплавающих птиц или миниатюрные плоды растения [Dekan, 1976: кат. 167, 168]. Заметим, что велокоморавские украшения появились раньше на столетие, чем эти элементы стали встречаться на болгарских ювелирных изделиях.

По мнению исследователей ювелирного дела Великой Моравии IX в., многое в дизайне таких украшений взято из ювелирного искусства Византии и Ближнего Востока [Поп, 1978: 33]. С. С. Рябцева считает, что украшения из Стара Коуржима сделаны по восточным образцам, ссылаясь на то, что включение лунниц в конструкцию височных подвесок характерно именно для арабских украшений [Reabteva, 2014: 73]. Касаясь болгарских филигранных украшений, она утверждает, именно карпато-балканские образцы ювелирных изделий ближе всего болгарским из-за «общности подосновы культуры» [Reabteva, 2014: 75], ссылаясь на мнение В. П. Левашовой [1969: 125–130]. Учитывая существенный хронологический разрыв между великоморавскими и болгарскими изделиями, вряд ли здесь можно видеть этнокультурную параллель, хотя восточное и опосредованное византийское влияние явно прослеживается и там, и там.

Более четкий византийский «след» обнаруживается на сирийских золотых подвесках-лунницах XI в. с изображением парных птиц, симметрично расположенных по сторонам «дерева жизни» [Jenkins, Keene, 1983: 87, cat. 51], или близких им египетских [Bloom, 2007: 100, fig. 71] в том числе и с изображением одной птицы с шариком перед клювом (см. рис. 3. — 4); достаточно посмотреть на собственно византийские украшения предшествующего времени (см. рис. 3. — 3). Также можно отметить использование трех цепочек с привесками из жемчужин на височных кольцах византийского происхождения начала VI в. н.э. [Spier, 2012: 88–90, cat. 14]. Вероятно, под византийским влиянием появились изображения орлов на ювелирных изделиях, произведенных в Малой

Азии и Ближнем Востоке в XII в. (см. рис. 3. — 5, 6). Причем в домонгольской Булгарии такие изображения не известны и к рассматриваемым филигранным подвескам, очевидно, отношения не имеют.

Чаще в поисках истоков филигранных булгарских подвесок с фигуркой птицы и привесками на длинных цепочках исследователи обращались к странам мусульманского Востока. Но такой вид украшений там практически не встречается, а ближайšie аналогии связаны с иным типом изделий — замкнутыми серьгами, датирующимися XI–XIII вв., со вставками, жемчугом и зерновым декором, берущими свое начало в постантичных украшениях IV–V вв. [Украшения..., 1999: 81, кат. 79; Spink, Ogden, 2013: 194–195].

Рис. 2. Височная подвеска. Золото, медь, зернь, скань, пайка, плакировка. Волжская Булгария. XI–XII вв. (деталь). Случайная находка в Среднем Поволжье; из собрания Фонда Марджани [Классическое..., 2013: 138]

Обращает на себя внимание группа ювелирных изделий иранского производства, датированная XI–XIII вв. Это миниатюрные серьги размером от 1,8 и до 2,2 см в виде разомкнутого (но чаще сомкнутого) колечка с тремя напускными ажурными бусинами, причем в одном случае они закреплены на основе навитой тонкой сканью, а между крайними бусинами помещена круглая вставка с бирюзой или гранатом [Jenkins, Keene, 1983: 48–49, cat. 21b; Spink, Ogden, 2013: 198, cat. 112, 113, 115]. Конструкция напускных бусин на этих серьгах аналогична болгарским: две полусферические половинки, правда, сделанные из скани, а не из фольги, соединенные декоративным пояском из скани и зерни или без нее [Spink, Ogden, 2013: 198, cat. 112, 113, 114]. Вместе с тем изготовление таких украшений в Иране происходит в тот период, когда в Волжской Булгарии стали производить свои филигранные изделия, т. е. практически одновременно.

Украшение серег подвесками на цепочках, хотя и нечасто, но встречается на иранских изделиях XI в., причем здесь цепочки, прикрепленные к нижнему краю плоской ажурной серьги, щиток которой имеет сегментовидную форму, украшены миндалевидными плодами, сделанными из тонкой золотой фольги, завершаются каплевидными привесками. Впрочем, синхронность цепочек с привесками вызывает сомнение у авторов каталога [Spink, Ogden, 2013: 190–191, cat. 99]. Имеют привески на цепочках также иранские серьги в виде корзинок, датированные X–XII вв. [Spink, Ogden, 2013: 202–203, cat. 127–130] (см. рис. 3. — 1). На них стоит обратить особое внимание, поскольку конструктивно они воплощают тот оригинальный прием сборки напускных ажурных бусин на болгарских изделиях: промежуточные бусины, соединяющие верхнюю и нижнюю половинки серег, трансформировались в биконические элементы, по сути скрытые от глаз зрителя и выполняющие в целом техническую функцию. Впрочем, идея такой конструкции визуализирована на одной из иранских серег XI в. (см. рис. 3. — 2). Привески на цепочках в данном случае представляют собой реминисценцию серег античного времени в виде амфоры с привесками на цепочках [Руденко, 2011: 110, рис. 27. — с, f].

Что касается объемного изображения птички, то его мы находим на другом типе золотых филигранных сережек или подвесок XI в. сирийского или египетского производства. Они были сделаны в виде небольших ажурных коробочек и имеют, в сравнении с болгарскими, безусловно, другую композицию. Но при этом на одной из сережек во внутреннем пространстве украшения было помещено объемное изображение филигранной птички [Spink, Ogden, 2013: 142–143, cat. 49]. Однако птица здесь находится на одной стороне коробочки, а на другой располагается изящный сканный рисунок. Кстати, этот тип украшений (без фигурки птицы) бытовал в Иране до XIII в. [Spink, Ogden, 2013: 184, cat. 88; 89].

Рис. 3. Ювелирные золотые изделия X–XII вв., Ближний Восток. 1 – серьга, Иран, X – XI вв. [Jewelry, 2013: 118]; 2 – серьга, Иран, XI в. [Jewelry, 2013: 118–119]; 3 – серьга, Восточная Римская империя (Византия), VI–VII вв. н. э. [Jewelry, 2013: 109]; 4 – подвеска, Египет, XI в. [Islam, 2013: 157]; 5 – орнаментированный диск с изображением птицы, Анатолия, XI–XII вв. [Jewelry, 2013: 128]; 6 – ожерелье с подвеской в виде птицы (фрагмент), Сирия или Египет, XII (?) в. [Украшения..., 1999: 138, кат. 126]

Миниатюрные филигранные фигурки животных и птиц известны в иранских древностях XII в. (рис. 4). Тулово их, как правило, украшено колечками скани, причем на золотых бусинах с таким декором колечко просверливалось внутри, что создавало своеобразный художественный эффект [Spink, Ogden, 2013: 105, 210, cat. 133, 134; 144, 145]. Плоские птички из золота и серебра — детали серег, украшенные сканью и вставками из бирюзы, изготавливались в Египте в VIII–X вв. [Spink, Ogden, 2013: 110, 111, cat. 23]. Однако по внешнему виду они далеки от того, что делали болгары. Более близки болгарским объемные серьги сирийского или египетского производства в виде птицы, выполненные из фигурных завитков сканой проволоки. Датированы они XI в. У птицы на одной из таких серег имеется гребешок на голове, крылья специально не выделены и читаются только по узорам; на ее спинке — петельки от застежки, в нижней части тулова — маленькая петелька; петелька-колечко имеется в клюве птицы [Jenkins, Keene, 1983: 86, cat. 51b]. Несколько таких украшений хранятся в музее в Дамаске и одна в Metropolitan Museum (Нью-Йорк).

Иранские подвески X–XI вв. в виде фигурки птицы [Украшения..., 1999: 134, кат. 122] (см. рис. 4. — 1–3) сделаны из тонкой золотой фольги. У птиц широкий плоский хвост, крылья, окончания которых изгибаются вверх; а в нижней части туловища птицы имеются петельки для привесок, изготавливавшихся в форме шара. Примечательно, что на двух изделиях к клюву птицы повешена еще одна миниатюрная птичка, сделанная целиком из скани (см. рис. 4. — 1,2). Последняя крепится дополнительно хвостовой частью к сканому пояску, маскирующему соединительный шов на шее большой птички. Эти подвески дают возможность объяснить «косичку» на голове болгарских филигранных птиц (см. рис. 2): прототип ее — дужка, за которую подвешивались подвески в виде птиц (см. рис. 4. — 1,2) или же львов или пантер [Украшения..., 1999: 144, кат. 132] (см. рис. 4. — 4). Такие подвески изготавливались в Иране в XI–XII вв. Интересно, что у подвесок в виде «львов» корпус фигурок полностью покрыт миниатюрными сканными колечками, что наблюдается на фигурках птичек болгарских подвесок. «Косичка» болгарских филигранных птиц, скорее всего, использовалась для дополнительного крепления подвески к головному убору или прическе, вероятно, «дополняла» фигурку птицы как рудимент.

Мелкие детали дизайна филигранной птички на болгарском украшении также имеют аналогии в привесках этого типа из Ирана. Например, членение хвостовых перьев или та же подвеска в виде шарика в клюве птицы (см. рис. 1. — 1–5) или же перед клювом (см. рис. 3. — 4). Отсюда следует, что прототип болгарской птицы уточкой вовсе не являлся. Вероятно, что это традиционный для иранской мифологии фазан или павлин, правда, в весьма декоративном исполнении, с солярной символикой на крыльях (см. рис. 4. — 1–3), напоминающий изображения таких птиц на художественном металле сасанидской эпохи. Не исключено, что изображена птица-посланник, олицетворение добрых вестей и плодородия [Украшения..., 1999: 134]. Данная символика уходит своими корнями в постантичную мифологию, а изображения павлинов в этом случае могли быть атрибутами богини Геры как покровительницы брака и деторождения [Reabŭeva, 2014: 65]. Безусловно, болгары могли видеть в фигурке птицы иной смысл, но в любом случае исходный образ птицы и его иконография были явно заимствованы из иранских или византийских прототипов.

Рис. 4. Подвески в виде птиц и животных. Золото, драгоценные камни, зернь, скань. Ближний Восток, XI–XII вв. 1 – подвеска, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 134, кат. 122]; 2 – подвеска, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 134, кат. 122]; 3 – подвески, Иран, X–XI вв. [Украшения..., 1999: 135, кат. 123]; 4 – серьги в виде животных. Иран, XI–XII вв. [Украшения..., 1999: 144, кат. 132]

В зерневом узоре болгарских филигранных трехбусинных колец, помимо сугубо ди-зайнерских решений, прослеживаются и определенные смысловые контаминации, связанные с уже малоуловимыми сюжетами, которые в той или иной степени проявлялись на оригинальных изделиях ближневосточных ювелиров. В качестве примера можно привести иранский золотой филигранный перстень XII в. со сканно-зерневым декором, где имеется композиция из двух человеческих фигур и дерева жизни, иллюстрирующая один из мифологических сюжетов [Court, 2016: 102, cat. 31]. Впрочем, на иранских украшениях XI в. есть и изображения без явной смысловой нагрузки, но повторенные на болгарских золотых подвесках [Jewelry, 2013: 118, 119] (см. рис. 3. — 2).

Сама технология зерни и скани на болгарских украшениях в том виде, которую мы видим, безусловно, заимствована у ближневосточных ювелиров конца X — первой половины XI в. В качестве примера можно привести золотой браслет со щитком из полусфер, обильно украшенных зернью и сканью из собрания Metropolitan Museum [Jenkins, Keene, 1983: 40, cat. 16]. Эти технологии были широко распространены и в последующее время на Ближнем Востоке, в частности в Иране. При этом отмечается, что подъем ювелирного дела в Иране в XII в. связан с волной эмиграции сюда мастеров из Египта и Сирии после падения династии Фатимидов в 1171 г. [Court, 2016: 102; Islam, 2013: 142, 143]. Впрочем, и ремесло самого Египта фатимидской эпохи было явлением сложным, и здесь, судя по данным письменных источников, работали выходцы из Ирана, Сирии и Палестины, а в профессиональном ремесле сохранялись некоторые византийские традиции, хотя роль их в экономике фатимидского Египта оценивается по-разному [Семенова, 1974: 71, 80].

Таким образом, первые золотые болгарские подвески, как с фигурками птицы, так и без нее, были изготовлены в Волжской Булгарии ювелиром, хорошо знакомым с технологией филигрании и образцами золотых украшений, распространенными на Ближнем Востоке в начале XI в. Скорее всего, им был приезжий мастер-ювелир, основавший не позднее середины — второй половины XI в. специализированную ювелирную мастерскую по изготовлению таких украшений в одном из городов Волжской Булгарии. Какого-либо отношения к украшениям IX в. из Великой Моравии они не имеют (если только не видеть в них некоторые общие восточные мотивы), также маловероятно, что образ птицы на болгарской подвеске был сразу связан с водоплавающей птицей-демиургом (уткой, селезнем или гагарой). Больше оснований видеть в этой птице изображение павлина или фазана — священных птиц древних иранцев.

Более крупные размеры болгарской подвески по сравнению с небольшими, а иногда и просто миниатюрными сирийско-египетскими и иранскими подвесками и серьгами X–XI вв., заставило болгарского мастера обратиться и к византийским украшениям прически и головного убора, вписав фигурку птицы во внутреннее пространство кольца, при этом развернув в перпендикулярную плоскость привески на цепочках, разместив крепежные колечки не вдоль кольца-основы, а поперек нижней (средней) напускной бусины. Что вдохновило мастера сделать это именно так, пока не ясно, но в любом случае это придало подвеске не только оригинальность, но и включило ее в круг «шумящих украшений», весьма популярных в Волго-Камском регионе, звуковой эффект у которых образовывался именно за счет привесок на длинных цепочках.

Исходя из вышесказанного нельзя утверждать, что золотые филигранные подвески с фигуркой птицы и привесками являются финальным звеном типологического ряда болгарских височных кольцевидных украшений. Именно они стали отправной точкой изготовления не только серебряных филигранных реплик в XII в., но и дали толчок распространению в XI в. у болгар трехбусинных височных колец в целом (в том числе и без привесок), закрепив традицию, которая сложилась в местной среде. Это подтверждает определенную дискретность в типологическом развитии некоторых категорий болгарской ювелирной продукции, например височных колец, когда эксклюзивные изделия занимают обособленную и даже изолированную нишу среди них, не позволявшую ювелиру вносить изменения в существующую форму и технологию изготовления. Не исключено, что такая ситуация была результатом достаточно короткого срока изготовления филигранных подвесок, когда потребность в модернизации не успела возникнуть, небольшого спроса на них из-за высокой стоимости и сложности изготовления, а также использования привозного материала — золота. Однако эти золотые филигранные подвески являются болгарскими изделиями, в законченном виде появившимися именно в Волжской Булгарии в середине — второй половине XI в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИАМЗ — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМИИ РТ — Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан

ГЭ — Государственный Эрмитаж

МГ РТ — Музей государственности Республики Татарстан

НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан

ОАИЭ (НМ РТ) — Общество археологии, истории и этнографии при Национальном музее Республики Татарстан

СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Давлетшин М. Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа: истоки, становление и развитие. Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. 432 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М. : Наука, 1992. 335 с.

Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков // Девяносто девять имен Всевышнего / сост. Г. Ласикова. М. : Изд. дом Марджани, 2013. 432 с.

Коллекции Михаила и Сергея Боткиных / ред. Н. Мельник. СПб. : Изд-во Государственного русского музея, 2011. 216 с.

Левашова В. П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М. : Наука, 1969. С. 125–130.

Лесман Ю. М., Рябцева С. С. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 309–336.

Поп И. И. Искусство Чехии и Моравии IX — начала XVI века. М. : Искусство, 1978. 255 с. (Очерки истории и теории изобразительного искусства).

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М. : Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.

Руденко К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Казань : Заман, 2011. Т. I. 256 с.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань : Заман, 2015. Т. II. 528 с.

Семенова Л. А. Из истории Фатимидского Египта: очерки и материалы. М. : Наука, 1974. 264 с.

Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США: каталог. СПб. : ГЭ, 1999. 150 с.

Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 5–20.

Хлебникова Т. А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // Советская археология. 1963. № 1. С. 305–309.

Bloom M. J. *Arts of the City Victorious: Islamic Art and Architecture in Fatimid North Africa and Egypt*. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 236 s. (на англ. яз.).

Bosselmann-Ruickbie A. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis fruhen 13 Jahrhunderts*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011. 420 s. (на нем. яз.).

Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. N.-Y. : The Metropolitan Museum of Art, 2016. 365 s. (на англ. яз.).

Dekan J. *Velka Morava. Doba a umenie*. Bratislava: Tatran, 1976. 282 s. (на чеш. яз.).

Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: Publishing H. f. ullmann, 2013. 624 s. (на англ. яз.).

Jenkins M., Keene M. *Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art*. N.-Y. : The Metropolitan museum of Art, 1983. 160 s. (на англ. яз.).

Jewelry. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; L.; N.-Y. : Prestel, 2013. 384 s. (на англ. яз.).

Spink M., Ogden J. *The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One*. L.: New Foundation, 2013. 372 s. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII). (на англ. яз.).

Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millenium*. Catalog of exhibition. L., 2012. 208 s. (на англ. яз.).

Reabteva S. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV–XVII)*. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2014. 386 s. (на молдав. яз.).

REFERENCES

Davletshin M. G. *Ocherki po istorii dukhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda: istoki, stanovlenie i razvitie* [Essays on the history of the spiritual culture of the ancestors of the Tatar people: origins, formation and development]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1990. 432 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy* [The Bulgarian village of the X–XIII centuries is the lower reaches of the Kama River]. Kazan' Tatar. kn. izd-vo, 1991. 176 s. (in Russian).

Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii)* [Culture of early Volga Bulgaria (stages of ethnocultural history)]. Moscow : Nauka, 1992. 335 s. (in Russian).

Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devyanosto deviat' imen Vsevyshnego [Classical Art of Islamic World from IX to XIX Centuries. Ninety-nine Names of God]. Moscow : Izd. dom Mardzhani Publ., 2013. 432 s. (in Russian).

Kollektsii Mikhaila i Sergeia Botkinykh [Collections of Mikhail and Sergei Botkin]. S-Petersburg : Izd. Gosudarstvennyi russkii muzei, 2011. 216 s. (in Russian).

Levashova V. P. O skhodstve visochnykh ukrashenii volzhskikh bolgar s velikomoravskimi [On the similarity of the temporal decoration of the Volga Bulgarians with the Great Moravian]. *Drevnosti Vostochnoi Evropy*. Moscow : Nauka Publ., 1969, S. 125–130 (in Russian).

Lesman Iu. M., Riabtseva C. C. O mnogobusinykh kol'tsakh, evropeiskoi mode i etnograficheskom ubore [On multi-bell rings, European fashion and ethnographic dressing]. *Stratum plus*. 2013. № 5. P s. 309–336 (in Russian).

Pop I. I. *Iskusstvo Chekhii i Moravii IX — nachala XVI veka* [The art of Bohemia and Moravia IX — the beginning of the XVI century]. Moscow : Iskusstvo, 1978. 255 s. (Ocherki istorii i teorii izobrazitel'nogo iskusstva) (in Russian).

Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara [The Journey of Ibn Fadlan: The Volga Route from Baghdad to Bulgar]. Katalog vystavki. Moscow : Izd. dom Mardzhani Publ., 2016. 560 s. (in Russian).

Rudenko K. A. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski* [Bulgarian gold: filigree temporal pendant]. *Drevnosti Biliara*. Kazan' : Zaman Publ., 2011. Tom I. 256 s.

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro* [Bulgarian silver]. *Drevnosti Biliara*. Kazan' : Zaman Publ., 2015. Tom II. 528 s. (in Russian).

Semenova L. A. *Iz istorii Fatimidskogo Egipta. Ocherki i materialy* [From the history of Fatimid Egypt. Essays and materials]. Moscow : Nauka, 1974. 264 s. (in Russian).

Ukrasheniia Vostoka. Iz kollektsii Patti Kadbi Berch, SSHA [Ornaments of the East. From the collection of Patti Cambody Birch, USA]. Katalog. SPb. : GE Publ., 1999. 150 s. (in Russian).

Khalikov A. Kh. Otrazhenie kosmogonicheskikh i genealogicheskikh legend volzhskikh bulgar v arkheologicheskikh materialakh [Reflection of cosmogonic and genealogical legends of the Volga Bulgars in archaeological materials]. *Iz istorii rannikh bulgar*. Kazan', 1981. P s. 5–20 (in Russian).

Khlebnikova T. A. Eshche odna nakhodka bolgarskikh iuvelirnykh izdelii [Another discovery of Bulgarian jewelry] // *Sovetskaia arkheologiya*. 1963. № 1. P s. 305–309 (in Russian).

Bloom M. J. *Arts of the City Victorious: Islamic Art and Architecture in Fatimid North Africa and Egypt*. New Haven and London : Yale University Press, 2007. 236 s.

Bosselmann-Ruickbie A. *Byzantinischer Schmuck des 9 bis fruhen 13 Jahrhunderts* [Byzantine jewelry of the 9th to early 13th century]. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2011. 420 s. (in German).

Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 — July 2016. N.-Y. : The Metropolitan Museum of Art, 2016. 365 s.

Dekan J. *Velka Morava. Doba a umenie* [Great Moravia. Time and art]. Bratislava : Tatran, 1976, 282 s. (in Czech).

Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam : Publishing H.f.ullmann, 2013. 624 s.

Jenkins M., Keene M. *Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art*. N.-Y. : The Metropolitan museum of Art, 1983. 160 s.

Jewelry. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; L. ; N-Y. : Prestel, 2013. 384 s.

Spink M., Ogden J. *The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One*. L.: New Foundation, 2013. 372 s. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII).

Spier J. *Byzantium and the West: Jewelry in the First Millenium*. Catalog of exhibition. L., 2012. 208 s.

Reabțeva S. *Piese de podoabă și de vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV–XVII)* [Ornaments and decoration items for the costume of the population of the Moldovan and Wallachian principalities in the 14th — 17th centuries (in the context of cultural and historical ties)]. Brăila: Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2014. 386 s. (in Moldavian).

УДК 902

А. А. Нуржанов, И. В. Крупко

Институт археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УНИКАЛЬНАЯ СРЕДА И ПРОДУКТ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИМПУЛЬСОВ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Целью работы является изучение некоторых аспектов кросс-культурного взаимовлияния Шелкового пути на социально-экономические, военно-политические и религиозные импульсы тюркских государств как этнокультурной среды. Великий шелковый путь занимает особое место в истории развития международных отношений. Он был не только мировой торговой артерией, но также являлся этосом (каналом) дипломатических отношений, обеспечивающим межкультурный коммуникативный диалог между различными странами. Великий шелковый путь проложил так называемый духовно-этнический и эстетический мост для культурной интеграции и морального обогащения различных народов. Формировался большой интерес к товарам, знаниям и культурам друг друга. Поэтому развитие Великого шелкового пути является крупным культурным событием в истории человечества.

Шелковый путь оказал огромное влияние на формирование политического, экономического и культурного устройства стран, через которые он проходил. Одним из глав-

ных достоинств шелкового пути являлось то, что в нем были заинтересованы все страны, расположенные вдоль этих караванных путей в течение длительного исторического периода, так как он развивал экономические, культурные отношения между ними. Каждое государство стремилось к тому, чтобы именно по его территории проходили караванные пути, обеспечивая развитие торговли и процветание страны.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, тюркская культура, кочевая цивилизация, кросс-культурные исследования, культ Тенгри, духовная культура тюрков.

A. A. Nurzhanov, I. V. Krupko

Institute of Archaeology named after A. H. Margulan, Almaty (Kazakhstan)

TURKIC CULTURE AS A UNIQUE ENVIRONMENT AND PRODUCT OF ETHNOCULTURAL IMPULSES OF THE GREAT SILK WAY

The aim of the work is to study some aspects of cross-cultural mutual influence of the Great Silk Way to the social-economic, military, political and religious impulses of the Turkic states as an ethno-cultural environment. The Great Silk Way has a special place in the history of international relations. It was not only the global trading artery, but also was the ethos (channel) of diplomatic relations, providing intercultural communication between social, religious and regional groups. The Great Silk Way has made the so-called spiritual — ethnic and aesthetic bridge for cultural integration and moral enrichment of different social groups. It forms a great interest in the products, knowledge and cultures of each other. Therefore, the development of the Silk Way is a major cultural event in the history of mankind.

The Silk Way had a tremendous impact on the formation of political, economic and cultural structure of the territories which it passed through. One of the main advantages of the Silk Way was that all countries located along its caravan routes were interested in it for a long period of history, because it developed economic, cultural relations between countries. Each state aspired to pass caravan routes through its territory, ensuring the development of trade and prosperity of the country.

Key words: The Great Silk Way, Turkic culture, nomadic civilization, cross-cultural studies, cult of Tengri, the Turkic spiritual culture.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–02

Нуржанов Арнабай Абишевич, ведущий научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Республика Казахстан). Адрес для контактов: arnabai@mail.ru
Крупко Игорь Владимирович, младший научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Республика Казахстан). Адрес для контактов: tengri95hismatulin@mail.ru

In the middle of the VI AD a new state formation appears on the political arena in Central Asia — the Turkic Khaganate. The Turks first occupy the territory from the Altai to the Syr-Darya, conclude an alliance with Iran and smash the state of the Epthalipites, then advance to the Black Sea. Possessing huge wealth received as a tribute from China and during wars, they were interested in developing trade on the Great Silk Way, supporting Sogdian merchants. Since much of the southern routes were under the control of Sassanid Iran, Dizabul Khagan sent an embassy in 567 headed by the Sogdian merchant Maniah in 567 to jointly control the trade routes. However Shah Khosrov I accepted the ambassadors and defiantly burned the silk on the middle of the capital. The second embassy of the khagan was even poisoned [Rtveladze 2001: 43]. It was a direct declaration of war. Then the kagan sent an ambassador led by the same merchant Maniah directly to Byzantium, through Bukhara, Khorezm around the northern shore of the Caspian Sea and through the Caucasus. A trade and military agreement was concluded. The Byzantine Emperor Justin II sent a reciprocal embassy led by the strategist of the eastern lands, Zemarh, who even participated in the campaign of the Turks against Iran [Destupis, 1861: 66].

The earliest mention of the city of Talas (Taraz) is contained in the opus of the Byzantine historian Menander Protector.

The significance of this opus was described by Z. Udaltsova “Menander’s story about the first acquaintance of Byzantium with the Turkic Khanate of Dizavul is a phenomenon outstanding in early Byzantine historiography. Not for nothing to this day this story is used as a source on the history of ancient Turkic peoples. Menander’s work is truly pearl of description of the embassy of the Byzantine diplomat Zimarh in the Land of the Turks. This story is filled with expressively bright, colorful details, to a certain extent can compete with the story of Priske about the Greek Embassy to the court of Attila..” [Udaltsova, 1984: 33].

Thus, stable trade relations were established between the Turkic Khaganate and Byzantium along the northern path. Interesting material traces of trade with Byzantium on the Silk Way were saved. In the medieval cities of Central Asia and Kazakhstan — Byzantine gold coins of the VI–VII centuries were found. In the VI cultural layer of the city of Taraz, a Byzantine gold solid was found. On Av there was a bust of Justinian I in a helmet with a spear in his right hand, his left hand was covered with a shield. Rv depicts the goddess of victory in a chiton holding a long and wide cross [Masson, 1951: 97].

An important role in trading on the Great Silk Way was played by the territories of Kazakhstan. In the VI–VII centuries more frequently used route was from China to the west through South-Eastern and Southern Kazakhstan. That can be explained by several reasons. First the part of this rout (the southern one from the Khingan mountains to the Black Sea coast) was under the control and protection of the Turkic Khagan who managed to ensure complete safety of the caravans. The proof of this is the words of Xuan Jian: “...to the west of Suyab there are several dozens of cities. Each city has its own ruler. Although they are independent of each other, they obey the Turkic khagan” [Bichurin, 1950: 125]. Secondly, the Turkic Khagans and the then Turkic society were large consumers of goods. Third, the way through Fergana in the VII century was dangerous because of internecine strife.

A greater number of embassy and trade caravans passed through the Silk Way in the VI–XIV centuries. Over the centuries it had been changing: some sites acquired special significance, while others on the contrary, some cities and trading factories on them fell

into decay. So in the VI–VIII centuries. the main route was: Syria — Iran — Central Asia — Southern Kazakhstan — Talas Valley — Chu Valley — Issyk-Kul — Eastern Turkestan. The branch of this road, another route went to the route from Byzantium through Derbent to the Caspian steppes — Mangyshlak — territories near the Aral sea — Southern Kazakhstan [Baypakov, 1998: 12].

In the Middle Ages the cities and settlements of medieval Kazakhstan were not like a simple transit points. They were exporters of a large number of the most diverse goods of their production — both handicraft and agricultural.

According to written sources, metals and ready-made metal products from ceremonial vessels and precious metals were exported from the possessions of the Turkic khagans to various types of weapons: bows and arrows, swords and armor, leather products, among which were specially marked Taraz leather saddles with high bows, carpets and felts, fabrics and clothing, jewelry from gems and colored glass, medicinal and coloring substances.

The main fact of urban policy during the Great Silk Road in our opinion is the concentration of industry and population in urban centers. For example large cities of that epoch and region — Otrar, Ispidzhab, Taraz, Suyab, Balasagun, according to available sources very developed economically and culturally were large trade and craft centers of urban culture. Description of the city of Balasagun is given in the studies of I. Barolina and other researchers: “A lonely minaret of bizarre brickwork stands out at the northern slopes of the Kyrgyz ridge, in the picturesque valley of Shu river, southwest of the modern city Tokmak. This is the famous Burana tower, an architectural monument of the beginning of the XI century. A small hill hides the ruins of an ancient mosque. The remains of the hillocks and ruins silently testify and there was never a medieval city surrounded by ramparts and decorated with monumental buildings. This city is Balasagun, the first capital of the Turkic state of the Karakhanids, which stretched in the XI–XII centuries on a vast territory from western China to the banks of the Amu Darya river [Margulan, 1950: 30].

Turkic plant ornamentation received on the territory of Eurasia not only among the nomads of the steppe zone, but also in Sui and Tang China, Sogd and in some regions of Byzantine Empire. It became a kind of artistic “language” of the ancient Turkic era and a reflection of social prestige and property status. It is decorated with Sogdian silver vessels and ancient Turkic silver and gilded belts, expensive blade weapons and Chinese silk, clothing of Sui emperor Wen-di and gold headpiece of the Turkic Bilge-khagan. The phenomenon of the spread and popularity of plant ornamentation can be compared only with the spread of “animal style” in the Eurasian steppes in the Scythian-Saks era.

The most popular ornamental motif of the ancient Turks was a twisting shoot with alternately flowing flowers from it. In detail depicted flowers can distinguish a bud of a rhombic form and three much longer and swirling petals. Sometimes the shoot forms a complex symmetrical combination of petals.

Exploring Turkic traditions, one should pay attention to the motif of a rider shooting on the move, turning back — a classic plot reflecting the realities of nomadic life and popular in many forms of art. His appearance in the art of cities is associated with the influence of the nomadic environment [Pugachenkova, 1981: 48]. The image of the shooting rider on the run was widely spread also in Sogdian and Iranian art, but in different cases the plot gets a different interpretation and stylistic intonation. For Sogd, a romantic understanding of the image, which,

according to L. I. Rempel is the ideal of the “steppe knight of Central Asia”. This manifests itself in a more dynamic, lively interpretation of the plot, the expressive expressiveness of the whole scene: these features in Sogdian art are manifested as a result of the Turkic influence. A classic example of this group is a dish with the image of a “Sogdian horseman” (VIth — VIIth centuries or the beginning of the VIIIth century, the Hermitage). Stylistic features of the image give grounds to consider the dish as a product of the Turk-Sogdian culture.

The Turkic influence was manifested in Sogdian metal circles, and through them in ceramics [Marshak, 1965: 68]. An interesting thin-walled pitcher with a wide cylindrical throat and spout-spout. The main composition of the ornament on this vessel is non-intersecting lines. It was cleverly developed by repeating the motifs of the ram’s horn (koshkar muiz). Ornament of horns, covering the body of the jug, — echoes of the Saka art.

In the Talas valley, long-term processes of interconnection between the sedentary population of cities with a nomadic world contributed to the penetration of nomadic people into the urban environment, “bringing to the art motifs previously used in decorating clothes, homes, household utensils. Thanks to centuries-old ornamental techniques on skin, wood, felt, bone and metal, the Turks, Karluks, Kimaks, Kypchaks and Karakhanids settled in the cities were able to reproduce them on pottery and architecture and thereby promote the flowering of ornamental art [Senigova, 1974: 35].

In Zhetysu there is a monumental sculpture of ancient Turks with a bird in hand instead of a bowl or goblet, female figures. Such stylistic signs as a gender-specific image of the fingers, of the hand holding the bowl, the curved line of the eyebrows, almond-shaped eyes were common in Zhetysu and could appear under the influence of Sogdian art.

The influence of the Turkic artistic culture was manifested not only in the toreutics — the kind of art traditionally highly developed among the steppe tribes, but also in such purely “urban” types as the carved pieces of Kulan, Suyab, and Lower Barskhan. Four voluminous clay heads, which probably were portraits of real people — men of noble Turkic origin. Such portraits of men with a distinct personality can be seen among the coroplastics of Sogd and Usrushany of the VIth-VIIth centuries.

In the Tang epoch on to the Great Silk Way this a nomadic or steppe civilization was a full-fledged cultural partner of China.

In the province of Hansu in the PRC (where the Usuns lived until they migrated to the valley of the Ile River) in 1969 a bronze statuette of a horse was discovered. He was found in a burial ground, which is worn out by the Han period. A bronze statuette depicts a horse in the distance of a swift run, also a flying bird depicted under the hoof of the hind legs. Scientists call this outstanding cultural monument a “racing horse” or “a swiftly-galloping horse trampling a flying swallow”. Today, the figure of the bronze horse is a fine symbol of the Eurasian Silk Road for the Chinese people. This is another indirect proof that for the Chinese this way was “horse”, and “silk” it became for the Europeans who opened it.

In the VI–X centuries. China’s relations with the Turkic Khaganates which arose on the territory of Mongolia, were established, and then the horse, spread throughout the Great Steppe during the Turkic period of history, was raised to an unattainable height. Let’s turn to the carved lines of the monument to Kul-Tegin in the translation of S. E. Malovo. In that sources described thirteen legendary battles of Kul-Tegin. At the same time, he performed his first feats at the age of 16 on foot, was awarded the title of “hero”. In 21 year he was could

rush on enemies, apparently, on the horse “corresponding to the hero”. When this horse fell Kul-Tegin sat on a horse of white suits nine times, once on bay and twice — brown and once on a gray horse. He used the horses of Shalchi of white suit, Kyl-Tegin fought three or four times on them. The word “shal” in the ancient Turkic language means the same as the “Alp”, the brave one, the man, the hero, the sharp shooter [Ancient Turkic Dictionary, 1969: 32, 115].

Another problem is development of the Turkian culture under the influence of the Great Silk Way. She was in wide contact with the mighty countries of other nations of the world. And, as the researchers write, “these connections increased as the influence of the Turks increased in Central Asia” [Stebleva 1984: 265]. On the example of the Oguz heroic legends “The Book of My Grandfather Corkut” we see the objective world and the ideas of the Silk Way. A whole galaxy of remarkable geniuses of Turkic classical artistic thought presented mankind with the Great Silk Way in the highest period of its development.

One of the highest achievements of the epoch was the creation and wide dissemination of ancient Turkic writing, which had two essential and indisputable merits — autochthonism and authenticity [Kumekov, 2001: 232]. Hundreds of written monuments were preserved in Altai and Mongolia, Khakassia and Tuva, in Eastern Turkistan and Zhetysu, in Volga valley and on the Danube. Ancient Turkic writing was the most adapted to convey the phonetic patterns of Turkic languages and dialects. Obviously, the need for writing arose from the needs of administrative, economic and diplomatic practice, from the need to fix government acts and traditions.

For Zhetysu the Manichean work in Turkic language is distinguished. It is the colophon of the manuscript “*Iki yylytz nom* (Sacred Book of Two Foundations), rewritten in Taraz in the middle of the ninth century. The composition belongs to the didactic genre [Klyashtorny, 1992: 357].

The largest of the philosophers — encyclopaedists of the second half of the 10th century. was Abu Nasir al-Farabi at Turki (about 870–950 gg.), the son of a Turkic military chief, originally from Farab (Otrar). Al-Farabi received his primary education in his hometown, continuing it in Bukhara, Damascus, Baghdad. Was not only mastering the heritage of the ancient Greek philosophers, but also managed to convey it to the peoples of Central Asia. Al-Farabi wrote a number of original works and many scholars of the Middle Ages considered him their teacher. In the comments to Aristotle’s “*Metaphysics*”, “*The Basic Ideas of Philosophy*”, “*On the Views of the Citizens of the Modern City*”, and in other works of al-Farabi, he examines a number of important questions about the essence of cognition, the nature of human society the origin of the state and the causes of social inequality.

Philosophy of al-Farabi was not distinguished by consistency, materialistic tendencies were fantastically intertwined with idealistic ones. However, the social-utopian views of al-Farabi, humane and progressive in their basis, played an important role in the development of world science [Kumekov, 1979: 101–102].

Special attention should be paid to the creative work of two outstanding Turkic-speaking scientists, encyclopedists, philosophers, writers of the Karakhanid Khanate Yusuf Khas-Hajib al-Balasaguni and Mahmud ibn-Hussein Mahmud al-Qashgari. Their literary and scientific heritage has been studied for more than one century, historiography has dozens of works. The emergence of them in this era is a natural phenomenon, for the Turkic world to the XI century reached the apogee of socio-political, economic and cultural life.

The research of the East in the Middle Ages by the scientists is the evidence of its advanced role. However, the deep sides of this phenomenon are marked by more relief events, which have proved the progressive influence of humanistic tendencies. In this respect, the well-known scholar V. Bartold observes that “one of the main cultural merits of the Turk-Muslims was creation of an extensive literature..” [Barthold, 1993: 123].

The material and spiritual culture of Turks passed through several stages of its evolution, on the other, like any culture, developed in active interaction and mutual influence with the cultures of other peoples, both related nomadic and settled (Sogdian, Chinese). Both these processes are reflected in the archaeological material. Ancient Turks, having united, even for a short period, most of Eurasia within the framework of the First Turkic Khaganate, promoted the activation of intercultural and interethnic contacts. Undoubtedly, the functioning of the Great Silk Road played a significant role in this. As a result of active contacts, trade, many categories of subjects of close cultures are leveled [Nurzhanov, 2007: 115–118].

The Great Silk Way had the great economic and political importance in the life of the peoples of Asia and Europe. Its history is a history of broad cultural interaction and interchange between the people of the East and the West. It proves that close cooperation and mutual enrichment of cultures are the basis of peace and progress for all mankind. For the first time in the history of mankind, he connected various countries and peoples, connected their material, artistic and spiritual culture.

REFERENCES

Baipakov K. M. Srednevekoveye goroda Kazakhstana na Velikom shelkovom puti. [Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Way]. Almaty : Nauka, 1998. 212 s. (in Russian).

Bartold V. V. Dvenadtsat' lektsii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii [Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]. Almaty : Zhalyn, 1993. 123 s. (in Russian).

Bichurin N. Ia. Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950–1953. T. I — III. 125 s. (in Russian).

Destupis S. Vizantiiskie istoriki [Byzantium historians]. Sankt-Peterburg, 1861. S. 66 (in Russian).

Drevnetiurkskii slovar [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad : Nayka, 1969. 677 s. (in Russian).

Kliashhornyi S. G. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Etnos, iazyki, religii*. [East Turkestan in antiquity and early Middle Ages. Ethnos, languages, religions]/Otv. red. B. A. Litvinskii. M. : Nauka, 1992. 357 s. (in Russian).

Kumekov B. E. Razvite nauki i kul'tury. [Develop science and culture]. *Istoriia Kazakhskoi SSR [History of the Kazakh SSR]*. Alma-Ata : Nauka, 1979. T. II. S.101–102 (in Russian).

Kumekov B. E. Tiurkskaia stepnaia tsivilizatsiia Velikoi stepi Evrazii [Turkic steppe civilization of the Great Steppe of Eurasia]. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes]. Vy s. 2. Kazan' : Institut istorii AN RT, 2009. 232 s. (in Russian).

Margulan A. Kh. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana* [From the history of cities and the building arts of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata : Akademiya Nauk Kazakhskoy SSR, 1950 (in Russian).

Marshak B. I. *Keramika Sogda VI–VII vv. kak istoriko-kul'turnyi pamiatnik. Avtoreferat diss... kand. ist. nauk.* [Ceramics of Sogd VI–VII centuries as a historical and cultural monument. Ph.D. Thesis in History]. L. : Nauka, 1965 (in Russian).

Marshak B. I. *Sogdiiskoe serebro. Ocherki po vostochnoi torevtike* [Sogdian silver. Essays on eastern torevtics]. M. : Nauka, 1971. 178 s. (in Russian).

Masson M. E. K voprosu o vzaimdeistviakh Vizantii i Srednei Azii po dannym numizmatiki [On the question of the mutual effects of Byzantium and Central Asia according to numismatics]. *Trudy SAGU*. [The writings of SAGY]. V. XXIII, r. 4. Tashkent, 1951 (in Russian).

Nurzhanov A. A. *Vzaimodeistvie stepnykh i osedlykh tsivilizatsii v epokhu Tiurkskikh kaganatov v Semirech'e. Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa. Kazan', 14–16 fevralia* [Interaction of steppe and sedentary civilizations in the era of the Turkic Kaganate in the Semirechye. Proc. Of the of the constituent congress of the International Congress]. 2007. T. 2. S. 115–118 (in Russian).

Pugachenkova G. A. K datirovke i interpretatsii trekh predmetov “vostochnogo serebra” iz kolleksii Ermitazha. [To the dating and interpretation of three items of “Oriental silver” from the Hermitage collection]. *Sredniaia Aziia ee sosedi v drevnosti i srednevekov'e* [Central Asia is its neighbors in antiquity and the Middle Ages]. M., 1981 (in Russian).

Rtveladze E. V. *Tiurkesha-pravitelia Chacha*. [Turkesh, the ruler of Chach]. *Numizmatika Tsentral'noi Azii*. [Numismatics of Central Asia]. Tashkent, 2001 (in Russian).

Senigova T. N. Ornamental'nye uzory na keramicheskikh sosudakh VI–IX vekov [Ornamental patterns on ceramic vessels of the VIth–IXth centuries]. *V glub' vekov. Arkheologicheskii sbornik* [In the depths of centuries. Archaeological collection]. Alma-Ata, 1974. S. 119–143 (in Russian).

Stebleva I. V. *Drevniaia tiurkoiazychnaia literatua. Istoriia vseмирnoi literatury* [Ancient Turkic-speaking literature]. T. II. M. : Nauka, 1984 (in Russian).

Udal'tsova Z. V. *Diplomatia rannei Vizantii* [Diplomacy of early Byzantium]. M., 1984 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы : Наука, 1998. 212 с.

Бартольд В. В. Двенадцать лекции по истории турецких народов Средней Азии. Алматы : Жалын, 1993. 123 с.

Бичурин Н. И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1953. Т. I — III. 125 с.

Деступис С. Византийские историки. СПб., 1861. С. 66.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 677 с.

Клишторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии / отв. ред. Б. А. Литвинский. М. : Наука, 1992. 357 с.

Кумеков Б. Е. Развитие науки и культуры // История Казахской ССР. Алма-Ата : Наука, 1979. Т. II. С. 101–102.

Кумеков Б. Е. Тюркская степная цивилизация Великой степи Евразии // Археология Евразийских степей. Вып. 2. Казань : Институт истории АН РТ, 2009. 232 с.

Маргулан А. Кх. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Академия Наук Казахской ССР, 1950.

Маршак Б. И. Керамика Согда VI–VII вв. как историко-культурный памятник : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. : Наука, 1965.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торовитике. М. : Наука, 1971. 178 с.

Массон М. Е. К вопросу о взаимодействиях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды САГУ. Вып. XXIII. Ташкент, 1951.

Нуржанов А. А. Взаимодействие степных и оседлых цивилизаций в эпоху Тюркских каганатов в Семиречье // Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля. Казань, 2007. Т. 2. С. 115–118.

Пугаченкова Г. А. К датировке и интерпретации трех предметов восточного серебра из коллекции Эрмитажа // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Ртвеладзе Е. В. Монеты Тюркеша — правителя Чача // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2001.

Сенигова Т. Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI–IX веков // В глубь веков. Археологический сборник. Алма-Ата, 1974. С. 119–143.

Стеблева И. В. Древняя тюркоязычная литература // История всемирной литературы. М. : Наука, 1984. Т. II.

Удальцова З. В. Дипломатия ранней Византии. М., 1984.

УДК 398.223 (224); 398.541 (543)

Л. А. Ямаева

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа (Россия)

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СЛЕД В ЭТНОГЕНЕЗЕ БАШКИР⁵

Рассматриваются древние переднеазиатские этнокультурные компоненты, оставившие след в фольклоре, языке, геномике башкир. В качестве исторических источников использованы эпос «Урал батыр», шежере (родословные) башкирского племени усерган, языковой материал. Для сравнительного анализа привлечены легенды и предания каракалпакских мюйтенов, шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше. Основной методологической концепцией стала теория локальных цивилизаций. В качестве методики исследования использованы типологический, сравнительный, интеграционный подходы. В работе для доказательства этногенетических связей между башкирами-усерга-

⁵ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Центра социокультурного анализа Института стратегических исследований Республики Башкортостан за 2018 г.

нами и каракалпакскими мюйтенами привлечены результаты современных генетических исследований. Проанализировано слово *нэнэй* / *бабушка*, этимология которого, по мнению автора, восходит к имени шумерской богини Инаны (среднеазиатский вариант — Нанайи). При сравнении башкирского архаического эпоса «Урал батыр» и сказания о Гильгамеше обращено внимание на типологические схожести в сюжетных мотивах и образах персонажей этих фольклорных произведений. Рассмотрены возможные пути проникновения переднеазиатской традиции на Южный Урал. В результате выявлены отдельные элементы в культуре башкир, которые восходят к древнейшему этапу их этногенеза.

Ключевые слова: исторический фольклор, башкирская традиция, родословные, племена, этнокультурные связи, антропологические признаки, *нэнэй*, восточные семиты.

L. A. Yamaeva

Institute for Strategic Research of the Republic of Bashkortostan, Ufa (Russia)

ASIANMINOR TRACE IN THE ETHNOGENY OF THE BASHKIRS

The article deals with the ancient Eastern ethnocultural components, have left a trace in folklore, language, genomics of Bashkirs. As the historical sources used the epic “Ural Batyr”, shezhere of Bashkir tribe Usergan, linguistic material. For comparative analysis involved legends and stories of Karakalpak muytens, Sumerian/Akkadian epic of Gilgamesh. The main methodological concept was the theory of local civilizations. As a research methodology, a typological comparative, integration approach was used. In the work, to prove the ethoetic connections between the Bashkirs and the Karakalpak muytenans, the results of modern genetic studies are involved. The word Naney/grandmother is analyzed, the etymology of which, in the author’s opinion, goes back to the namr of the Sumerian goddess Inana (the Central Asian version is Nanaya) When comparing the Bashkir archaic epic “Ural batyr” and the tales of Gilgamesh, attention is drawn to typological similarities in the plot motifs and images of the characters of these folklore works. The possible ways of penetration of the front Asian tradition into the Southern Urals are considered. As a result was discovered certain elements in the culture of the Bashkirs which date back to the earliest stages of their ethnogeny.

Key words: historical folklore, Bashkir tradition, pedigrees, tribes, ethnocultural ties, anthropological signs, neney, eastern Semites.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–03

Ямаева Лариса Асхатовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. Уфа (Россия). Адрес для контактов: yamaeva@mail.ru

К настоящему времени вопрос об использовании фольклора в качестве исторического источника для изучения этногенеза башкир не является дискуссионным. Применяя метод исторического анализа фольклорных текстов, известный советский этнолог Р. Г. Кузеев исследовал сотни башкирских преданий, легенд, родословных (шежере). Фольклорные источники были использованы им для выдвижения собственной гипотезы происхождения башкирского народа, выяснения времени и путей переселения тех или иных компонентов, вошедших в его состав, их родоплеменного состава и родоплеменной структуры [Кузеев, 1974].

Используя генеалогические легенды и исторические предания одной из этнических групп в составе южных башкир — усерган, Р. Г. Кузеев сделал ряд выводов. Ученый обратил внимание на то, что генеалогическая легенда родоплеменных вождей усерган начинается с Муйтен-бия, что, по его мнению, весьма интересно с точки зрения этнокультурных связей башкир-усерган с племенем мюйтен, наиболее древним этническим пластом в составе каракалпакского народа. На древние этногенетические связи двух названных племен указывают сходство тамг, некоторых названий родов и родовых подразделений и др. В конце I тысячелетия н. э., согласно точке зрения Р. Г. Кузеева, часть мюйтенов в составе печенежских племен могла переселиться в Восточную Европу, где они позднее приняли новое племенное название, согласно шежере, по имени сына Муйтена-бия — Усергана [Башкирские..., 1960: 85, 200]. Здесь произошла контаминация: имя народа (mitanni, maiteni) башкиры перенесли на имя своего предводителя, а имя царя Саргон в форме усерган стало самоназванием этого крупного башкирского племени. Такая контаминация вполне объяснима как древностью когда-то происходивших событий, так и дальностью перемещения в пространстве.

В свою очередь, одна из известных специалистов по этнической истории каракалпакского народа Л. С. Толстова указывает на каракалпако-башкирские фольклорные соответствия, которые относит к средневековому этапу этногенеза каракалпаков. Исследовательница отмечает, что один из наиболее старинных жанров каракалпакского фольклора — исторические поэмы (толгау) — находит ближайшие аналогии в древнейшем эпическом жанре башкир — кубаирах. По мнению Л. С. Толстовой, в исторических преданиях каракалпаков нашел отражение тот период их этнической истории, когда они из Приаралья в составе печенежских племен вынуждены были откочевать на берега Едиля (Волги) и Жайыка (Яика, Урала) [Толстова, 1977: 157–159].

Вместе с тем этногенетические предания содержат сведения о событиях, отстоящих от современности на сравнительно небольшом хронологическом расстоянии. В силу этого обстоятельства они не фиксируются другими внешними источниками этногенетических преданий (язык, антропология), так как за этот короткий для истории отрезок времени не успевают измениться соответствующие этнические характеристики [Алексеев, 1977: 31].

Антропологические признаки родственных башкирам-усерганам зеравшанских узбеков-митанов и каракалпаков-мюйтенов изучены в науке достаточно хорошо. Антропологи относят их к переднеазиатскому, ассириодному типу, одной из характерных особенностей которого является обильный рост третичного волосяного покрова. Принадлежность предков мюйтенов к переднеазиатскому антропологическому типу, отмечает

Л. С. Толстова, нашла отражение в легендах об их происхождении от библейского Йиса (Исава), все тело которого было покрыто волосами, а также в народной этимологии названия мюйтен как «мой тан» (тадж. *муӣ тан*, перс. *муӣ тәйн*) — «волосатое тело», «тело, покрытое волосами» [Толстова, 1984: 74].

В этой связи необходимо отметить, что по данным современных генетических исследований среди всех этнических групп в составе башкир только у усерган (Зианчуринский район Республики Башкортостан) фиксируется одна из «переднеазиатских» гаплогрупп J2a-M172 (более 30%). Причем, оказавшись на Южном Урале, носители этой гаплогруппы ассимилировали носителей местной гаплогруппы N1c-M178. Один из уфимских исследователей генофонда башкир Ю. М. Юсупов⁶ делает вывод, что в целом присутствие «переднеазиатской» ветви в генофонде башкир-усерган отражается довольно хорошо [Материалы...].

На переднеазиатский след в этногенезе башкир-усерган указывает и имя сына их родоначальника — Усерган. На наш взгляд, это несколько видоизмененный вариант имени Саргон. Так звали основателя царства Аккада Шаррумнена (2316–2261 гг. до н. э.). В истории он известен как Саргон Древний. Хотя от Саргона дошли подлинные надписи, он известен больше по шумерским и аккадским поэмам, которые рассказывают о его жизни и царствовании. В этих поэмах его или превозносят как любимца богини Иштар, или осуждают за гордыню и пренебрежение к воле богов. Как считают специалисты, этническое происхождение Саргона Древнего восходит к восточным семитам [История..., 1983: 233, 234, 488]. В этой связи исследовательский интерес вызывает факт, зафиксированный Л. С. Толстой у каракалпакских мюйтенов. Во главе их мифологической генеалогии, пишет она, стоит Сам (Сим библейский), тогда как каракалпаки, как и большинство других тюркоязычных народов, выводятся от Япуса (Яфет библейский) [Толстова, 1984: 175].

Интересно отметить, что только в диалекте усерган и других этнических групп башкир, этногенез которых восходит к племенам печенежского круга, имеется слово «нэ-нэй», которое переводится на русский язык как «бабушка». В ряде кавказских и индоевропейских (в том числе иранских) языках слова с корнем «па(i)n» также означают «бабушка», реже «мать» [Абаев, 1973: 155]. Этимология этих слов восходит, вероятно, к имени шумерской богини Иннин / Инаны, которую в историческую пору Шумера почитали как богиню утренней звезды, плодородия и распри. В Уруке, в одном из девяти номов (областей) Шумера, которым она покровительствовала и где были воздвигнуты храмы в ее честь, она олицетворяла планету Венеру. Необходимо сказать, что правителем первой династии царей Урука и военным вождем этого нома (лугалем) был легендарный Гильгамеш [История..., 1983: 110, 145, 166, 169, 308]. В свою очередь мифической прародительницей мюйтенов считается Ак-Шолпан (Белая Венера), имя которой в результате контаминации превратилось в их уран (боевой клич) [Толстова, 1977: 145; Толстова, 1984: 177]. Наша точка зрения о связях мюйтенов с Шумером согласуется с выводом, сделанным Л. С. Толстой. Она отмечает, что пережитки древнейших верований у мюйтенов восходят к религиозным верованиям народов Переднего Востока (или имеющим с ними общие корни) [Толстова, 1977: 150].

⁶ Автор выражает благодарность Ю. М. Юсупову за предоставленные неопубликованные данные его полевых исследований.

Культ Инаны как богини плодородия отправлялся на различных территориях, входивших в свое время в состав иранской державы Селевкидов, Парфянского царства, Кушанской империи. В частности, в Согдиане существовал культ этой богини, имя которой на местном языке звучало как Нанайи [Коровчинский, 2007: 12–14; Беленицкий, 1976: 81]. Проникновение культа этой богини на территорию Средней Азии, вероятно, проходило тем же путем, которым туда пришли мюитены. Как считает Л. С. Толстова, основным (и хронологически значительно более ранним) путем переселений этнических предков мюитенов с их переднеазиатской прародины является южный путь, который шел от берегов озера Урмия⁷ (древнее название Ма (н) тиана) через Иран, южную Туркмению или северный Афганистан («Балх-Бадахшан») и далее — вниз по Амударье (или по Сырдарье) в Южное Приаралье. Другая ветвь этой миграции — на Заравшан, потомки этой части племени известны как узбекские матиены. Время этих переселений — предположительно вторая четверть I тыс. до н. э. [Толстова, 1984: 175, 177; 1983: 11]. А в Средние века, как отмечалось выше, часть мюитен ушла на Южный Урал, где они известны как усергане. Сохранившееся у башкир-усерган слово «нэнэй» свидетельствует в пользу этой гипотезы.

Прародиной мюитенов в науке считается обширная территория в районе озера Урмия (от верховьев Аракса и кончая верхним течением Тигра). На этой территории еще со времен Геродота (V в. до н. э.) были известны майтиены (матиены) как реальная этническая группа [Алиев, 1987: 66–67]. Ряд исследователей связывает их этноним с названием широко известного государства бронзового века Митанни, соседствующего в свое время с Хеттским государством и Ассирией. Пик могущества Митанни пришелся на XV в. до н. э., окончательно оно было уничтожено ассирийцами в 1260 г. до н. э.

На переднеазиатский след в башкирском этногенезе указывает архаический эпос «Урал батыр»⁸, который, по мнению многих современных фольклористов, имеет множество совпадений, соответствий с шумеро-аккадским эпосом о Гильгамеше («О все видавшем»). Согласно точке зрения известного российского исследователя месопотамского сказания В. В. Емельянова, необходимо отдельно изучать его в шумерской и в ассирио-вавилонской традициях. В шумерских текстах героя легендарного эпоса звали Бильгамес, а название города, которым он правил, по-шумерски звучало Унуг. В аккадском языке, который ученые относят к семитским, героя зовут Гильгамеш, а город — Урук. Говоря о датировке составления эпоса, В. В. Емельянов отмечает, что аккадский его вариант начал создаваться в городе Уруке в XX–XIX вв. до н. э., а его окончательный вариант был составлен в VII в. до н. э. в Ниневии. Очень важным для нашего исследования является положение ученого о том, что история Гильгамеша была письменным литературным произведением, возникшим в среде грамотных людей и предназначенным для чтения и заучивания в школе. Найдены таблички с текстом эпоса на хеттском, хурритском и эламском языках, что свидетельствует о его популярности в Малой Азии и на юго-западе Иранского нагорья. Народы Ближнего Востока, учившиеся клинопи-

⁷ Территория современного Ирана (иранский Азербайджан).

⁸ Впервые «Урал батыр» был записан собирателем башкирского фольклора Мухаметшой Бурангуловым в 1910 г. До этого эпос, который считался и считается у башкир сакральным текстом, передавался из поколения в поколение устной традицией. К заучиванию сакрального текста допускались лишь посвященные сказители — *сэсны*. В настоящее время проводятся ежегодные конкурсы чтецов «Урал батыра».

си в писцовых школах, должны были хорошо знать если не содержание, то хотя бы фабулу эпоса. Не вызывает сомнений, отмечает В. В. Емельянов, что существовала традиция устной передачи сюжетов эпоса о Гильгамеше, дошедшая до греков классического полиса и до евреев Римской империи. Они переосмысливали отдельные сюжеты известного текста, вводя имена его героев в новые религиозные и исторические ситуации [Емельянов, 2015: 9, 13, 115–117, 209]. Видимо, подобным образом отдельные сюжеты шумеро-аккадского эпоса дошли и до предков башкир.

Доминирующей версией рождения Бильгамеса в мифологии считается его происхождение от священного брака унутского эна (правителя) и богини плодородия Нинсун. Новый этап в развитии культа Бильгамеса наступил в эпоху третьей династии Ура⁹, когда он был встроен в иерархию верховных богов, управляющих миром [Емельянов, 2015: 31, 35]. Область Ура интересна для нас тем, что первые цари его третьей династии (царство Шумера и Аккада) носили имена Ур-Намму (ок. 2112–2094 гг. до н. э.) и Шульги [р] (2093–2046 гг. до н. э.) [История..., 1983: 488]. Созвучие этих имен с именами главных героев башкирского эпоса «Урал батыр» (Урал и Шульган) не вызывает сомнений. Еще одну аналогию мы находим в имени персонажа башкирского кубаира Заркум с семитским именем-прозвищем наместника Царства Шумера и Аккада (третьей династии Ура) Зарикумом. Он был наместником (энси) царя в Ашшуре. Известен Зарикум тем, что оставил древнейшую дошедшую до нас из Ашшура надпись, посвященную урскому царю Бур-Сина I (Амар-Зуэна, 2045–2037 гг. до н. э.) [История..., 1988: 23, 26].

При сравнении двух эпосов видны явные параллели в сюжетных мотивах и образах персонажей. Так, Урал батыр, как и Гильгамеш (Бильгамес), — полубог, сверхчеловек, покровитель воинов. В аккадской версии эпоса о Гильгамеше имеется сюжет борьбы героя с быком [Емельянов, 2015: 38], который сравним с похожим сюжетом башкирского кубаира [Урал батыр, 1987: 58–59]. Одним из персонажей шумерского эпоса является Утнапиштим — человек, некогда спасенный богами от потопа, ставший бессмертным. Боги спасли и сделали бессмертной и его жену [Емельянов, 2015: 134, 136]. Эти персонажи напоминают спасшихся от потопа родителей Урала и Шульгана (Янбирде и Янбика). «Смерть была им неизвестна» — говорится в башкирском эпосе [Урал батыр, 1987: 35, 36].

Общим для башкирского кубаира и шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше является мотив, связанный с общечеловеческой проблемой поисков «живой воды», уничтожения смерти. Но различаются подходы главных героев двух эпосов к решению этой проблемы. Гильгамеш ищет бессмертия только для себя; Урал батыр совершает свои подвиги, движимый желанием помочь всем людям на земле. Главный мотив эпоса «Урал батыр», считает известный советский фольклорист А. А. Петросян, — «человек сильнее всех сущих». А шумерский эпос опирается на другую идею: «все от воли богов» [Петросян, 1982: 33, 34]. Как отмечал автор ранее в ряде своих публикациях, сказание о Гильгамеше отражает принципы «доосевой» морали, свойственные людям эпохи бронзы. А в эпосе «Урал батыр» нашли отражение моральные принципы «осевого» времени, когда появилась идея подвига во имя других, «чужих» людей, идея самопожертвования (см.: [Ямаева, 2013; 2015]).

⁹ Область (ном) Ур в дельте Евфрата.

Пока Гильгамеш был героем только месопотамской традиции, о нем писали как о смертном человеке, пожелавшем невозможного — вечной жизни. Во всех последующих древних и средневековых традициях — еврейской, греческой, сирийской, арабской — его стали изображать как сверхчеловека (титана, исполина) [Емельянов, 2015: 314]. Сравнительный анализ текстов кубаира «Урал батыр» и сказания о Гильгамеше позволяет нам предположить, что отдельные элементы шумеро-аккадского эпоса нашли отражение и в башкирской традиции.

Возможным транзитным пунктом проникновения переднеазиатской традиции на Южный Урал была древняя Маргиана (страна Маргуш), существовавшая на территории юга современного Туркменистана в конце III–II тыс. до н. э. Царство Маргуш, по мнению ряда исследователей, было основано переселенцами из Месопотамии. Образованную ближневосточной популяцией страну ученые определяют как вторичную цивилизацию [Кожин, 2004: 86, 90]. На наш взгляд, в эпосе «Урал батыр» под страной царя Катила зашифрована именно древняя Маргиана (см.: [Ямаева, 2012: 86,87]).

Башкирский народ складывался в течение многих столетий, он впитал в себя (в различных пропорциях) самые разнообразные компоненты: от едва прослеживаемых элементов, тяготеющих к странам Передней Азии в древности, через уже значительно более ощутимые слои древнего и раннесредневекового восточноиранского мира к средневековым тюркоязычным кочевникам и полукочевникам — печенегам, огузам, кыпчакам. Все эти одновременные составные слагаемые оставили свои следы в культуре башкир, изучение которых помогает заполнять «белые пятна», еще остающиеся в сложных проблемах происхождения, этнической истории и этнокультурных связей башкирского народа. Одним из важных источников такого рода исследований является исторический фольклор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II: L — R. Л.: Наука, 1973. 448 с.

Алексеев В. П. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 9–32.

Алиев И. Г. Племена и племенные группы в Атропатене // Вестник древней истории. 1987. № 3. С. 62–82.

Башкирские шежере / составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960. 304 с.

Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976. С. 75–89.

Емельянов В. В. Гильгамеш: Биография легенды. М.: Молодая гвардия, 2015. 358 с.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия. М.: Наука, 1983. 534 с.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия. Египет. М.: Наука, 1988. 623 с.

Кожин П. М. Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации: сб. статей к 75-летию В. И. Сариниди. М.: Старый сад, 2004. С. 83–91.

Коровчинский И. Н. Культы эллинистической Бактрии (на материалах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум и храма Окса в Тахти-Сангите) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 572 с.

Материалы полевых экспедиций в РБ «Genografic project» Медико-генетического научного центра и Академии наук Республики Башкортостан (под рук. Е. В. Балановской, координатор Ю. М. Юсупов).

Петросян А. А. История народа и его эпос. М. : Наука, 1982. 216 с.

Толстова Л. С. Использование фольклора при изучении этногенеза и этнокультурных связей (на среднеазиатском материале) // Фольклор и историческая этнография. М. : Наука, 1983. С. 6–22.

Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М. : Наука, 1984. 247 с.

Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М. : Наука, 1977. С. 141–164.

Урал батыр // Башкирское народное творчество. Т. I: Эпос. Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1987. С. 35–134.

Ямаева Л. А. Башкирский кубаир «Урал батыр» как этногенетический источник // Проблемы востоковедения. 2012. № 2 (56). С. 84–89.

Ямаева Л. А. О времени создания эпоса «Урал батыр» // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 125–131.

Ямаева Л. А. Эпос кушанской эпохи // Вестник ВЭГУ. Уфа, 2015. № 1 (75). С. 186–196.

REFERENCES

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Volume II]. Т. II L — R. Leningrad : Nauka, 1973. 448 s. (in Russian).

Alekseev V. P. Etnogeneticheskie predaniia, lingvisticheskie dannye, antropologicheskii material [Ethnogenetic traditions, linguistic data, anthropological material]. *Etnicheskaia istoriia i fol'klor* [Ethnic history and folklore]. М. : Nauka, 1977. S. 9–32 (in Russian).

Aliev I. G. Plemena i plemennye gruppy v Atropatene [Tribes and tribal groups in Atropatene]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1987. № 3. S. 62–82 (in Russian).

Bashkirskie shezhere / Sostavlenie, perevod tekstov, vvedenie i kommentarii R. G. Kuzeeva [Bashkir Shezhere / Compilation, translation of texts, introduction and comments R. G. Kuzeev]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 304 s. (in Russian).

Belenitskii A. M., Marshak B. I. Cherty mirovozzreniia sogdiitsev VII–VIII vv. v iskusstve Pendzhikenta [Features of the worldview of Sogdians VII–VIII centuries in the art of Penjikent]. *Istoriiia i kul'tura narodov Srednei Azii (drevnost' i srednie veka)* [History and culture of the peoples of Central Asia (antiquity and the Middle Ages)]. М. : Nauka, 1976. S. 75–89 (in Russian).

Emel'ianov V. V. *Gilgamesh: Biografiia legendy* [Gilgamesh: The biography of the legend]. М. : Molodaia gvardiia, 2015. 358 s. (in Russian).

Istoriia drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoi tsivilizatsii. Ch. 1. Mesopotamiia [History of the ancient East. The origin of the oldest class societies and the first centers of slave-owning civilization. Part 1. Mesopotamia]. M. : Nauka, 1983. 534 s. (in Russian).

Istoriia drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoi tsivilizatsii. Ch. 2. Peredniaia Aziia. Egipet [History of the ancient East. The origin of the oldest class societies and the first centers of slave-owning civilization. Part 2. Front Asia. Egypt]. M. : Nauka, 1988. 623 s. (in Russian).

Kozhin P.M. Tsivilizatsiia, utonuvshaia v peskakh velikoi pustyni [Civilization, drowned in the sands of the great desert]. *U istokov tsivilizatsii: sb. statei k 75-letiiu V.I. Sarianidi* [At the origins of civilization: Sat. articles to the 75th anniversary of V.I. Sarianidi]. M. : Staryi sad, 2004. S. 83–91 (in Russian).

Korovchinskii I.N. *Kul'ty ellinisticheskoi Baktrii (na materialakh "khrama s ustupchatymi nishami" v Ai-Khanum i khrama Oksa v Takhti-Sangite). Avtoreferat diss. kand. ist. nauk* [Cults of Hellenistic Bactria (on materials of the "temple with concessionary niches" in Ay-Khanum and Oksa temple in Takhti-Sangita). Author's abstract of the thesis ... Candidate of Historical Sciences]. M., 2007. 22 s. (in Russian).

Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: Etnicheskiy sostav, istoriia rasseleniia* [The origin of the Bashkir people: Ethnic composition, the history of settlement]. M. : Nauka, 1974. 572 s. (in Russian).

Materialy polevykh ekspeditsii v RB "Genografic project" Mediko-geneticheskogo nauchnogo tsentra i Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (pod ruk. E.V. Balanovskoi, koordinator Iu.M. Iusupov) [Materials of field expeditions in the Republic of Belarus "Genografic project" of the Medical Genetic Science Center and the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (under the direction of E.V. Balanovskaya, coordinator Y.M. Yusupov)] (in Russian).

Petrosian A.A. *Istoriia naroda i ego epos* [History of the people and its epic]. M. : Nauka, 1982. 216 s. (in Russian).

Tolstova L.S. Ispol'zovanie fol'klora pri izuchenii etnogeneza i etnokul'turnykh sviazei (na sredneaziatskom materiale) [The use of folklore in the study of ethnogenesis and ethno-cultural ties (on Central Asian material)]. *Fol'klor i istoricheskaia etnografiia* [Folklore and historical ethnography]. M. : Nauka, 1983. S. 6–22 (in Russian).

Tolstova L.S. *Istoricheskie predaniia iuzhnogo Priaral'ia. K istorii rannikh etnokul'turnykh sviazei narodov Aralo-Kaspiiskogo regiona* [Historical legends of the southern Aral Sea area. To the history of the early ethno-cultural ties of the peoples of the Aral-Caspian region]. M. : Nauka, 1984. 247 s. (in Russian).

Tolstova L.S. Istoricheskiy fol'klor karakalpakov kak istochnik dlia izucheniia etnogeneza i etnokul'turnykh sviazei etogo naroda [Historical folklore of the Karakalpaks as a source for studying ethnogenesis and ethno-cultural connections of this people]. *Etnicheskaia istoriia i fol'klor* [Ethnic History and Folklore]. M. : Nauka, 1977. S. 141–164 (in Russian).

Ural batyr [Ural batyr]. *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. T. I: Epos* [Bashkir folk art. Volume I: The Epos]. Ufa : Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. S. 35–134 (in Russian).

Iamaeva L.A. Bashkirskii kubair "Ural batyr" kak etnogeneticheskii istochnik [Bashkir kubair "Ural batyr" as an ethnogenetic source]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. 2012. №2 (56). S. 84–89 (in Russian).

Iamaeva L. A. O vremeni sozdaniia eposa “Ural batyr” [About the time of the creation of the epic “Ural batyr”]. *Ural i prostory Evrazii skvoz’ veka i tysyacheletii* [Ural and the expanses of Eurasia through the centuries and millennia]. Ufa : RITs BashGU, 2013. S. 125–131 (in Russian).

Iamaeva L. A. Epos kushanskoi epokhi [The Epic of the Kushan Epoch]. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEhU]. Ufa, 2015. № 1 (75). S. 186–196 (in Russian).

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510) 03; 94 (517)

Г. Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

СУДЬБА ЭЛИТЫ КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИМПЕРИИ ЛЯО, 907–1125)

Речь идет о судьбе киданьской элиты в постгосударственный период. Эта судьба есть неотъемлемая часть крушения и деформации государства. За все время решающего противостояния киданей и чжурчжэней наметилось несколько механизмов борьбы с ляоской элитой. Чжурчжэни сразу начали элементарный демонтаж киданьской элиты, когда шло элементарное физическое уничтожение ее в ходе военных действий. В это время часть элиты оказалась вытеснена за пределы империи. Параллельно военному противостоянию шла информационная атака, предусматривающая две цели — воспитание ненависти к киданям в среде самих чжурчжэней и дискредитация ляоской империи и ее династии перед геополитическими соседями и населением Ляо. Это информационное наступление было очень тщательно продумано и шло сразу в нескольких направлениях. Особое место в «холодной войне» чжурчжэней с киданями заняла деятельность по дискредитации как отдельных киданьских императоров, так и фигуры императора в целом. Особую роль в уничтожении киданьской элиты сыграла и культурная перестройка. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

Ключевые слова: кидани, империя Ляо, элитаи, кочевники, император, чжурчжэни.

G. G. Píkov*Novosibirsk state University, Novosibirsk (Russia)*

THE FATE OF THE NOMADIC ELITE OF THE EMPIRE AFTER THE COLLAPSE OF THE STATE (FOR EXAMPLE, THE EAST ASIAN EMPIRE LIAO, 907–1125)

This article deals with the fate of the Chitan elite in the post-state period. This fate is an integral part of the collapse and deformation of the state. For all the time of a decisive confrontation between the Chitans and the Jurchen've outlined a few mechanisms to deal with elite of the Liao. Jurchen immediately began basic dismantling of the Chitan elite. First of all, of course, there was an elementary physical destruction of it during military operations. In the course of military operations, part of the elite was forced out of the Empire. Parallel to the military confrontation was information attack with two goals — the education of hatred against the Chitans in the environment of the Jurchen and discredit Empire Liao and its dynasty before geopolitical neighbors and to the people Liao. This information offensive was very carefully thought out and went in several directions. A special place in the “cold war” between Jurchen and the Chitans was occupied by activities to discredit both individual Chitan emperors and the figure of the Emperor as a whole.

Played a special role in the destruction of the Chitan elite and general cultural restructuring. Jurchen actually took control of all cultural flows. That's when the Jurchen almost completely disappeared Chitan abundant literature.

Keywords: Chitans, Empire Liao, the nomads, the Emperor, Jurchen.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–04

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru

Одной из важнейших и интереснейших проблем исторической науки является история государства. Так называемая всеобщая история, которую мы изучаем, есть, строго говоря, история тех общественных и политических институтов, которые зарождаются на определенном этапе развития человечества и существуют по сей день, в том числе и государства. Принцип изучения истории через государство был сформирован в античности и возрожден в эпоху Ренессанса (Ж. Боден). За последние столетия изучена история многих конкретных государств. Тем не менее в этом есть некоторый парадокс. Мы подробно исследуем период создания государства и его историю до разрушения или исчезновения, однако практически не касаемся процесса его деформации. В лучшем случае изучаются, а иной раз вполне подробно, как в случае

с Римской или Византийской империями, предпосылки и причины гибели государства. Однако любое государство представляет собой достаточно совершенное этатическое устройство и не умирает мгновенно, всегда есть процесс длительного, сложного и болезненного его демонтажа. На это обычно не обращают внимания, все сводится к военному разгрому, но государство — это не только и даже не столько армия, соответственно, процесс демонтажа многосторонний и многоступенчатый.

В данной статье речь идет об оригинальном варианте государства — кочевой империи киданей под названием Ляо (901–1125) на территории Восточной Азии. История его создания и функционирования в общих чертах реконструирована [Е Лун-ли, 1979; История Железной империи, 2007; Пиков, 2016; Wittfogel К. — А., Feng Chia-sheng, 1949], но заключительный этап его существования сводится лишь к «разгрому» его чжурчжэнями. То, что осталось после войны от сложной этатической конструкции, рассматривается лишь при описании формирования новой империи Цзинь (Золотая империя, 1115–1234). Вспоминается лишь то, что было при этом «использовано» чжурчжэнями.

Проблема демонтажа киданьской империи обширна и многоаспектна, и в данном случае речь пойдет лишь о судьбе киданьской элиты в постгосударственный период. Эта судьба есть неотъемлемая часть крушения и деформации государства. Как само государство, так и его элита не могли быть просто и быстро физически уничтожены, хотя и такие случаи в истории известны, однако обычно эти феномены уходят медленно и сложно.

Значительную информацию об этом можно получить на материале таких обширных исторических сводов, как «Ляо ши» и «Цидань го чжи», особенности которых в данном случае необходимо обязательно учитывать¹⁰. Это не просто так называемые первоисточники, но и тексты, отражающие довольно специфические представления о киданях и их государственности во время существования и после гибели империи Ляо. Сам отбор документов, включенных в них, и оценки как отдельных фактов и государственных деятелей, так и самого киданьского государства очень тенденциозны. Однако содержащийся в них фактический материал вполне репрезентативен при изучении нашей темы.

В условиях деградации и гибели империи Ляо ее элита разделилась на три части, судьба каждой из них разная. Часть погибла в боях, многие пошли на службу к новой династии. Одна часть ушла на запад с членом императорского рода Елюй Даши. Упоминания о киданьской элите в источниках с этого времени становятся редкими. Это связано с двумя факторами: постепенное исчезновение киданьской элиты в пределах созданной в Восточной Азии новой империи чжурчжэней Цзинь (Золотая империя, 1115–1234) и минимальная информация о западнокиданьском государстве Си Ляо (1125–1218) в источниках того времени.

Чтобы понять судьбу киданьской элиты в пределах новой империи, надо учитывать, что речь идет о необычной социальной категории.

Киданьская элита — особая этносоциальная группа. Она представляла собой верхушку всего имперского «управляющего класса» и осуществляла функции управления социумом, вырабатывала новые модели (стереотипы) поведения, позволяющие социуму приспосабливаться к изменяющемуся окружению, контролировала большую

¹⁰ Подробнее о структуре и истории создания «Цидань го чжи» и «Ляо ши» см.: [Таскин, 1971: 62–82].

часть материальных и политических ресурсов, занимала высшие посты в иерархии статуса и власти, получив их по положению или по заслугам. Она четко отделяла себя от остальных слоев населения с помощью особых прав и обязанностей, образа жизни, этоса, одежды, уровня богатства, погребения. Элита — не высший уровень развития общества или рода, а род, сделавший своей «профессией» управление. Остальные феодалы не были ему подчинены. У каждого слоя своя «профессия», и «правлящий» род занимается всей территорией, у него максимальные полномочия («власть»). Это особый этносоциальный слой, стоящий над обществом, с особой идеологией и особой судьбой. В государственных делах не знать и даже не аристократия проявляли инициативу, а именно элита. Элита — особый социальный слой, создающийся, если так можно выразиться, под особый проект. В данном случае — «империя». При этом речь идет о руководстве этим проектом, а не о простом участии в нем.

Именно по этой причине чжурчжэни в рамках своего государства вели решительную борьбу именно с элитой. За все время решающего противостояния киданей и чжурчжэней наметилось несколько механизмов борьбы с ляоской элитой.

Чжурчжэни сразу начали элементарный демонтаж киданьской элиты. На положение, востребованность и эффективность ее деятельности, несомненно, влияло уже то, что чжурчжэни отбирали у ее представителей собственность, права и привилегии. Прежде всего, разумеется, шло их элементарное физическое уничтожение в ходе военных действий. Надо признать, что это было безжалостное уничтожение, если только не удавалось кого-то перетянуть на свою сторону. Преимущественно завоеватели брали практиков, специалистов, т. е. своего рода продукт проекта, а не представителей царствующего рода. Последние и бились, как правило, насмерть, и им никогда не доверяли. Чжурчжэням нужны были военные знания и таланты представителей элиты, и при малейшем подозрении, как это было в случаях с членами императорского рода Елюй Юйду или Елюй Даши, которые были захвачены в плен и вынуждены были пойти на службу к захватчикам, убивали их или их родственников. Представителям элиты во многом намеренно предоставляли менее значительные должности, чем те, которые они занимали ранее. Это «опускание вниз», перевод в разряд специалистов-исполнителей, со временем приводило к их депрофессионализации.

Представители киданьского управляющего класса активно использовались чжурчжэнями. Именно они помогли восстановить ляоскую систему контроля за кочевыми племенами. Северо-западные и юго-западные киданьские губернии в 1127 г. были превращены в верховные «комиссариаты», которые возглавили кидани, опиравшиеся на помощь своих соплеменников. В империи Цзинь кидани занимали посты советников, старших советников, вице-канцлеров [Воробьев, 1975: 299, 300].

В ходе военных действий часть элиты оказалась вытеснена за пределы империи. Член императорского рода Елюй Даши увел их сначала в западные районы империи Ляо, а потом и на территорию Центральной Азии (современные Казахстан и Киргизия). После разгрома Ляо с Елюй Даши ушло до 200 членов правящих родов Елюй и Сяо. Их уход в определенной степени был выгоден чжурчжэням, которые не только избавились от необходимости вести затяжную борьбу с особо непримиримыми сторонниками возрождения киданьской империи на своей территории, но и обрекли их на, казалось бы, неминуемое уничтожение мусульманами. Кто мог предполагать, что Даши

сможет нанести мусульманским правителям ряд сокрушительных поражений и получит возможность создать «правительство в эмиграции», которое очень скоро станет во главе одного из крупнейших азиатских государств? Как, однако, покажет дальнейшая история, эта «высылка диссидентов» в итоге все же приведет к их физическому уничтожению мусульманами и монголами. В любом случае эта часть элиты перестала представлять опасность для цзиньцев.

Параллельно военному противостоянию шла информационная атака, предусматривающая две цели — воспитание ненависти к киданям в среде самих чжурчжэней и дискредитация ляоской империи и ее династии как перед геополитическими соседями киданей (китайская империя Сун и тангутская Си (Западная) Ся), так и внутри самой Ляо перед ее населением.

Это информационное наступление было очень тщательно продумано и шло сразу в нескольких направлениях.

Первой подверглась информационному удару идея «Ляо», когда было искажено значение этого слова. В этом термине нашли дополнительное значение «железные оковы» и именно в контексте угнетения стали рассматривать и саму киданьскую историю и культуру, и сущность киданьского государства. Если династия создала несправедливое государство, занимавшееся этническим и социальным угнетением, то тем самым фактически в осуществлении этого обвинялись именно представители элиты.

Чжурчжэни уже в период войны с Ляо начали демонтаж киданьского народа, с таким трудом собранного из различных этнических групп. Демонтаж «киданей» шел быстрее, чем демонтаж этатической конструкции «Ляо», ведь основная масса населения, включая знать и даже многих аристократов, ничего не теряла с приходом новых хозяев, оставаясь на прежнем месте.

Чжурчжэни гордились своими победами над Ляо, хотя одновременно повторяли китайский тезис о воинственности киданей и тем самым, можно сказать, внесли свой вклад в формирование этого современного клише. Следует отметить, что именно во время династии Цзинь появилось «Цидань го чжи» («История государства киданей») с несомненным использованием тех материалов, которые попали в руки цзиньцев после разгрома Ляо. Создание этого текста стало мощным информационным ударом не только по киданям, но и по кочевникам в целом. Фактически игнорируется уникальнейший в истории всей Азии опыт создания гигантской империи и описывается лишь история «варварского» народа, с акцентом на извлечении лишь в чем-то полезной информации.

Этим трудом был подан пример того, как должна проводиться ревизия и фильтрация киданьского цивилизационного наследия. Кидани рассматривались как «варвары», значит, извратители культуры. Тем самым это китайское представление начнут перенимать и северные народы, которые сами всегда жили на периферии. Эта операция, на самом деле, имеет и другие неприятные последствия. Чжурчжэни сумели активно войти в кампанию по дискредитации киданей и извращению сложившегося имиджа их цивилизации, но свой адекватный имидж они создать не сумели. Культурное влияние чжурчжэньского государства было менее широким. Созданное ими письмо носило не международный, а региональный характер. Картина мира киданей была более широкой и уступала разве что лишь китайской, тогда как чжурчжэни максимально изо-

лировались от окружающего мира и противопоставили себя и Северу, и Югу. Это станет одним из факторов, обезоруживших кочевников перед лицом достаточно активной культурной экспансии Китая, степень грубости и неуважительности по отношению к кочевникам в котором резко повышается. Антикочевнические настроения в Китае значительно усиливаются по сравнению со временем существования Ляо. Это аукнется и во времена Чингисхана: монголы уважали Ляо и ненавидели Цзинь: и за прерзительную политику по отношению к монголам, и за то, что чжурчжэни позиционировали себя как оседлое государство, пришедшее на смену кочевым киданям. Чжурчжэни вызвали неприязнь со стороны кочевых народов за это и за претензии на господство во всей Восточной Азии.

Особое место в «холодной войне» чжурчжэней с киданями заняла деятельность по дискредитации как отдельных киданьских императоров, так и фигуры императора в целом.

Первый удар был нанесен по действующему императору Елюй Тяньцзо. Именно ему выразил неповиновение мятежный Агуда, будущий основатель чжурчжэньского государства, и именно его чжурчжэни обвиняли в несправедливой политике по отношению к племенам. Впоследствии свой опыт этой борьбы они обобщили и применили по отношению ко всей национальной политике Ляо. Для своей информационной атаки чжурчжэни использовали новое понимание «свободы». Если для киданей свобода дает право на самостоятельность и уникальность развития, то для чжурчжэней она дает право на борьбу с «угнетением». В результате происходит подмена понятия. Агуда вполне сознательно в борьбе с Ляо инициировал и провоцировал разного рода «майданы», играя на желании тех, у кого было чего-то мало, бесплатно получить большее.

В результате шел одновременно демонтаж цельного комплекса ляоской элиты, и ее роль фактически сводилась к угнетению социальных низов и других народов. Демонтаж исторической памяти шел широко, проводился осознанно, умело и на всю глубину киданьской истории и культуры. Осмеяны и оклеветаны оказались государство, армия, культура, экономика.

Что касается киданьской цивилизации, то в результате была размонтирована ее центральная матрица, т. е. система ценностных координат. Кидани «рассыпались» и постепенно утратили надличностное сознание и коллективную волю. У них отрезали историческое прошлое, естественно, чтобы не стать манкуртами, они вынуждены были искать новую этническую нишу, которую обретут окончательно лишь при монголах. Чжурчжэньское и монгольское заместят киданьское, которое сохранится лишь в препарированном виде в двух великих текстах, в отдельных фактах, именах, мифах. Кидани при Цзинь утратили целостную картину мира, способность к логическому и объективному осмыслению своего прошлого и превращались из демоса в охлос (толпу), что и фиксирует слово «кара-китай». Здесь речь идет не только о тех, кто создал свой центральноазиатский эксклав, но и о маркере понижения статуса этноса, потери им культурной матрицы.

Сама идея киданьского императора дискредитировалась тем, что его появление именно чжурчжэнями, не считая, разумеется, китайцев, было объяснено нарушением государственного порядка. В этом плане они совместно с китайцами провели большую работу по дискредитации деятельности первого имперского правителя. Е Лунли в сво-

ем сочинении эту мысль выразил афористически точно: Елюй Абаоцзи (китаизированное произношение имени основателя киданьского государства) «узурпировал власть».

Внешне это действительно было похоже на узурпацию, разумеется, с точки зрения китайской имперской системы. На самом деле мы видим формирование нового, еще невиданного в истории типа государства — кочевого. Киданьское государство Ляо стало первой полноценной кочевой империей, а Елюй Апоки стал первым кочевым императором. Время Апоки — знаковое для киданей, своего рода переломный момент в их истории, переход от типично кочевой к более сложной и комплексной экономике.

Фигура Апоки выделяется в истории киданьской элиты именно тем, что он «навел порядок», «открыл», «указал путь», «начал», «дал истину», т. е. не просто вывел из тупика, а показал долгий и благополучный путь в будущее.

Средневековые китайцы не могли отрицать незаурядность фигуры первого кочевого императора, хотя причины его воцарения сводили к узурпации трона варварами. Е Лунли писал: «Неужели Небу не надоели беспорядки, иначе как незаконно присвоивший себе имя и титул смог подчинить различные народы?! Если это не так, почему он действовал тогда так энергично! Ведь то, что пять племен варваров, подобно тучам собираясь вместе, беспокоили Китай... хотя и объясняется действиями людей, но зависело также и от судьбы» [Е Лун-ли, 1979: 54].

Китайцы столкнулись с совершенно новой для себя ситуацией и на первых порах повели себя стандартно. Они не могли принять киданьскую элиту в целом и конкретно Апоки как равноправных акторов политики в Восточной Азии. Апоки, с их точки зрения, «узурпировал» власть дважды. Первый раз, когда он не захотел смениться с должности вождя союза племен в соответствии с традицией. Китайцы считали, что приход к власти вопреки правилам есть нарушение порядка, установленного Небом. В самом Китае мятежников всегда осуждали, даже если они захватывали власть, вели с ними борьбу до конца. Второй раз Апоки «узурпировал» власть, когда стал создавать свою элиту путем своеобразной «опричнины». Здесь кочевая аристократия, хотя и не принимала идею верховной и, по сути, неограниченной власти, понимала, что сложная социополитическая ситуация носит универсальный характер в рамках всей Восточной Монголии и Маньчжурии. Они готовы были поддержать Апоки, позволить ему укрепить властную вертикаль. Если бы он пошел путем Чингисхана и вышел на масштабную внешнюю экспансию, его бы поддерживали и далее. Однако Апоки ограничился наведением порядка в регионе и не увидел вины Китая во внутренних неурядицах кочевого мира. Позднее Чингисхан даже упрекал киданей в том, что они проглатывали обиды, и говорил, что мстит и за них, и за всех монголов в целом, чем, собственно, и привлек на свою сторону основную массу племен.

Е Лунли очень много пишет о пьянках киданьских правителей, разврате, царившем при ляоском дворе. Эта компрометация представителей киданьской элиты, их обещивание сочетались с описанием «бандитизма» киданей, угнетения ими подвластных народов и при этом опирались на богатый фактический материал, иногда, можно подозревать, просто сомнительного происхождения или заимствованный из слухов. Уже одно обилие такого рода «фактов» давало возможность для автора «Цидань го чжи» не допустить при описании фактически имперской истории использование жанра «династийной истории».

В то же время киданьскую элиту оттеснили от основных направлений деятельности, а они многообразны и непросты: выстраивание госаппарата (основу заложили преобразования Апоки), развитие идеи и модели империи, адаптация имперской конструкции к Ляо, строительство родов Елюй и Сяо как правящих, поддержание существования элиты как надстройки над аристократией, обеспечение эффективного функционирования договорных отношений со знатью и аристократией, активная внешняя политика, направленная на стабильность существующих границ, языковая политика и т. д. Киданьская элита реализует конкретные функции, имеющие общеимперское значение: редистрибутивные, реципрокационные, дипломатические, регулирующие, религиозные, а также охрана территории, руководство войсками. Кроме того, важны и такие функции киданьской элиты, как гносеологическая, аксиологическая, коммуникативная, интегративная, информационная, мировоззренческая.

Один из признаков элиты — ее образованность. Это особо подчеркивается в текстах, особенно в отношении представителей императорского рода. Можно говорить о существовании искусственной системы образования для привилегированных слоев. Программа была изощренная — языки, литература, управление, физическое развитие. Кидани были почти полностью вытеснены из этой системы.

Сыграла особую роль в уничтожении киданьской элиты и культурная перестройка в целом. Чжурчжэни фактически взяли под свой контроль все культурные потоки. Именно при чжурчжэнях практически полностью исчезла обильная киданьская литература.

В итоге, если несколько зло покаламбурить, то чжурчжэни не могли, да и не хотели убивать имперскую идею, но убивали ее носителей — киданей. Это был своеобразный исторический плагиат с уничтожением авторов. Чжурчжэни не просто использовали киданьские идеи, по-своему интерпретировав их, но и приписали фактически себе, обвинив киданей в нарушении воли Неба, что якобы и привело к гибели их династии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М. : Наука, 1975. 448 с.
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М. : Наука, 1979. 613 с.
- История Железной империи. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. 365 с.
- Пиков Г. Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). Новосибирск : Манускрипт, 2016. 506 с.
- Таскин В. С. Китайские источники по истории династии Ляо // Страны Дальнего Востока (История и экономика). М., 1971. С. 62–82.
- Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 с.

REFERENCES

- Vorob'ev M. V. Chzhurchzhèni i gosudarstvo T'Szin' [Jurchen and state of Jin.]. M. : Nauka, 1975. 448 s. (in Russian).

E Lun-li. Istorii a gosudarstva kidaneĭ (TSidan' go chzhi) [History of the state of Chitan (Qid'an Guo Zhi)]. Perevod s kitaĭskogo, vvvedenie, kommentarii i prilozhenii a V. S. Taskina. M. : Nauka, 1979. 613 s. (in Russian).

Istorii a Zheleznoĭ imperii. Novosibirsk [History of the Iron Empire]: Institut arkheologii i ětnografii SO RAN, 2007. 365 s. (in Russian).

Pikov G. G. Kidan'skai a ělita v istoricheskom kontekste (907–1218) [Chitan elite in historical context (907–1218)]. Novosibirsk : Manuskript, 2016. 506 s. (in Russian).

Taskin V.S. Kitaĭskie istochniki po istorii dinastii Liao [Chinese sources on the history of the Liao dynasty]. *Strany Dal'nego Vostoka (Istoriia i ěkonomika)* [The countries of the Far East (History and economy)]. M., 1971. S. 62–82 (in Russian).

Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125). *Transactions of the American philosophical Society*, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 p.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 93/94

И. В. Анисимова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕКУНСКОГО ДЕЛА В СТЕПНОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.¹¹

Проводится анализ развития института опеки в Степном крае в конце XIX — начале XX в. Недостатки опекунского дела, отчетливо проявившиеся во внутренних губерниях России, с большей силой заявили о себе в национальных окраинах империи. Деятельность института опеки регламентировалась общеимперским законодательством, незавершенность которого привела к формированию вариативных практик организации опекунской части в регионе. Опекунское дело в Туркестанском крае и Степных областях находилось в компетенции судебных ведомств, а руководство опекунской частью было возложено на мировых судей. В конце XIX в. актуальным стал вопрос о распространении института опеки среди казахского населения. Было разработано несколько механизмов ведения опеки в казахском обществе. В 1904 г. Степным генерал-губернатором был предложен проект развития опекунской части по примеру опеки в крестьянской среде и усиления роли и функций крестьянских начальников. Однако отсутствие юридического определения опеки в казахском традиционном праве, сохранение института аменгерства вызывало существенные сложности в распространении общеимперских правовых институтов. В результате вплоть до 1917 г. в регионе так и не был выработан единый принцип деятельности опекунской части.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, казахи, институт опеки, законодательство, народный суд, адат.

¹¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

I. V. Anisimova

Altai State University, Barnaul (Russia)

ORGANISATIONAL FEATURES OF GUARDIANSHIP IN THE STEPPE REGION IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

This article analyses the development of institute of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries. The performance of the guardianship institute was regulated by the common imperial legislation, the incomplete nature of which resulted into the formation of various practices of guardianship organisation in the region. Guardianship in Turkestan and the Steppe regions were in the judicial department's competence, while the guardianship governance was entrusted to the international judges. In the late XIX c. the issues of guardianship institute among the Kazakh population extension became topical. A number of mechanisms regarding the guardianship conduct in the Kazakh community were developed. In 1904, the Steppe Governor-General proposed the guardianship development project in the peasant environment and the reinforcement of peasant chiefs' role and functions. However, the lack of a legal definition of guardianship in Kazakh traditional law, the perseverance of emigration institute caused significant difficulties in spreading of common imperial legal institutes. As a result, up until 1917 the common principle of guardianship performance was not developed in the region.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Kazakhs, Institute of guardianship, legislation, people's court, Adat.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–05

Анисимова Инна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: iva0410@mail.ru

Важнейшим аспектом правовой системы государства исторически являлась охрана семьи, материнства и детства. Становление института опеки в России как формы защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей, приходится на XVIII в. В период правления Екатерины II в результате принятия указа об «Учреждения для управления губерний» учреждения, ведающие опекой над осиротевшими детьми, стали занимать заметное место в системе органов управления. Тогда же опека приобрела одну из своих главных черт — принцип сословности, являлась не единой организацией, а «англомератом как будто бы различных учреждений» [Нечаева, 2013: 4]. По закону 1775 г. опекой ведали особые учреждения в зависимости от сословной принадлежности осиротевшего ребенка, его опекуна, были созданы дворянская опека, сиротский суд и другие органы. Однако за рамками законодательства оставалось развитие данного института среди коренного населения имперских национальных окраинах.

Предпринятые Екатериной II шаги по развитию опеки и попечительства в России стали основополагающими вплоть до конца XIX в. Безусловно, государственной властью делались попытки модернизации имеющейся нормативно-правовой основы деятельности данного института, однако они были безуспешными. Не был утвержден проект положения 1810 г., разработанный законодательной комиссией во главе со М. М. Сперанским, проекты, разработанные в 1847, 1860, 1864 гг., также по разным причинам были отклонены Государственным советом. В целом, при признании необходимости обеспечения интересов детей, оставшихся без родителей, закон в основном регулировал отношения по конкретным конфликтным делам, а сам правовой институт опеки и попечительства полностью сформирован не был [Макарова, 2006: 5–8]. К концу XIX в. в основе формирования системы опекунских учреждений сохранялся сословный признак. Устройством дворянских детей занимались дворянские опеки, купеческих, мещанских, детей разночинцев — сиротские суды. Опека над сиротами — детьми представителей духовенства относилась к ведению епархиального попечительства о бедных духовного звания. Опека над крестьянскими детьми возлагалась не на государственный орган, а на крестьянское общество. Однако к концу XIX в. все очевиднее становилось несовершенство института опеки в России, причины которого виделись в нечеткости отношений опекунских учреждений и опекуна над личностью ребенка и сохранении принципа сословности. Неодновременное введение опекунских учреждений для всех сословий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. привело впоследствии к наличию большого количества недостатков, обнаружившихся при реализации опекунских постановлений на практике. В связи с этим государственная власть стояла перед необходимостью широкомасштабного реформирования законодательной базы по опеке и попечительству на основе принципа бессословности [Осипова, 2011: 147].

По опекунским делам губернии и области Российской империи делились на две категории: первая — это регионы, управляемые по Общему Учреждению, вторая, к которой относились Туркестанский край и Степные области, управлялись по Особному Учреждению, что в целом соответствовало организации системы местного управления в государстве [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1926. Л. 9–11]. Недостатки опекунского дела, отчетливо проявившиеся во внутренних губерниях России, с большей силой заявили о себе в национальных окраинах империи. Постановка вопроса о реорганизации института опеки в Степном крае проходила в русле общеимперских тенденций реформирования законодательной базы института опеки и попечительства в отношении всех сословий Российской империи. Именно в конце XIX в. в органах управления Степного края стал активно обсуждаться вопрос о необходимости распространения общеимперской системы опекунства на казахское население региона.

Согласимся с мнением ряда исследователей, что проблема сиротства среди кочевого населения Туркестанского края и Степных областей не была первостепенной, так как малолетние сироты пользовались призранием родовых сообществ [Волков, 2017: 137]. Особый характер развития опекунского дела тесно связан и с традиционными семейно-брачными отношениями в казахском обществе. Как правило, вдову вторично выдавали замуж за ближайшего родственника умершего мужа, который и принимал на себя попечение над малолетними детьми и их имуществом. Рас-

пространенный в казахской среде обычай аменгерства, безусловно, вызывал особое осуждение со стороны русских чиновников. Родня покойного чаще всего назначала его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников. Иногда декларировалось право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего, но осуществлялось это далеко не всегда [Стасевич, 2011: 80–81]. Таким образом, сироты оставались в семье, а их имуществом полностью распоряжалась родня умершего отца. Однако такой механизм шел вразрез с общероссийскими правовыми нормами. Политика государственной власти, направленная на интеграцию центральноазиатских национальных окраин в общеимперское пространство, делала необходимым унификацию действующих в Туркестанском крае и Степных областях судебно-правовых институтов [Лысенко и др., 2014].

Изначально сложности в организации опекунской части в Степных областях были вызваны отсутствием нормативно-правовой основы деятельности данного правового института. Частично деятельность института опеки регламентировалась Положением об управлении Туркестанского края 1886 г. и Положением об управлении Степными областями 1891 г. Важной особенностью опекунской части в Туркестанском крае и Степных областях было включение организации деятельности данного института опеки в компетенцию судебного ведомства. Заведование опекунской частью согласно Положению об управлении Туркестанского края 1886 г. было возложено на мировых судей. Существенными полномочиями были наделены областные суды, в том числе правом осуществления залога, продажи и отчуждения недвижимых имений малолетних [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 21]. Организация опекунского дела среди местного оседлого и кочевого населения находилась в компетенции народного суда. За назначение опекунов к малолетним и их имуществу отвечали участковые судьи, деятельность которых была подконтрольна съезду народных судей [Положение..., 1886]. Положение об управлении Степными областями 1891 г. в плане организации опекунской части полностью апеллировало к Туркестанскому положению [Положение..., 1891: 969] Статьи, регламентирующие учреждение опеки у казахского населения региона, включены в Положение 1891 г. не были, отчасти потому, что «опекунские дела регулируются родовым строем жизни кочевников и обычаями инородцев, не нуждаясь в законодательных определениях» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72]. Отсутствие разработанной нормативно-правовой основы и четкого механизма организации опеки среди казахского населения Степного края породило разнообразные практики реализации и требовало регламентации.

Одним из вариантов организации института опеки у казахов Степных областей рассматривался механизм деятельности опекунской части у крестьян Российской империи. Крестьянская опека регламентировалась рядом нормативно-правовых актов. В крестьянской среде обязанность учреждения опеки над личностью и имуществом, а равно ответственность за действия опекунов малолетних сирот лежала на сельском обществе, иногда опека устанавливалась сельским старостой, волостным старшиной, волостным правлением и волостным судом. Это зависело от практики, которая имела место в той или иной губернии [Макарова, 2006: 7]. Надзор за опекунами и рассмотрение жалоб на действия опекунов являлись компетенцией земского начальника, реше-

ния которого, в свою очередь, рассматривались и утверждались в Губернском присутствии. В целом, функции земского участкового начальника, который, по мнению ряда исследователей, «получил единоличное руководство в отношении крестьянской опеки», были достаточно широкими [Вьюнник, 2010: 139].

Распространенное в 1903 г. на Степные области Положение о крестьянских начальниках включало в себя ряд статей, целиком взятых из действующего во внутренних губерниях закона о земских начальниках. Согласно Положению в компетенцию крестьянских начальников входил широкий круг обязанностей: «Попечение о нуждах, забота и представительство об удовлетворении потребностей крестьянского и киргизского (казахского. — И. А.) населения, руководство экономической, а отчасти и духовной жизнью населения, поддержание внутреннего порядка в селениях и аулах, обеспечение каждому обывателю в крестьянском участке возможности спокойно, по вере и обычаям отцов, жить, работать и пользоваться плодами своего труда». Важное значение имели судебные полномочия крестьянских начальников и функции посредника «во взаимных отношениях обывателей» [Анисимова, Лысенко, 2015: 21]. В связи с этим именно к обязанностям крестьянских начальников переходили функции земских начальников по опекунской части, а также те права и обязанности по наблюдению за общественным управлением казахов, которые лежали на уездных начальниках согласно Положению 1891 г. об управлении Степными областями.

В августе 1904 г. вопрос о постановке опекунского дела у кочевого населения Степного края был рассмотрен на заседании Семипалатинского областного правления. В докладе подчеркивалось, что Степным Положением совершенно не регламентирована защита интересов сирот среди казахского населения. Практика, по заключению региональных чиновников, показывала, что дела об опеке либо вообще не заявляются, либо при их возникновении находятся во введении народных судей. Однако участие в данном деле последних вступает в противоречие с самой сутью института опеки, так как «забота о судьбе членов общества и охранение их интересов должны лежать, по принципу общинного строя аульных обществ, на самом обществе, роль же народного судьи в такого рода делах может быть допускаема лишь в качестве посредника между заинтересованными сторонами при разборе споров или исков» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27об.]. В связи с этим, по мнению Семипалатинского областного правления, более целесообразным выглядела бы передача организации и обеспечения опекунского дела аульным обществам, которые должны «по примеру сельских обществ установленным порядком избирать опекунов, поверять и следить за их действиями, заботиться о личности и имуществе сирот». Данной позиции придерживался и Съезд крестьянских начальников области, который признал необходимым передать попечение о малолетних сиротах в компетенцию аульных обществ и организовать дело по аналогии с сельскими обществами под контролем крестьянских начальников. Выбор в пользу аульных обществ был определен традиционными взглядами на родственные отношения, сложившиеся в казахском обществе. Согласно казахским обычаям, «дети-сироты находятся на воспитании ближайших родственников, которые по управлению имуществом малолетних наследников не дают никакой отчетности, а в случае растраты его отвечают перед судом биев, уплачивая стоимость и штраф. Опекунов из посторонних лиц не бывает, а если ближайшие родственни-

ки окажутся неблагонадежными, то старики-одноаульцы выбирают для опеки других лиц из дальних родственников» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33]. Такая, по мнению степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина, «несложная организация опекунского дела у киргиз, отличающаяся с первого взгляда как бы полным безучастием в этом деле общественных сил», соединяет в себе основные требования к организации института опеки, как-то участие в опеке ближайших родственников, общественная оценка деятельности опекунов и контроль за ними, судебная ответственность опекунов за сохранность вверенного имущества.

Однако проект передачи опекунских функций аульным обществам вызвал определенную критику со стороны региональной администрации в лице волостных управителей, которые подчеркивали, что «избрание опекуна аульным сходом возможно, но проверка опекунских отчетов для общества будет делом крайне затруднительным и едва ли выполнимым <...>. На практике могут быть такие недоразумения, что опекаемые имущества, не превышающие в большинстве случаев 100 руб., по оценке окажутся по отчетам недостаточными для содержания сирот на первые же два или три года, и тогда назначенный обществом опекун по представлении отчета в употреблении всего имущества на содержание сирот, или совершенно откажется от попечения над ними или потребует на содержание их средства от самого общества». Волостные управители также отмечали, что неуместно сравнивать опеку над имуществом среди русского крестьянства и в казахской семье, так как «у крестьян опека охраняет главным образом дом с усадьбой и земельный надел крестьянского двора, у киргизов ни того ни другого нет, землянка ценности не имеет, кибитка и скот имущество движимое; первая требует постоянного расхода на ремонт, а скот может давать доход только при заботливом уходе за ним» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 82].

В сентябре 1904 г. Н. Н. Сухотин в своем обращении к военному губернатору Семипалатинской области А. С. Галкину подчеркивал, что «все эти условия, опираясь на обычай, настолько успешно охраняют в жизни интересы опекаемых, что жалоб и споров по опекам в степи почти не слышно» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33]. Однако, несмотря на в целом позитивную оценку опекунского дела у казахов, степной генерал-губернатор говорил о необходимости реорганизации института опеки во вверенном ему регионе. Недостатки традиционной системы виделись губернатору прежде всего в нерегулярности аульных сходов, полный и компетентный состав которых собирается не чаще одного раза в три года. В связи с этим, по мнению Н. Н. Сухотина, сохранение организации опекунских дел в традиционном виде приведет к негативным последствиям, в том числе к нескончаемой волоките в разрешении спорных дел, в незнании казахами основных положений закона об опеке и, как следствие, неправильности его применения и возможного распространении в степи «до сих пор неизвестного сутяжничества по опекунским делам, которое с удовольствием будут возбуждать и подогревать бродячие адвокаты» [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33].

После длительного рассмотрения дела о состоянии опеки у кочевого казахского населения осенью 1904 г. Степным генерал-губернатором был издан приказ, направленный на регламентацию деятельности данного института.

Степной генерал-губернатор Н. Н. Сухотин подчеркивал, что развитие института опеки среди казахского населения возможно лишь при непосредственном участии кре-

стьянских начальников, что нашло отражение в содержании приказа, основные положения которого сводились к следующему:

«1) Опекунские дела у киргизов (казахов. — *И. А.*) ведутся по народным обычаям, но под ближайшим надзором крестьянских начальников, согласно п. 29 Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного положения о Крестьянских начальниках <...>.

2) О всяком случае призрения путем опеки волостные управители должны доносить подлежащему крестьянскому начальнику, с поименованием тех лиц, которые по народным обычаям приняли на себя опекунство и кратким указанием количества и рода имущества <...>.

3) Всем опекам крестьянские начальники должны вести алфавитную книгу и при служебных разъездах по участку лично удостоверяться о ходе опекунского дела и состояния имущества.

4) В случае недобросовестного ведения дела опекунами, крестьянские начальники делают распоряжения о замещении их, по указаниям почетных киргиз аула и стариков, другими лицами, согласно народным обычаям.

5) При утрате опекунами имущества, дело о возмещении убытков передается в народный суд, а избрание нового опекуна производится порядком, указанным в предыдущем параграфе» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 2–2об.].

Однако, несмотря на принятие столь важного постановления, сложности в постановке опекунской части в Степных областях сохранялись. Более того, инициатива Степного генерал-губернатора об усилении роли крестьянских начальников в системе опеки среди казахского населения была поддержана не везде. В 1904 г. состоялся Первый областной съезд крестьянских начальников Уральской области, на котором отдельно рассматривался вопрос о постановке опекунского дела в Степном крае. В ходе обсуждения был заслушан доклад «Об опеке над личностью и имуществом малолетних сирот киргизского населения» крестьянского начальника 1-го участка Уральского уезда Ф. И. Тихомирова, в котором был представлен подробный анализ состояния института опеки в Степных областях [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 68об. — 75]. Прежде всего чиновник обращал внимание на особенности отношения к опеке в казахском обществе. В своем докладе Тихомиров обращал внимание в первую очередь на то, что «киргизам неизвестны опеки в том строгом смысле, как он определяется законом. По объяснению приглашенных мною на съезд в июне этого года представителей киргизских обществ всех волостей участка в лице волостных управителей, аульных старшин и волостных выборных, по одному от каждого аула, в целях охранения имущества малолетних сирот у киргизов, по обычаю и шариату делается так: осиротевшие малолетние принимаются на попечение ближайшего родственника, в распоряжение которого переходит все имущество. Никаких споров о наследственных делах до суда не доходит, если они и бывают, то оканчиваются добровольным соглашением между родственниками при участии посторонних наиболее влиятельных киргиз» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72]. В итоге, после рассмотрения дела на съезде было выработано единое мнение о том, что учреждение опек у казахов по правилам, установленным для крестьянских обществ, не имеет законного основания и практически невыполнимо [ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 38].

Нерешенность проблемы оставляла ее открытой, при этом дискуссия продолжалась несколько лет. Региональные власти неоднократно говорили о сложности становления системы опеки и попечительства в Степных областях. Так, в январе 1907 г. военный губернатор Тургайской области А. А. Ломачевский подчеркивал, что кочевое население вверенной ему области совершенно не знакомо с институтом опеки. Военный губернатор объяснял это обстоятельство тем, что «малолетние сироты и вдовы рассматриваются киргизами как часть имущественного наследства, оставшегося после смерти кибитковладельца, которое по обычаю должен унаследовать ближайший родственник умершего. Последний принимает как все имущество, так и всю семью умершего в свою кибитку, женится на вдове и считает сирот своими детьми. До достижения ими совершеннолетия он их одевает, кормит, высватывает для мальчиков невест, платит за них калым, а девочек просватывает <...>. По достижении мальчиком совершеннолетия приемный отец выделяет ему часть имущества, снабжает кибиткой <...>, старается сделать его самостоятельным кибитковладельцем» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 107]. Однако при всех возможных нарушениях имущественных интересов сирот, по мнению Ломачевского, такой способ призрения, когда опека возлагается на ближайших родственников, является для казахов оптимальным. В подтверждение своей позиции губернатор приводит сведения о минимальном количестве жалоб на действия родственников-опекунов, которые если и встречаются, то в виде гражданских исков достигшего совершеннолетия опекаемого. Данные иски рассматриваются в народном суде, который всегда оставляет исковые требования опекаемого без удовлетворения, «исходя из того правила, что «сыну» не следует предъявлять «отцу» иски».

В связи с этим, по мнению военного губернатора Тургайской области, рассуждать о реорганизации опекунской части в Степных областях, о приведении ее в рамки общеимперского законодательства безуспешно до тех пор, «пока родовые начала столь сильны в степи, пока установившийся жизнью обычай находит поддержку в народном суде, пока гражданские отношения кочевников не будут урегулированы точными законоположениями». Если и говорить о преобразованиях, то в первую очередь необходимо подвергнуть реорганизации народный суд, «впредь до осуществления этих условий всякое вмешательство лиц, служащих по крестьянским учреждениям, в дела опеки будет рассматриваться населением как нарушение его прав, основанных на обычае, по которому родственник опекун есть полновластный собственник сиротского имущества, а более или менее действительный контроль со стороны крестьянских начальников за имуществом опекаемых вызовет недовольство опекунов, могущее повлечь за собой даже отказ в дальнейшем призрении сирот, в особенности если они бедны» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 108].

Иной позиции придерживался военный губернатор Семипалатинской области А. С. Галкин. В циркуляре, адресованном крестьянским начальникам области, весной 1907 г. Галкин подчеркивал, что исполнение в полной мере разработанных Степным генерал-губернатором правил в отношении защиты малолетних сирот сможет с достаточной гарантией охранять интересы малолетних. Семипалатинский губернатор указывал на растущие жалобы со стороны вдов о принуждении их к повторному выходу замуж за ближайшего родственника умершего мужа и насильный захват принадлежащего им и их детям имущества. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению

губернатора, может стать переход от формализма и фактическое усиление надзорных функции крестьянских начальников «за туземной администрацией и народным судом» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 112–112об.].

Летом 1909 г. по инициативе министерства внутренних дел была проведена ревизия крестьянских учреждений Степного края, в материалах которой содержался отчет о постановке опекунской части среди казахского населения региона. Выводы ревизионной комиссии были неутешительными. По мнению чиновников, опекунское дело в казахских обществах было поставлено крайне неудовлетворительно: «опек почти не заводится, а если иногда такие попадаются, то постановка их чрезвычайно разнообразна; с одной стороны, опеки учреждаются по распоряжениям крестьянских начальников с назначением ими же опекунов по правилам, изложенным в циркуляре (Степного генерал-губернатора) от 6 сентября 1904 г., как, например, в Акмолинской области; с другой стороны, к этому делу привлечены киргизские общества и их съезды, как это практикуется в Семипалатинской области <...>. Иногда этими делами ведают народные судьи, в большинстве же случаев дела эти не имеют никакой постановки» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 114]. Деятельность народных судей вызывала особую критику со стороны региональной администрации. По мнению чиновников, «народные судьи при низком умственном развитии и своеобразном понимании своего судейского достоинства давно приобрели печальную репутацию даже среди своих соплеменников, а при таких условиях нет, казалось бы, оснований рассчитывать на их объективность в разрешении тяжб по сиротских делам и на их полное беспристрастие и справедливость» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115]. Безусловно, отсутствие единой нормативно-правовой основы и единого механизма организации опекунского дела в регионе приводили к неэффективности проводимых мероприятий и нарушению основного принципа института опеки — защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

В связи с этим важным стало мнение министра внутренних дел П. А. Столыпина, высказанное осенью 1909 г. в обращении к Степному генерал-губернатору Е. О. Шмигту, о необходимости унификации опекунского дела среди казахского населения с общеимперским процессом. В частности, П. А. Столыпин подчеркивал, что «как на сельских обществах лежат заботы по призрению малолетних сирот, а на сходах — обязанность назначать к сиротам и их имуществу опекунов, поверять их распоряжения и отвечать материально за их действия перед сиротами, то, несомненно, те же права и обязанности должны лежать и на киргизских обществах с соответствующим надзором крестьянских начальников» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115–115 об.].

Однако, несмотря на мнение Министерства внутренних дел, в Степном крае продолжало действовать несколько практик организации опекунского дела, а процесс реорганизации института опеки шел крайне медленно. Отчасти это было связано с неудачными попытками реализации общеимперского опекунского проекта 1915 г., который был разработан Межведомственным совещанием под председательством министра юстиции И. Е. Ильашенко. Не меньше значение оказывало и сохранение норм адата в регламентации семейно-брачных отношений казахов. Определенную роль сыграл и падающий авторитет в Степном крае крестьянских начальников, недовольство деятельностью которых наблюдалось во всех без исключения уездах Степных областей [Анисимова, Лысен-

ко, 2015: 23]. На протяжении конца XIX — начала XX в. центральные и региональные органы власти уделяли серьезное внимание проблеме детского сиротства и стремились найти оптимальные для казахского кочевого общества формы организации и деятельности института опеки. Однако провести в полной мере реорганизацию опекунской части в Степных областях вплоть до конца имперского периода так и не удалось.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимова И. В., Лысенко Ю. А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. № 4/1. С. 20–24. DOI 10.14258/izvasu (2015) 4.1–02.

Волков И. В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12. С. 137–142.

Вьюнник Е. П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. 2010. № 16. С. 137–144.

Лысенко Ю. А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) / Ю. А. Лысенко, И. В. Анисимова, Е. В. Тарасова, М. В. Стурова. Барнаул : Азбука, 2014. 271 с.

Макарова С. В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 5–8.

Нечаева А. М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.

Осипова М. П. Законодательные инициативы конца XIX — начала XX века об опеке в крестьянской среде // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3/2. С. 147–151.

Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1891. Первое полугодие. № 46. СПб., 1891.

Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii-turkestanskim-kraem/polozhenie-ob-upravlenii-turkestanskogo-kraja> (дата обращения: 15.02.2018).

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291.

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. : Наука, 2011. 199 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64.

REFERENCES

Anisimova I. V., Lysenko Yu. A. Vvedenie instituta krest'ianskikh nachal'nikov v Stepnom krae v nachale XX v. i osobennosti ego deiatel'nosti [The Introduction of Institution of Peasant Chiefs in the Steppe Region at the Beginning of the XXth Century and the Peculiarities of its

Activity]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2015. № 4/1. S. 20–24 (in Russian).

Lyisenko Yu. A. et al. *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and mechanisms of the implementation (XIX — the beginning of the XX c.)] / Yu. A. Lyisenko, I. V. Anisimova, E. V. Tarasova, M. V. Sturova. Barnaul : AZBUKA, 2014. 271 s. (in Russian).

Makarova S. V. Institut opeki i popechitel'stva nad nesovershennoletnimi det'mi: istoriia ego stanovleniia v Rossii [The institution of guardianship and trusteeship of a minor childrens: history of becoming in Russia]. *Voprosy iuvenal'noi iustitsii* [Issues of Juvenile Justice]. 2006. № 1. S. 5–8 (in Russian).

Nechaeva A. M. Istoriia zakonodatel'stva ob opeke i popechitel'stve nad nesovershennoletnimi [History of the guardianship and trusteeship legislation of a minor childrens]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2013. № 4. S. 3–8 (in Russian).

Osipova M. P. Zakonodatel'nye initsiativy kontsa XIX — nachala XX veka ob opeke v krest'ianskoi srede [Legislative intuitive guardianship in peasant society of the late 19th — early 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice]. 2011. № 3–2. S. 147–151 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii oblastei Akmolinskoi, Semipalatinskoi, Semirechenskoi, Ural'skoi i Turgaiskoi ot 25 marta 1891 g. [Governance statement of the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (March 25, 1891)]. *Sobranie uzakonenii i rasporiashchenii pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuiushchem Senate. 1891. Pervoe polugodie* [Code of justice and orders of the government, published under the ruling Senate. 1891. The first half of the year]. № 46. SPb., 1891 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraia 1886 g. [Governance statement of the Turkestan Territory in 1886] Available at: <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii-turkestanskim-kraem/polozhenie-ob-upravlenii-turkestanskogo-kraia> (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive]. [RGIA]. Fund 1291.

Stasevich I. V. *Sotsial'nyi status zhenshchiny u kazakhov: traditsii i sovremennost'* [The Kazakhs woman's social status: traditions and modernity]. SPb., Nauka, 2011. 199 s. (in Russian).

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]. [TzGA RK]. Fund 64.

V'iunnik E. P. Pravovoi mekhanizm sotsial'noi pomoshchi detiam-sirotam sel'skikh obyvatelei v Tsentrāl'nom Chernozem'e vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. [A legal mechanism of social assistance for orphans of villagers in the Central Black Earth region in the second half of the 19th century — in the early 20th century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Politologiia* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science.]. 2010. № 16. S. 137–144 (in Russian).

Volkov I. V. Ob uchrezhdeniakh obshchestvennogo prizreniia v Turkestanskom krae: istoriko-pravovoi aspekt [About formation of a public charity in the Turkistan region: historical and legal aspect]. *Vlast'* [The Authority]. 2017. № 12. S. 137–142 (in Russian).

УДК 93/94

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ СТЕПНОГО КРАЯ И ТУРКЕСТАНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 гг.)¹²

На основе источников законодательного характера и делопроизводственной документации анализируется процесс формирования национальных воинских частей Красной армии из числа коренных народов Степного края и Туркестана в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Выявлено, что на протяжении 1918 г., в условиях ликвидации советской власти на большей части территории региона, определенных успехов в данном вопросе большевикам добиться не удалось. Положительная динамика процесса наметилась в первой половине 1919 г. благодаря успехам Красной армии на Восточном и Туркестанском фронтах. Не менее важным фактором успешной мобилизации мусульманского населения в ряды Красной армии стало проведение среди него масштабной политико-пропагандистской работы Коммунистической партии Туркестана. При этом большевики пошли по пути создания воинских подразделений на этнической, а не конфессиональной основе. Данная тактика выстраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе и учитывала интересы этноэлит, убежденных, что наличие воинских формирований, представлявших их этнос, является символом национальной идентичности и залогом сохранения государственной и культурной независимости.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Степной край, Туркестан, мусульманские воинские части.

¹² Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6) и при поддержке РФФИ, проект 17–81–01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии (1918–1922 гг.)».

Y. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE FORMATION OF THE RED ARMY OF THE STEPPE KRAI AND TURKESTAN NATIONAL UNITS DURING THE CIVIL WAR (1918–1922)

On the basis of legislative sources and records management, the article analyzes the process of formation of the national military units of the Red Army among the indigenous peoples of the Steppe Krai and Turkestan during the Civil War of 1918–1922. It was revealed that during the period of the liquidation of the Soviet regime in most of the region's territory in 1918, the Bolsheviks didn't achieve certain successes in this matter. The positive dynamics of the process appeared in the first half of 1919, because of success of the Red Army on the Eastern and Turkestan fronts. The large-scale political and propaganda work of the Communist Party of Turkestan among the Muslim population was no less important factor in the successful mobilization of the Muslim population in the ranks of the Red Army. At the same time, the Bolsheviks followed the path of creating military units on an ethnic, rather than confessional basis. This tactic was built in the general logic of the process of nation-building in the region. It consulted interests of ethnic groups convinced that the presence of military units representing their ethnic group is a symbol of national identity and a pledge of preserving state and cultural independence.

Key words: the Civil War, the Red Army, the Steppe Krai, Turkestan, Muslim military units

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–06

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: iulia_199674@mail.ru

Как известно, практика формирования национальных воинских частей стала применяться в России на рубеже XIX–XX вв. Данная тенденция была связана с общественно-политической ситуацией в стране, ярко демонстрировавшей кризис имперской национальной политики и усиление процессов этнической мобилизации народов России¹³. После февральских событий 1917 г. Временное правительство поддержало дальнейшую национализацию воинских подразделений российской армии несмотря на открытое противодействие данному процессу со стороны Ставки и Вер-

¹³ Примером может служить Кавказский туземный конный корпус, сформированный в годы Первой мировой войны и являвшийся активным участником боевых действий на Юго-Западном фронте. Накануне октябрьских событий 1917 г. корпус состоял из 24 сотен. Первая дивизия состояла из двух конных полков – Кабардинского и Черкесского (Первая бригада), Татарского и Чеченского (Вторая бригада); Вторая дивизия – из конных полков Первого и Второго Дагестанских (Первая бригада), Ингушского, Первого и Второго Осетинских (Вторая бригада) [Исхаков, 2004: 322–326].

ховного главнокомандующего Н. Н. Духонина. Последний был убежден, что реформирование российской армии по национально-конфессиональному принципу приведет к сепаратизму отдельных народов и ослаблению мощи армии в целом. Однако непродолжительная дискуссия по этому вопросу завершилась победой позиции Временного правительства во главе с А. И. Керенским, и создание солдатских комитетов по этническому признаку было продолжено как в тылу, так и на фронте. Выступая на втором заседании Временного совета Российской Республики 10 октября 1917 г., военный министр А. И. Верховский создание национальных воинских подразделений — украинских, эстонских, грузинских, татарских — назвал свершившимся фактом [Вестник Временного правительства, 1917: 34].

Военнослужащие-мусульмане не оставались в стороне от процессов создания воинских подразделений по религиозно-этническому принципу. Сформированный по итогам I Всероссийского мусульманского съезда в Казани (17–25 июля 1917 г.) Всероссийский мусульманский военный шура (совет) был узаконен специальным распоряжением правительства А. Керенского и получил возможность иметь своих комиссаров при Политическом управлении Военного министерства, Главном управлении генерального штаба, штабе Главного верховного командующего, при штабах фронтов, армий, при штабах мусульманских дивизий и военных округов [Исхаков, 2004: 333, 335]. По данным Т. Н. Шевякова, активная мусульманизация в российской армии началась в конце сентября 1917 г. По ее итогам мусульманские части составили примерно 16% от всех национализированных пехотных и стрелковых дивизий и 20% — от кавалерийских частей [Шевяков, 1998: 37].

Исследователи подчеркивают, что к образованию моноэтничных по составу мусульманских воинских подразделений российской армии стремились главным образом татары и башкиры, что свидетельствовало о более высокой степени их этнической интегрированности. Но в целом преобладали тенденции создания мусульманских частей не на этнических, а на конфессиональных началах. В мусульманских полках часто были сосредоточены представители различных национальностей, и их объединение на основе общей религии подчеркивалось военным руководством страны как важный шаг на пути создания «крепких духом и дисциплиной воинских частей» [Исхаков, 2004: 338].

Туркестан не остался в стороне от общероссийского движения мусульман, связанного с формированием мусульманских воинских подразделений. 18 октября 1917 г. в Ташкенте прошел Туркестанский краевой съезд воинов-мусульман в составе 25 делегатов, по итогам которого был принят ряд важных решений. В частности, признавалась необходимость создания мусульманских рот в составе Туркестанского военного округа; назначение в них мулл с уравнением их в правах с полковыми священниками; оборудование в каждом гарнизоне помещения для мечети и т. д. Огромную работу по созданию первой мусульманской роты в Ташкенте провел в последних числах октября — начале ноября 1917 г. Коровиченко. Однако созданный им мусульманский батальон был укомплектован главным образом татарами и башкирами из разных воинских частей Туркестанского военного округа.

Коренные народы Степного края и Туркестана были освобождены от воинской повинности еще в период военной реформы 1874 г. Многолетняя дискуссия имперских военных и гражданских чиновников по вопросу о целесообразности распростране-

ния на них закона о всеобщей обязанности так и не завершилась к началу Первой мировой войны [Лысенко, 2012: 186–194]. Таким образом, ни на действующих фронтах, ни в самом Степном крае и Туркестане до октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны не было сформировано ни одного мусульманского подразделения на местной этнической основе.

Большевистское руководство в первые месяцы советской власти поддержало курс на формирование национальных частей, в том числе мусульманских. 15 ноября 1917 г. И. Сталин подписал Постановление Народного комиссариата по делам национальностей, по которому допускалась «свободная группировка воинов по национальному признаку в пределах той или иной военной единицы» [Исхаков, 2004: 431]. Однако процесс создания мусульманских частей осуществлялся стихийно, крайне низкими темпами. С. Исхаков считает, что причинами тому стали татаро-башкирские противоречия, кадровая проблема и отказ мусульман-офицеров бывшей царской армии принимать в данном процессе участие, различная политическая ориентация военнослужащих-мусульман, усугублявшая раскол между ними. В условиях политического хаоса первых месяцев советской власти Всероссийское мусульманское военное шуро попыталось сконцентрировать в своих руках верховное управление всеми созданными мусульманскими войсковыми частями. Его члены заявили о своей поддержке социалистической власти на федеративных началах, готовности воплощать в жизнь все постановления новой власти [Исхаков, 2004: 439].

Большевики оценили собственное позиционирование шуро на роль лидера процесса строительства мусульманских вооруженных как угрозу утраты политического влияния на многомиллионное мусульманское население страны. Поэтому 17 января 1918 г. при Наркомате по делам национальностей был создан альтернативный ему Центральный комиссариат по делам мусульман внутренней России, который возглавил М. Вахитов. Деятельность Всероссийского мусульманского военного шуро была признана контрреволюционной, эта структура была распущена.

Одной из центральных задач Центрального комиссариата по делам мусульман внутренней России стало формирование мусульманских воинских подразделений в составе Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). Для этого в структуре Комиссариата был создан Военный отдел, приступивший к разработке принципов комплектования и функционирования мусульманских частей [РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 148. Л. 34]. Его роль значительно возросла после начавшейся Гражданской войны и подписания 2 мая 1918 г. И. Сталиным Постановления Наркомнаца о создании Мусульманской Рабоче-Крестьянской армии, воинские подразделения которой планировалось интегрировать в РККА и использовать в военных операциях¹⁴.

¹⁴ Однако, как подчеркивает С. Исхаков, «какого-либо наплыва добровольцев в подобные формирования... не произошло». Массовый отказ вступать в ряды Красной армии объяснялся сложной внутривнутриполитической ситуацией в стране, произволом со стороны региональных административных органов, препятствовавших процессам самоопределения народов России и дискредитировавших, таким образом, советскую и большевистскую власть. Всего с января по август 1918 г. в стране были сформированы: Первый Мусульманский советский пехотный полк (Казань), Мусульманский советский полк (Уфа), Первый и Второй Татаро-башкирские батальоны (Москва), Мусульманский красноармейский отряд (Астрахань) и несколько красноармейских отрядов в Белебее-Мензелинске. Численность этих соединений не превышала 10 тыс. человек.

В связи с Постановлением Наркомнаца о создании Мусульманской Рабоче-Крестьянской армии от 2 мая 1918 г. начался процесс формирования воинских формирований из числа коренного населения Степного края и Туркестана. При этом важно подчеркнуть, что Центральный комиссариат по делам мусульман внутренней России не распространял свои компетенции на центральноазиатский регион страны. 12 мая 1918 г. было издано постановление СНК РСФСР о создании Киргизского (Казахского) отдела при Наркомнаце. В его компетенцию передавались широкие полномочия, связанные с решением социально-экономических, административных, культурно-просветительских, этнических и межэтнических проблем.

Мобилизация в Красную армию казахского населения была возложена на Военный подотдел Киргизского (казахского) отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Кроме выполнения основной функции — формирования воинских частей, комиссариат координировал работу местных советов, занимался вопросами налоговой политики, продовольственного снабжения населения, подготовкой к созыву съезда Советов и организацией краевого органа управления. 9 ноября 1918 г. председатель отдела информировал центральные органы о том, что отделом начата широкая агитация среди казахов «для сплочения их в борьбе за Советскую власть». Однако охватить пропагандой удалось только казахов, проживающих в Букеевской степи (междуречье Урала и Волги. — Ю. Л.) и в районе Астрахани [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане (а), 1963: 154]. В Туркестане первые шаги по военной мобилизации коренного населения были предприняты в конце июня 1918 г., когда народным комиссаром по военным делам Туркестанской АССР был издан приказ о создании Первого Ташкентского мусульманского батальона [Иностранная военная интервенция Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 48]. В целом, как отмечали региональные партийные органы, процесс мобилизации мусульманского населения Степного края и Туркестана осуществлялся крайне медленными темпами.

Как представляется, причин данной ситуации было несколько. Во-первых, к лету 1918 г. советская власть была ликвидирована на большей территории Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Боевые действия на Восточном, Семиреченском и Закаспийском фронтах осенью 1918 г. привели к тому, что территории Степного края и Туркестанской АССР оказались отрезанными от европейской части страны и политического центра большевиков — Петрограда. По сути регион оказался в «белогвардейской блокаде» и был лишен «помощи самыми нужными техническими и промышленными материалами и получения подкрепления финансовыми средствами». «Асхабадская пробка» и одновременное с ней падение советского Баку лишили Туркестан возможности получения нефти, что стало причиной сокращения движения на всем протяжении Оренбургско-Ташкентской железной дороги.

Во-вторых, причиной низкой степени участия коренного населения в процессе строительства мусульманских частей Красной армии стала крайне непопулярная среди него власть большевиков. Как известно, развитие этнополитической ситуации в центральноазиатских окраинах России на рубеже 1917–1918 гг. привело к созданию в регионе национально-территориальной автономии Алаш и Кокандской автономии, выступивших альтернативами советской власти. Большевики в условиях угрозы распада

государства, отказались признавать законность их образования. Это привело к военному разгрому частями Красной армии Кокандской автономии в феврале 1918 г. и провозглашению в апреле этого же года Туркестанской автономной республики на советских социалистических началах. В соответствии с Положением о Туркестанской Советской Республике, она создавалась как государственное образование, в основу которого легли исключительно классовые принципы, властные функции на всех уровнях системы управления принадлежали Советам. Это исключало возможность интерпретации ее политического устройства как национально-территориальной автономии, что в совокупности с фактическим отстранением от власти советов мусульманских и дехканских депутатов делало крайне непопулярной власть большевиков среди коренного мусульманского населения.

Казахские националы и правительство Алаш перешли на сторону Белого движения, развивая активное взаимодействие с вооруженными силами армий Колчака и Деникина. Казахское население, сочувственно относившееся к лидерам национального движения Алаш, принимало активное участие в создании алашских вооруженных формирований.

В-третьих, причинами недоверия коренного населения Степного края и Туркестана к советской власти и большевикам, его пассивное участие в мобилизации в Красную армию объяснялось так называемым армянским вопросом. Не имея в начале 1918 г. достаточных сил, большевистское руководство привлекло для разгрома Кокандской автономии членов регионального отделения армянской партии «Дашнакцутюн», вооружив их и создав из них боевые подразделения Красной армии [Акбоева, 2015: 57–73]. Разгром Кокандской автономии сопровождался массовыми убийствами коренного мусульманского населения, зверствами, грабежом и насилием со стороны армян. Военное сотрудничество большевиков с «Дашнакцутюн» продолжалось вплоть до весны 1919 г. С 1918 г. до середины 1919 г. революционная диктатура и Советы в Андижане фактически находились под контролем дашнаков. Используя властный ресурс в условиях экономического кризиса и угрозы голода в Русском Туркестане, красноармейские отряды, сформированные из армян, под предлогом борьбы с басмачами осуществляли налеты на кишлаки мусульманского населения и города края с целью реквизиции или грабежа [Буттино, 2007: 281].

В сложившейся ситуации региональные большевистские органы власти в течение всего 1918 г. исключали возможность проведения массовой мобилизации с привлечением в ряды Красной армии коренного мусульманского населения. В резолюции VI Чрезвычайного съезда Советов Туркеспублики, состоявшегося 6 октября 1918 г., признавалась «невозможность объявления мобилизации» среди мусульманского населения, единственное, что предлагалось, — «усиление агитации в широких массах мусульманского пролетариата в пользу выступления на защиту Социалистической Родины» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 75–78].

Ситуация стала меняться только к началу 1919 г., после нескольких успешных боевых операций Красной армии на Восточном фронте. 10 июля 1919 г. создан Казахский революционный комитет (Казревком), который осуществлял высшую военную и гражданскую власть на территории Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатин-

ской областей. Главой Казревкома был назначен С. Пестковский, в его состав вошли А. Джангильдин, А. Байтурсынов, С. Мендышев и др. Место нахождения Казревкома — город Оренбург. С организацией ревкома упразднился Киргизский отдел при Наркомнаце. При Казревкоме были образованы отделы и подотделы по отраслям управления. Согласно ст. 6. Декрета СНК РСФСР «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем» вопросы мобилизации в ряды Красной армии, в том числе казахского населения, были переданы в компетенцию Киргизского военного комиссариата [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР, 1943: 533–536]. В низовых административно-территориальных единицах края создавались областные и уездные военные комиссариаты.

При активном участии Киргизского военного комиссариата к лету 1919 г. завершилось формирование Первого Киргизского образцового кавалерийского полка из казахов Букеевской степи. В докладе начальника штаба Калмыцкой отдельной дивизии, направленного для установления связи с казахскими воинскими подразделениями Букеевского региона в начале лета 1919 г., сообщалось, что «1 Киргизский образцовый кавалерийский полк вполне сформирован, обучен, дисциплинирован, обмундирован» и составляет 1700 чел. Командный состав полка представляли специалисты-кавалеристы, бывшие офицеры, вахмистры, младшие и старшие унтер-офицеры старой армии.

Казахи-красноармейцы были вооружены линейными кавалерийскими винтовками русского образца и шашками. В распоряжении полка имелись: коннопулеметная команда в составе 10-ти пулеметов, батарея в составе 5-ти трехдюймовых орудий с полным комплектом зарядных ящиков, патронные, пулеметные и хозяйственные двуколки, конно-верблюжий транспорт, десятки тысяч снарядов и миллионы патронов. У полка имелись две швальни, оружейная, швейная, кузнечная мастерские, шорно-седельная, «полное штатное количество телефонного имущества и мотоциклетный взвод в составе 16 мотоциклетов, 12 походных кухонь кавалерийского образца и несколько походных кипятильников» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 223–225]. Успех формирования Первого Киргизского образцового кавалерийского полка объяснялся не только интенсивной пропагандистской работой политотделов Красной армии, но и тем фактом, что Кирвоенкомат, формирующей частью, «получал непосредственно все необходимое из Центра».

3 июня 1919 г. приказом Киргизского (Казахского) комиссариата по военным делам Первому Киргизскому образцовому кавалерийскому полку было торжественно вручено Красное знамя Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Как сообщала газета «Дурыстык жолы», «вручение совпало со временем проведения III областного съезда в г. Орде, из-за которого праздник стал более торжественным и многолюдным, так как на нем присутствовало все население Внутреннего Урала. Казахские джигиты, стоящие в строю, в одинаково сшитой форме защитного цвета, вооруженные винтовками и саблями, придавали площади свою особую красоту. После окончания выступлений некоторых ораторов, полковое знамя было вручено командиру полка Ямбулатову. Стоящие в ряду джигиты подняли руки и в один голос дали клятву сохранить врученное им знамя до последней капли крови и служить неустанно за дело защиты интересов трудящихся до победного конца. После этого состоялся военный парад. В 4 часа был дан бал представителям разных организаций, приглашенным гостям

и командующему составу — всего в количестве 500 человек. В тот же день до вечера состоялись интересные виды разных игр: байга, борьба и другие» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 219–221].

24 июля 1919 г. командующий Восточным фронтом М. Фрунзе подписал приказ, согласно которому формировалась Астраханская (Южная) группа Восточного фронта. В ее состав интегрировались все войска района, в том числе казахские конные соединения Букеевской степи. Вместе с Киргизской конной бригадой IV армии, сформированной в Саратове, они объединялись в Киргизскую конную дивизию [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 258].

Успехи Красной армии на Восточном фронте инициировали процесс создания казахских вооруженных подразделений в Тургайской области. К 1 февраля 1919 г. под руководством военного комиссара Тургайского уезда А. Иманова был сформирован Первый Тургайский революционный полк в составе 175 бойцов, который как отдельная боевая единица вошел в состав 3-й бригады Оренбургской дивизии. В течение 1919 г. в Тургайском уезде предполагалось сформировать два эскадрона конницы, учебную команду, пулеметную команду и батарею артиллерии [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 287–290]. Однако эти планы реализовать А. Иманову не удалось. Начавшееся в апреле 1919 г. наступление войск Колчака на Восточном фронте активизировало боевые подразделения организации «Алаш-орда». Они подняли в Тургае мятеж и арестовали, а позже расстреляли А. Иманова и 18 его сподвижников из числа казахского населения, поддерживавших большевиков.

Весной 1919 г., после освобождения Оренбурга и Уральска от белогвардейских формирований, удалось ускорить процесс формирования казахских воинских соединений в Уральской области. В конце февраля 1919 г. в Уральске состоялся областной съезд Советов, на котором было принято решение о создании при областном ревкоме Особого отдела по киргизским делам. Возглавившему отдел Б. Каратаеву поручалось проведение массовой политико-пропагандистской работы среди казахского населения и мобилизации в отряды Красной армии [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 196–197]. Уже в марте 1919 г. газета «Яицкая правда» сообщала, что в Уральск для вступления в Красную армию прибыло 300 киргизов-добровольцев [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 195].

Весной 1919 г. председатель Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта М. Фрунзе выдал мандат А. Джангильдину, позволяющий ему осуществлять общее руководство «над скорейшим формированием воинских киргизских частей в областях Уральской, Тургайской и Закаспийской, а также Букеевской орды». За период с сентября 1919 г. по январь 1920 г. А. Джангильдину удалось создать кавалерийские отряды численностью до 700 человек всадников [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 299].

Осенью 1919 г. процесс формирования казахских боевых подразделений значительно ускорился. В октябре 1919 г. началось формирование пяти отдельных казахских эскадронов, местом дислокации которых назначался Киргизский военный комиссариат Оренбурга [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 59. Оп. 2. Д. 19. Л. 8]. Во второй половине 1919 г. в Омске из молодежи Акмолинской и Семипа-

латинской губерний был сформирован 1-й Сибирский киргизский (казахский) добровольческий кавалерийский полк. Этот полк в 1920 г. был переброшен в Бийск Алтайской губернии, где находился до 1922 г.

В течение всего 1919 г. большевики предпринимали огромные усилия, направленные на повышение своего авторитета и влияния в Туркестане. ЦК РКП (б) обращался ко всем партийным ячейкам Коммунистической партии Туркестана с призывом «завоевать доверие трудящихся угнетенных наций» региона. Для этого предлагался комплекс мероприятий социально-экономической и культурно-просветительской направленности: устранение «всех остатков национального неравноправия в области распределения продовольствия, обслуживания культурных и хозяйственных нужд», «обеспечение земель безземельных дехкан» и возвращение «киргизской бедноте захваченной у ней земли», «уравнение их с русскими крестьянами-переселенцами», распространение «школьной сети среди туземного населения», развитие «школы на родном языке», «поднятие культурного уровня всеми силами и всеми средствами». Только такая широкая программа преобразований могла обеспечить, по мнению руководства страны, успех большевизации, советизации и строительства «Красной Армии из туземной бедноты» в Туркестане [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 459–461]. Для реализации поставленных задач по решению II Конференции Коммунистической партии Туркестана 30 марта 1919 г. при крайкоме было учреждено Бюро мусульманской организации. Было объявлено, что «... мусульманское Бюро (Мусбюро) является высшим государственным, активным органом мусульманских организаций РКП в крае со всеми правами Центрального органа партии» под председательством Т. Рыскулова.

Следует отметить, что Мусбюро ценой невероятных усилий удалось решить и вопрос об участии армянских вооруженных формирований в составе Красной армии. Впервые проблема была обозначена на VII Чрезвычайном съезде Советов Туркестана в марте 1919 г. мусульманскими делегатами, которые предложили резолюцию с предложением «обезоружить и расформировать отряд Дашнакцутюн и очистить Красную гвардию от преступного элемента». Резолюция не была принята, но позиция мусульман-коммунистов Туркестана была четко сформулирована, и уже в 26 мая 1919 г. комиссия ТуркЦИКа приказала армянской общине Ферганы сдать оружие, а частям Красной армии в крае — вывести из своих рядов армянских бойцов. Через несколько дней было объявлено, что в Андижане, Коканде и Скобелеве, где в основном концентрировались армянские боевые дружины дашнаков, их разоружение завершено. Следующим ударом по Дашнакцутюн был роспуск его филиалов в Туркестане под натиском мусульманских коммунистов, которых поддержали как русские коммунисты Туркестана, так и Москва. Необходимо отметить, что председатель Мусбюро Т. Рыскулов для деморализации и запугивания Дашнакцутюн использовал факт начавшихся переговоров с одним из лидеров басмаческого движения Мадамин-беком, результатом которых стал переход последнего на сторону советской власти. Все эти события объективно благоприятствовали процессу формирования отрядов Красной армии из числа коренного мусульманского населения региона.

Огромную пропагандистскую работу в данном направлении проводил Реввоенсовет Туркестанского фронта. Фактически ежемесячно он издавал приказы об усилении

идеологической и боевой работы в армии. Например, объявленной Реввоенсоветом Турккраспушки с начала лета 1920 г. мобилизации мусульманского населения края в ряды Красной армии предшествовал приказ председателя Реввоенсовета Турккраспушки М. Фрунзе, в рамках которого ежедневно во всех печатных изданиях региона публиковались соответствующие объявления и статьи на русском и языках мусульманских народов, издавались специальные плакаты и листовки, организовывались «митинги с широким привлечением всех наличных агитационных сил и средств», устраивались парады войск «преимущественно в районах, туземных частей городов с привлечением на парады всех призванных в порядке набора мусульман» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 443].

По решению VII Чрезвычайного съезда советов Туркестана (7–31 марта 1919 г.) и II Конференции Коммунистической партии Туркестана (19–31 марта 1919 г.) при Политотделе Реввоенсовета Туркестанской республики была создана Мусульманская секция (подотдел), основной задачей которой стало проведение политико-пропагандистской работы среди коренного населения региона. Под ее руководством в областях и уездах республики организовывались «недели красноармейца-мусульманина», в ходе которых проводился сбор подарков для «красных борцов-мусульман». Подарки принимались вещами, деньгами, продуктами и т. п. [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 271].

Важным направлением деятельности муссекции стала организация лекционной работы среди мусульманского населения с целью «более широкого ознакомления мусульманского населения с рабочим движением, экономическими и другими вопросами». В г. Верном, например, лекции проводились один раз в неделю на протяжении фактически всего 1919 г. и были посвящены следующим вопросам: «Сущности Советской власти (лектор А. Дербисалин), строительству Советской власти (лектор А. Розыбакиев), роли Коммунистической партии в пролетарской революции (лектор Х. Сулейманов), анализу задач Красной Армии, принципам ее строительства (Д. Барыбаев), о причинах Октябрьской революции (Беккинин)». Программа лекций и их расписание публиковались в местных печатных изданиях на русском и татарском языках [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 271–272].

Муссекцией также была проведена огромная организационная работа по запуску агитпоезда. В отчете комиссара агитпоезда «Красный Туркестан» отмечалось, что за период с января по апрель 1920 г. его составу удалось устроить 50 митингов (из них 12 мусульманских, три женских), прочитать три лекции, поставить 26 спектаклей (4 мусульманских), организовать 7 выступлений на съездах и конференциях, провести 19 кинематографических сеансов. Комиссаром поезда было произнесено свыше 100 политических речей [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 447].

В апреле-мае 1919 г. мусульманской секции удалось сформировать театральную и литературно-издательскую секции. Для театральной секции была оборудована «походная сцена», устраивались спектакли и концерты на «татарском языке». Редакционная коллегия осуществляла работу по изданию газеты для мусульман, выпуску и распространению листов на татарском языке [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 126–128].

Следует подчеркнуть, что при мобилизации в Красную армию лиц из числа коренного населения Киргизской (Казахской) и Туркестанской республик большевики пошли по пути формирования воинских соединений на этнической, а не на конфессиональной основе. Данная тактика встраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе, реализуемого центральным большевистским руководством. Сохранение в системе национальных советских автономий самого пространства и названия «Туркестан», а вместе с ним и понятия «мусульмане Туркестана», создавало почву для воспроизводства местного варианта пантюркизма и идеи «Большого Туркестана», что было крайне нежелательно для большевиков.

Вообще, идея создания республики тюркских народов России имела сторонников во всех национальных отделениях РКП(б) тюрко-мусульманских регионов, являлась составляющей распространенных среди тюркоязычных коммунистов представлений о приоритете задач национальной революции над социалистической. Эта ситуация не могла не беспокоить руководство РКП(б), особенно при росте басмаческого движения под пантюркистскими лозунгами. С осени 1920 г. основным центром басмаческого движения становится Бухара. Во главе движения стояли видные сторонники пантюркистского проекта — бывший глава ревкома Башкирии А. З. Валидов и военный министр бывшего младотурецкого правительства Энвер-паша. Пришедшие к власти в Бухарской Народной Советской Республике младобухарцы в своей политике стали демонстрировать тюркские ориентации: произошел перевод делопроизводства с фарси (таджикского) на тюркский язык, всячески поощрялось изучение этого языка. В Бухаре стал формироваться новый центр лоббирования идей пантюркизма [Абашин, 2007: 184–185].

В противовес коммунистическому пантюркизму в 1920 г. возник план раздела Туркестанской республики на три национальные части, в интерпретации Ленина «на Узбекию, Киргизию и Туркмению». Размежевание Туркестанской АССР, Бухары и Хивы по этническому принципу рассматривалось руководством большевистской партии как способ ослабить пантюркистские настроения, расколоть местную элиту по этническому принципу, тем более, что для этого были определенные объективные основания. Формирование вооруженных формирований Красной армии на этнической основе, таким образом, рассматривалось как еще один барьер на пути тюрко-мусульманской интеграции народов Туркестана [Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бармин В. А., Тарасова Е. В., Бочкарева И. Б., 2017: 299–301].

Подтверждением данного тезиса являются данные о формировании Красной армии из числа коренного населения в течение 1919–1920 гг., осуществлявшемся исключительно на этнической основе. Весной 1919–1920 гг. Киргизским военкоматом только на территории трех областей — Букеевской, Уральской, Тургайской — было сформировано 37 воинских частей и подразделений из казахского населения, в том числе четыре кавалерийских и два стрелковых полка, девять отдельных эскадронов, два пехотных батальона и др. 18 ноября 1919 г. Реввоенсовет Семиреченского фронта с целью «объединения бойцов красных киргиз в одну отдельную часть» издал приказ сформировать 3-й Красный кавалерийский восточный полк. Местом его дислокации назначался г. Капал [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 222]. 5 февраля 1920 г. приказом Реввоенсовета Туркестанского фронта была

укомплектована Отдельная казахская конная бригада из казахов Семиреченской области. Центр формирования — г. Верный [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 55]. Данная бригада в составе двух полков была включена в 1-ю Туркестанскую кавалерийскую дивизию и стала именоваться 2-й Киргизской бригадой 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии. 3 июля 1919 г. началось формирование мусульманской добровольческой роты в Ферганской области из числа узбеков. В течение 1919 г. шел процесс создания Каракыргызского особого конного отряда¹⁵. 24 сентября 1920 г. приказом Семиреченского областного комиссариата был сформирован Отдельный туркестанский дунганский кавалерийский полк под руководством Масанчи [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 296], в начале 1921 г. — Отдельный уйгурский кавалерийский дивизион, военным комиссаром которого был назначен А. Розыбакиев.

Определенные успехи большевиков по созданию мусульманских воинских подразделений позволили командующему войсками Туркестанского фронта М. В. Фрунзе приказом от 11 мая 1920 г. впервые объявить призыв в Красную армию «трудящихся местного национального населения в возрасте от 19 до 35 лет». Законодательно вопрос о привлечении на военную службу представителей народов, ранее не служивших в армии, впервые был решен постановлением Совета Труда и Оборона «О призыве в ряды Красной Армии граждан нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанным В. И. Лениным 10 мая 1920 г. В первом пункте постановления указывалось, что граждане нерусских национальностей «подлежат призыву в ряды Красной Армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР» [Безугольный, 2013: 103].

Мобилизация мусульманского населения в Ташкенте должна была начаться с 25 июня 1920 г., в областях края — с 10 июля 1920 г. В Семиреченской области и Бухарской республике, в связи со сложной военной ситуацией, набор временно был отложен [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 373].

Весенний призыв 1920 г. прошел успешно, дав пополнение по всему Туркестану около 25 тыс. чел. В региональных периодических изданиях сообщалось, что объявленная среди мусульманского населения Туркестанской республики мобилизация коренного населения в Красную армию проходила успешно. Так, 17 июля 1920 г. «Известия», издававшиеся в Ташкенте, отмечали: «Идут охотно. Мобилизация мусульман в Фергане проходит вполне успешно. 50% мобилизованных находятся уже на сборных пунктах в городах» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 362]. Особенно следует подчеркнуть, что мобилизацией в ряды Красной армии были охвачены дехкане — участники басмаческого движения. Так, напри-

¹⁵ Летом 1920 г. Каракыргызский особый конный отряд принимал участие в разгроме Красной армией басмаческих соединений в Алайской долине. По приказу М. В. Фрунзе дивизиону была объявлена благодарность за проявленную доблесть, в которой подчеркивалось, что «поход пришлось совершить по высокому Алайскому хребту, неоднократно проходить по крутым каменистым перевалам при тяжелых климатических условиях, пробивая себе дорогу боем». Но «отряд блестяще выполнил свою задачу, разметал всю басмаческую организацию и гнал остатки ее до бухарского г. Гарма, где она и была обезоружена бухарскими властями» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 499].

мер, сформированная в Ферганской области летом 1920 г. Киргизская красная кавалерийская бригада, численностью, 400 человек, состояла в том числе из бывших участников басмаческих формирований Мадаминбека. Значительная их часть во главе с одним из полевых командиров Джаныбеком перешла на сторону советской власти и вступила в ряды Красной армии. Последний был назначен помощником командира Киргизского кавалерийского красного полка [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 371].

Однако необходимо отметить, что усилия Мусбюро, Кирвоенкомата и других партийных структур, ответственных за формирование национальных воинских подразделений Туркестанской и Киргизской республик, столкнулись с целым спектром проблем. Главной из них являлся языковой барьер и незнание большинством вступивших в ряды Красной армии мусульман русского языка. В связи с этим, например, на одном из заседаний VIII съезда Советов Туркеспублики, состоявшемся в сентябре 1919 г., начальник эшелона, доставившего в Ташкент 428 мобилизованных коммунистов из Бишкека, сообщал: «Этих коммунистов-мусульман со дня их прибытия обучают военному делу русские товарищи, от которых они абсолютно ничего не понимают и понять не могут, так что находятся совершенно в критическом положении, и воспитать военному делу [их] не представляется возможным. Эти коммунисты-мусульмане чуть не каждый день обращаются ко мне, как бывшему начальнику эшелона, и в настоящее время — представителю этой партии, с просьбой о том, чтобы учителя эти [были] мусульмане, дабы обучали их на родном языке, в крайнем случае дали учителей, владеющих туземным языком, которые могли [бы] дать хотя бы наглядное понятие. В противном случае они остаются теми же, какими они были раньше, ничего и понимать не будут... — всячески заявляют, что раз мобилизовали, взяли на военную службу, то дать им требуемые знания войны» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 257].

Аналогичная ситуация имела место и в КазАССР. На собраниях жителей большинства аулов КиргАССР, проходящих весной-летом 1920 г., выражалась готовность направлять призывников и допризывников служить в ряды Красной армии. Однако на многих из них принимались ходатайства, в которых население просило назначать для мобилизуемых «офицеров и учителей из киргизского населения, потому что наши киргизы совершенно народ дикий и не обладающий русским языком», и формировать из них исключительно конные части, «так как наше киргизское население не может действовать пешком, каждый из нас с малолетства привычный [ездить] верхом. А также обмундирование и обувь должна быть вся казенная за неимением своего из-за нехватки товаров разного рода» [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14].

Не менее важной являлась проблема недостаточного финансирования как процесса мобилизации, так и созданных воинских подразделений. Так, в отчете командарму Туркестанского фронта М. Фрунзе А. Джангильдин подчеркивал, что в ходе мобилизации казахов Тургайской области ему пришлось столкнуться с недостаточным финансированием, отсутствием обмундирования, оружия. «Пришлось поневоле многим отказать, — отмечал А. Джангильдин, обещая довести изложенное до сведения вышестоящего командования. — Сформированные части на своих лошадях, со сво-

им обмундированием, в простой киргизской одежде и на собственном содержании до сего времени, вооружены они тем, что досталось главным образом от белых, и разнокалиберным оружием, до бердан включительно» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 211]. Не менее серьезной являлась проблема кадров командного состава для национальных формирований. В полках была развернута подготовка младших командиров. В экстренном порядке в регионе открывались многочисленные военные курсы в различных городах КиргАССР и ТуркАССР. Велась пропаганда военных знаний среди населения путем создания различных школ, клубов и обществ, развития военно-технических видов спорта. В результате огромной работы к концу 1920 г. в регионе успешно работали пехотные, артиллерийские, кавалерийские, военно-топографические и другие курсы, на которых готовились командные и политические кадры для национальных частей Красной армии.

С целью решения кадровой проблемы специальным декретом ТуркЦИК и Реввоенсовета Туркестанского фронта с мая 1920 г. в Туркестанской АССР вводилось обязательное военное обучение трудящихся. В условиях продолжающейся Гражданской войны оно должно было носить «классовый характер и распространяться исключительно на трудящихся», когда ко всеобучу привлекались все без исключения члены коммунистической партии и рабочие, занятые на фабриках, заводах и мастерских; как русское, так и мусульманское население. Для детей школьного возраста от 8 до 16 лет вводилась начальная военная подготовка, проводимая Комиссариатом просвещения Туркестанской республики при содействии всеобуча, для юношества в возрасте от 16 до 18 лет — допризывная подготовка. Для прохождения военного обучения старших возрастов рабочего населения, от 18 до 40 лет, создавались территориальные части всеобуча [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 442–443].

Следует отметить, что после окончания Гражданской войны в СССР был продолжен курс на создание в структуре вооруженных сил Красной армии национальных подразделений на «добровольных и равноправных началах». Данный принцип был закреплен в решениях XII съезд РКП (б), проходившего 17–25 апреля 1923 г. Основным идеологом программы национального строительства в РККА в середине 1920-х гг. был М. В. Фрунзе (в январе–октябре 1925 г. — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам), который считал, что многочисленные нерусские контингенты являются «источником дополнительной мощи» для Красной армии [Безугольный, 2013: 107]. В то же время принятый 18 сентября 1925 г. Закон «Об обязательной военной службе» граждан Советского государства не предполагал массового призыва в национальных республиках и областях. В ст. 16 Закона предусматривался особый порядок прохождения обязательной военной службы по согласованию с национальными ЦИК для ряда народов, перечень которых не являлся постоянным. По данным А. Ю. Безугольного, мобилизационная нагрузка на население национальных регионов в первой половине 1920-х гг. была невелика и не превышала 0,1–0,2% от общей численности населения. Совокупная численность жителей республик СССР, в которых были сформированы национальные части (за исключением Украины и Белоруссии), оценивалась в 25 851 тыс. чел [Безугольный, 2013: 107]. Таким образом, до конца 1920-х гг. значительная часть на-

родов СССР, в том числе Казахской ССР и советских республик Средней Азии, оставалась неохваченной всеобщим обязательным призывом.

Подводя итоги, отметим, что начавшаяся весной 1918 г. Гражданская война в России и угроза распада страны потребовали от большевистского руководства принятия экстренных мер, направленных на привлечение в ряды формирующейся Красной армии представителей национальных меньшинств. В Степном крае и Туркестане в условиях недоверия коренного населения к советской власти и ее ликвидации на большей части территории региона успехов в данном вопросе большевикам в первые месяцы войны добиться не удалось. Положительная динамика процесса наметилась в начале 1919 г. благодаря успехам Красной армии на Восточном и Туркестанском фронтах. Начавшееся сотрудничество этноэлит центральноазиатского региона и лидеров басмаческого движения с советской властью способствовало росту доверия к ней со стороны коренного населения. Не менее важным фактором успешной мобилизации мусульманского населения Центральноазиатского региона в ряды Красной армии стало проведение среди него масштабной политико-пропагандистской работы Мусульманским бюро Коммунистической партии Туркестана, Реввоенсоветом Туркестанского фронта и Казахским революционным комитетом (Казревкомом). При этом большевики пошли по пути создания воинских подразделений на этнической, а не конфессиональной основе. Данная тактика выстраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе, предполагавшего пресечение попыток интеграции коренных народов на основе представлений об их едином родстве — тюркизме. Формирование боевых единиц на этнической основе, по мнению большевиков, являлось залогом роста национальной идентичности и вписывалось в предстоящее национально-территориальное размежевание Центральной Азии в рамках лозунга о праве наций на самоопределение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб. : Алетей, 2007. 304 с.
- Акбоева З. Роль мусульманского Бюро РКП(б) в деле защиты интересов местного населения Туркестанского края // Karadeniz. 2015. № 27. С. 57–73.
- Безугольный А. Ю. Призывное законодательство и комплектование рабоче-крестьянской Красной армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 102–109.
- Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М. : Звенья, 2007. 446 с.
- Вестник Временного правительства. 1917. 11, 17 окт.
- Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. Т. I. 685 с.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата : Наука, 1964. Т. II. 724 с.
- Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). М. : Социально-политическая мысль, 2004. 634 с.
- Лысенко Ю. А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70 гг. XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4/2. С. 186–194.

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бармин В. А., Тарасова Е. В., Бочкарева И. Б. Этно-политические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул : Азбука, 2017. 366 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. 702 с.

Шевяков Т. Н. «Национализация» русской армии в 1917 г. // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 34–41.

REFERENCES

Abashin S. *Natsionalizmy v Sredney Azii*. [Nationalism in Central Asia]. Saint-Petersburg: Aleteyya. 2007. 304 s. (in Russian).

Akbieva Z. *Rol musulmansko Byuro RKP (b) v dele zaschityi interesov mestnogo naseleniya Turkestanskogo kraya*. [The role of the Muslim Bureau of the RCP(b) in protecting the interests of the local population of Turkestan region]. Karadeniz. 2015. № 27. S. 57–73 (in Russian).

Bezugolnyiy A. Yu. *Prizyivnoe zakonodatelstvo i komplektovanie raboche-krestyansko Krasnoy armii predstavitelnyami nerusskikh natsionalnostey v 1920-e gg.* [Draft legislation and recruitment of workers “and peasants” red army representatives of non-Russian nationalities in the 1920s]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. [Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences]. 2013. № 3. S. 102–109 (in Russian).

Buttino M. *Revolyutsiya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdru padeniem tsarskoy imperii i obrazovaniem SSSR*. [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the tsarist Empire and the formation of the USSR]. M.: Zven'ya, 2007. 446 s. (in Russian).

Vestnik Vremennogo pravitelstva. [The Bulletin of the Provisional government]. 1917. 11, 17 october (in Russian).

Inostrannaya voennaya interventsia i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazahstane. Dokumenty i materialy [Foreign military intervention and Civil war in Central Asia and Kazakhstan.]. Alma-Ata : AN KazSSR, 1963. T. 1. 685 s. (in Russian).

Inostrannaya voennaya interventsia i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazahstane. Dokumenty i materialy [Foreign military intervention and Civil war in Central Asia and Kazakhstan. Documents and materials]. Alma-Ata : Nauka, 1964. Tom 2. 724 s. (in Russian).

Ishakov S. *Rossiyskie musulmane i revolyutsiya (vesna 1917 — leto 1918 g.)*. [Russian Muslims and revolution (spring 1917 — summer 1918)]. M. : Sotsial'no-politicheskaya MYSL, 2004. 634 s. (in Russian).

Lyisenko Yu. A. *Vopros o voinskoy povinnosti dlya kazahskogo naseleniya (70 gg. XIX — nachalo HH v.)* [The question of military service of the Kazakh population (70 years of the XIX — beginning of XX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2012. № 4/2. S. 186–194 (in Russian).

Lyisenko Yu. A., Anisimova I. V., Barmin V. A., Tarasova E. V., Bochkareva I. B. *Etnopoliticheskie protsessy v tsentralnoaziatskikh okrainah Rossii v period revolyutsiy 1917 g.* [Ethno-political processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul : Azbuka. 2017. 366 s. (in Russian).

Sobranie zakonenyi i rasporyazheniy pravitelstva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. [The collection of legalizations and orders of the government for 1919, the Management of the Affairs of the people's Commissars of the USSR]. Moscow, 1943. 702 s. (in Russian).

Shevyakov T. N. "Natsionalizatsiya" russkoy armii v 1917 g. ["Nationalization" of the Russian army in 1917]. Vtoryie peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya molodyih uchenyih. [The second Petersburg military-historical readings of young scientists] Saint-Petersburg. 1998. Vis. 2. S. 34–41 (in Russian).

УДК 39

Ч. Д. Чотаева

Американский университет Центральной Азии, Бишкек (Кыргызская Республика)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ГОРОДА БИШКЕК: ЭТНИЧНОСТЬ И ЯЗЫК В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Статья изучает изменения в этнической композиции города Бишкек в досоветский, советский и постсоветский периоды, а также факторы, которые внесли свой вклад в формирование и развитие полиэтничного общества в городе. Другой целью статьи является анализ языковой ситуации в Бишкеке, изменения в языковой политике до и после получения независимости.

Различные факторы способствовали созданию полиэтничного общества в городе Бишкек. Колонизация, индустриализация, коллективизация, культурная революция, этнические депортации существенно изменили этническую ситуацию в городе в досоветский и советский периоды. Однако главными факторами этнических изменений после получения независимости стали эмиграция русских, украинцев, татар, немцев и других некоренных этнических групп и внутренняя миграция кыргызов из регионов и сельской местности в столицу. Язык — не только средство коммуникации, но и важный маркер этнической идентичности. В советское время русский язык был официальным языком Советского Союза и господствующим языком в Бишкеке. Он был языком межэтнической и внутриэтнической коммуникации в городе, однако после получения независимости языковая ситуация изменилась. Русский язык сохранил свои позиции в качестве языка высшего образования, науки и межэтнического общения.

Ключевые слова: мультикультурализм, этничность, этническая группа, этническое большинство, советский период, постсоветский период, перепись населения, социологическое исследование, этническая миграция.

Ch. D. Chotaeva

American University of Central Asia, Bishkek (Kyrgyz Republic)

MULTICULTURALISM OF BISHKEK CITY: ETHNICITY AND LANGUAGE IN SOVIET AND POST-SOVIET TIMES

The paper studies the changes in the ethnic composition of Bishkek city in the pre-Soviet period, Soviet and the post-Soviet periods, and the factors that contributed to the creation and development of multiethnic society in Bishkek city. The other focus of the paper will be the analysis of the language situation in Bishkek, the shifts in the language policy of the city before and after independence.

Various factors contributed to the development of a multiethnic society in Bishkek city. Colonization, Industrialization, Collectivization, Cultural Revolution, ethnic deportations dramatically changed the ethnic situation in the city during the pre-Soviet and Soviet times. However, the main factors of ethnic changes after independence were the emigration of Russians, Ukrainians, Tatars, Germans and other non-indigenous ethnic groups and the internal migration of Kyrgyz from regions and rural areas to Bishkek city.

Language is not only the means of communication but an important marker of ethnic identity. During the Soviet time, Russian was the official language in the Soviet Union as well as the dominant language in Bishkek city. It was the language of interethnic and intra-ethnic communication in the city. However, after independence Russian still retains its position as the language of higher education, science and interethnic communication.

Key words: multiculturalism, ethnicity, ethnic group, ethnic majority, Soviet period, post-Soviet period, census, survey, ethnic migration.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–07

Чотаева Чолпон Дженишбековна, доктор исторических наук, профессор, руководитель программы антропологии Американского университета Центральной Азии, Бишкек (Кыргызская Республика). Адрес для контактов: cholponchvtv@gmail.com

Introduction

Bishkek is the capital and the largest city of Kyrgyzstan. Built by the Russian Empire in 1878, Bishkek witnessed dramatic ethno-demographic changes that took place during the Soviet and post-Soviet periods. Originally established as the city for Russian administration, Bishkek turned to be truly multiethnic with more than 80 ethnic groups living there today.

According to the official data of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, by January 1, 2017, one million people resided in Bishkek city that consisted one sixth of the total population of six million people in the Kyrgyz Republic [Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki].

According to the official statistics of 2016, the ethnic groups of Bishkek city were represented by 72% of Kyrgyz, 18% of Russians, 1.6% of Uighurs, 1.3% of Uzbeks, 1.3% of Koreans, 1.2% of

Tatars, 1% of Kazakhs, 0.6% of Ukrainians, 0.5% of Dungans and 2.5% of other ethnic groups [Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki].

This paper will study the changes in the ethnic composition of Bishkek city in the pre-Soviet period, Soviet and the post-Soviet periods, and the factors that contributed to the creation and development of multiethnic society in Bishkek city at those time periods. The other focus of the paper will be the analysis of the language issue in Bishkek, the shifts in the language policy and language situation of the city before and after independence and the role of two languages widely spoken in Bishkek at present such as Russian and Kyrgyz based on the 2003 and 2011 surveys. It will also be argued in the paper that both, language and ethnicity are closely related, since language can serve not only as the means of communication but also a marker of ethnic identity.

Historical background

In 2017, Bishkek officially celebrated its 139th anniversary. However, historians believe that the city is much older compared to its official age. The archeological findings suggest distinguishing four historical periods in the development of Bishkek city: the first Turkic period that lasted from the 7th to 13th centuries, the second Russian period from 1825 to 1926, the third Soviet period from 1924 to 1991, and the last post-Soviet period from 1991 till present.

Bishkek was established as a settlement in the 7–8th centuries during the Turkic period. Although the settlement began to develop at the time of Turkic Kaganate, those who mainly lived there were not Turks but Sogdians, the people who settled there before Turks came and subordinated them. While Sogdians were sedentary people engaged in the trade along the Great Silk Road and lived in cities, Turks led a nomadic lifestyle and occupied predominantly rural areas. The main route of the Great Silk Road was going through the Chui Valley and can be associated presently with *Jibek Jolu* Avenue, one of the oldest streets in Bishkek city. In the 13th century, the settlement was completely destroyed by Genghis Khan's army, so that the prosperous urban culture of northern Kyrgyzstan ceased to exist.

In 1825, Bishkek fortress was built by Koqand Khanate that made every effort to conquer northern Kyrgyzstan since the 1820s. The purpose of building such fortresses was both military and economical: to garrison Koqand troops and to control and secure the trade routes that passed through the territory of northern Kyrgyzstan to Russia. While Kyrgyz were nomads and lived in rural areas, Bishkek was mainly occupied by Sarts, the settled people of Central Asia that spoke Turkic languages and practiced farming and trade.

Bishkek fortress was destroyed by Russian troops when they came to colonize the region and undermine Koqand influence there. It was rebuilt as a Russian settlement after their annexation of northern Kyrgyzstan in 1868. Pishpek (distorted Bishkek), as it was called by Russians, became the center of Pishpek uezd, one of the districts in the newly established province of the Russian Empire — Turkestan Governorate-General.

The present-day city of Bishkek was established in 1878. It was the time when the Russian authorities granted Bishkek the status of a city and adopted the project of Bishkek urban development. According to the project, a small village had to be turned into a big city with broad streets and avenues, beautiful parks and squares.

With the establishment of the Soviet rule on the territory of Kyrgyzstan, the status of Bishkek city was promoted. As a result of the 1924 national-territorial delimitation of Central Asia, Bishkek became the political and administrative city of the newly created Kara-Kyrgyz

Autonomous Oblast. In 1926, Bishkek became the capital city of the Kyrgyz Autonomous Republic and was renamed Frunze after the famous commander of the Red Army *Mikhail Frunze* who was born there. In 1936, Bishkek became the capital of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic, one of the fifteen union republics in the USSR.

In 1991, with the collapse of the Soviet Union, the city was returned its original name Bishkek. It became the capital of the newly created independent Kyrgyz Republic, though called the Republic of Kyrgyzstan prior to 1993.

Ethnicity in pre-Soviet period

During the Russian Empire, the population of Bishkek was represented mainly by Russians, Ukrainians, Sarts, Tatars, Dungans and some others.

Since Bishkek was built as the headquarters of Russian colonial authorities in Central Asia, the majority of its inhabitants were Russians. Most of Russians as well as Ukrainians appeared in Bishkek and other cities of northern Kyrgyzstan as a result of the immigration policy initiated by Tsarist authorities in the late 19th and early 20th centuries. It was the policy of driving peasants from the internal provinces of Russia and Ukraine and resettling them on the territories of northern Kyrgyzstan and Kazakhstan. According to Krongardt, the population of Russians and Ukrainians on the territory of Kyrgyzstan reached about 122,000 people by 1914 [Krongardt, 1997: 27].

At that time, very few Kyrgyz lived in Bishkek. The Kyrgyz, especially those in the northern part of Kyrgyzstan, led a nomadic life style and were engaged in cattle-breeding almost till the early 1930s when they were ultimately forced to settle by the Soviet regime. Therefore, the majority of Kyrgyz did not live in cities but occupied rural areas.

As for Tatars, most of them appeared in the region in the late 19th and early 20th centuries after the annexation of Central Asia by the Russian Empire. Tatars came to the region along with Russian troops as interpreters, religious figures, soldiers and officers. Tatars were Muslims who since the 16th century lived under the Russian suzerainty. They were dispatched to the region by Russian colonial authorities as the guides of Russian culture and influence. They taught Kyrgyz the basics of the Islamic religion and literacy, opened elementary schools for children, and served as the interpreters between the Russian administration and local people. Most of them came from Kazan, Ufa, Orenburg, and other cities and provinces of Russia and settled in the cities of Kyrgyzstan [Krongardt, 1997: 28].

In the second half of the 19th century, 14,000 Dungans migrated to the territory of Kyrgyzstan [Krongardt, 1997: 29]. The majority of Dungans were refugees who took part in the rebellion against Chinese authorities and escaped to Kyrgyzstan because of their suppression and persecution in China. The first group of Dungans migrated to Kyrgyzstan in 1877. In 1881–1883, the second group of Dungans arrived in Kyrgyzstan. The second group of Dungans settled in Pishpek uezd [Krongardt, 1997: 29].

Ethnicity under Soviet rule

When Bishkek became the political, economic and cultural center of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic, its population and ethnic diversity grew dramatically.

The first Soviet census of 1926 recorded almost 36,000 people in Bishkek [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda: Kirgizskaia ASSR]. Among them, Russians made up almost

70%, Uzbeks — 5.5%, Ukrainians — 5.5%, Kyrgyz — 4.6%, Tatars — 3.6%, Dungans — 3.3% and other ethnicities — 8% [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda: Kirgizskaia ASSR].

Various processes and factors contributed to the formation of multiethnic society in Bishkek. Industrialization, Collectivization, Cultural Revolution, ethnic deportations during the Soviet period considerably changed the ethnic situation in the city.

The majority of Slavs appeared in Kyrgyzstan as a result of the policy of migration initiated and regulated by the central government. According to it, many workers, engineers, scientists and artists of Slavic origin were dispatched to Kyrgyzstan and Central Asia in order to work at the newly emerged factories and enterprises and to develop Kyrgyz and Central Asian science, education and art. Slavs mainly occupied the capital, Bishkek city, and other cities and villages in Chui and Issyk-Kul provinces of Kyrgyzstan.

As a result, the proportions of Russians and Ukrainians in Kyrgyzstan increased. In 1926, Russians and Ukrainians made up 11.7% and 6.4% in the population of the republic. Ten years later, in 1936, their proportions reached 20.8% and 9.4% correspondingly [Orusbaev, 1990: 29].

The increase in the proportion of non-Kyrgyz ethnicities in Kyrgyzstan was caused by the deportations of ethnic groups initiated by Stalin in the 1930s. The entire ethnic groups were forced to move from their original lands in Central Russia, Far East, Northern Caucasia, Baltic republics, Crimea and then resettled in Kyrgyzstan and other republics of Central Asia.

First Uighurs came to Kyrgyzstan in the 1920s. The second wave of Uighur migration took place in the 1950–60s with the establishment of the Communist regime and Cultural Revolution in China. Most of them settled in the cities of northern Kyrgyzstan such as Bishkek, Tokmok and Karakol.

Kazakh migration to Kyrgyzstan was caused by the 1933 famine in Kazakhstan. Most of Kazakhs settled in Chui and Talas provinces.

In 1937, the Kurds of Armenia and Azerbaijan were deported. The same year the Koreans of the Far East were forced to migrate. The Great Patriotic War became the ground for the deportations of Germans from the Volga region, the peoples of the newly incorporated territories of Bessarabia, Western Ukraine, Baltic republics as well as Ingush, Chechens, Balkars, Kalmyks, Turks-Meskhetians, Crimean Tatars. However, first Germans migrated to Kyrgyzstan earlier during the time of the Russian Empire.

Finally, the evacuation of prominent scholars and artists from the regions affected by the Great Patriotic War to Kyrgyzstan and Central Asia also greatly contributed to the formation of a multiethnic society in Bishkek and the rise in the proportion of non-Kyrgyz ethnicities in Kyrgyzstan.

Since the late 1950s, the new demographic trends emerged. On the one hand, Industrialization that intensified after the Great Patriotic War with the relocation of heavy industry and machinery of Russia in Kyrgyzstan resulted in the establishment of new plants and factories in the republic and the immigration of more Russians to Bishkek and other industrial cities.

On the other, the internal migration of Kyrgyz, mainly from rural areas towards urban centers of Kyrgyzstan promoted the increase in the Kyrgyz population of Bishkek. Historically, most of Kyrgyz lived in villages, where they were engaged in such activities as cattle-breeding and tobacco cultivation. The creation of new jobs at the newly opened enterprises and the desire of the young generation to study at high educational institutions and colleges

forced them to move to cities. According to the 1959 census, Kyrgyz formed 40.5% of the population in the republic, 13.3% among urban residents and 10.4% in Bishkek city [Naselenie Kyrgyzstana: itogi pervoi natsional'noi perepisi naseleniia Kyrgyzskoi Respubliki 1999 goda v tablitsakh, 2000: 81].

Since the 1970s, the rise in the proportion of Kyrgyz in Bishkek and Kyrgyzstan continued. In the 1970s it was due to the migration of Russians, Ukrainians, Tatars, Germans and others to the Baltic republics as well the newly so-called great construction projects of the Soviet Union in Siberia and the Far East. Since the majority of those non-indigenous ethnicities was urban residents, their emigration affected the ethnic composition of Bishkek and other cities.

The 1979 census of Kyrgyzstan marked the highest populations of Russians (25.9%), Ukrainians (3.1%), Germans (2.9%) and Tatars (2%) in the republic. Since that time their number began to decline [Osnovnye itogi pervoi natsional'noi perepisi naseleniia Kyrgyzskoi Respubliki 1999 goda, 2000: 26].

In the 1980s, the ethnic emigrations intensified. However, in the 1980s they directed the historical lands of those ethnicities. According to the data of the 1989 census, the number of Russians decreased to 21.5%, Ukrainians to 2.5%, Germans to 2.4% and Tatars to 1.6% (First National Population Census 1999 26). According to the data of the last Soviet census in 1989, the population of 620,000 people in Bishkek was represented by 56% of Russians, 23% of Kyrgyz, 5.5% of Ukrainians, 2.2% of Germans [Vtoraya natsional'naya perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda] (See Table 1).

That is, the emigration of non-indigenous ethnic groups, on the one hand, and the internal migration of Kyrgyz, on the other, brought to the development of the new ethnic situation in Bishkek city where Kyrgyz became the ethnic majority.

Ethnicity after independence

With the collapse of the Soviet Union, the ethnic situation in Bishkek dramatically changed. Although it remained a multiethnic city, significant shifts in the populations of ethnic groups took place.

Bishkek ceased to be the city of Russians and Russians were not any more the numerical majority in Bishkek city. Although the population in the city in 1999 increased to 762,000 people, the proportion of Russians declined by more than 20%, from 56% in 1989 to 33% in 1999 [Vtoraia natsional'naia perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda]. In 1999, the proportion of Kyrgyz reached 52% in Bishkek and for the first time in the history of the city they appeared to be the majority in the city [Vtoraya natsional'naya perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda]. As for Russians, they turned to be the second largest ethnic group in Bishkek after Kyrgyz [Vtoraia natsional'naia perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda] (See Table 1).

Two main factors contributed to the shift in the ethnic composition of Bishkek city after independence. The first factor is the ethnic emigration of Russians, Ukrainians, Germans, Tatars, Kazakhs, Koreans and other non-indigenous ethnic groups to their historical homelands. The second factor is the internal migration of Kyrgyz, Uighurs, Dungans, Turks and some others from provinces and rural areas of Kyrgyzstan to Bishkek as well as their high birth rate.

As a result of Kyrgyz internal migration to Bishkek city, 17 shanty districts with the total population of 95,000 people emerged around the capital by 1999 [Osnovnye itogi pervoi

natsional'noi perepisi naseleniia Kyrgyzskoi Respubliki 1999 goda, 2000: 84]. Those shanty districts occupied the same area that Bishkek alone occupied before. At the same time, they lack an infrastructure and services there. Most of residents are unemployed.

After independence, two national censuses were carried out in Kyrgyzstan in 1999 and 2009. Analyzing the data of three censuses, the last Soviet census of 1989 and two national censuses of 1999 and 2009, dramatic changes in the ethnic composition of Bishkek city can be observed (See Table 1). The proportion of Kyrgyz grew from 23% in 1989 to 52% in 1999 and 60% in 2009, while the percentage of Russians declined from 56% in 1989, 33% in 1999 and 24% in 2009 [Vtoraia natsional'naia perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda].

In general, the population of Bishkek city can be divided into three groups.

The first group includes Kyrgyz whose number significantly increased between two national censuses of 1999 and 2009 as a result of their internal migration and high birth rate. Between 1999 and 2009, the population of Kyrgyz increased from almost 400,000 to 552,000 people, or by almost 8% from 52% to 60%. The majority of those Kyrgyz came to Bishkek from all provinces and villages of Kyrgyzstan where there didn't have enough jobs. In Bishkek, they were mainly employed in the markets of the city.

The second group represents those ethnicities whose populations sharply declined due to emigration. They are Russians, Tatars, Kazakhs, Ukrainians, Germans and others. In the period of 1999–2009, the population of Russians declined from 250,000 to 190,000 people, or by 10% from 33% to 23%. The number of Tatars dropped from about 16,000 to 13,000 people, or from 2% to 1.5%. The population of Kazakhs decreased from 12,000 to 9,000 people, or from 1.6% to 1%. The number of Ukrainians dropped from 16,000 to almost 8,000 people, or from 2% to less than 1%. And the population of Germans declined from 5,000 to 2,500 people, or from 0.7% to 0.3%. Most of them emigrated to their historical lands: Russia, Kazakhstan, Germany.

Ethnic composition of Bishkek city in 1989, 1999, 2009

	Population 1989	%	Population 1999	%	Population 2009	%
All	619903	100,00%	762308	100,00%	835743	100,00%
Kyrgyz	141841	22,88%	398000	52,21%	552957	60,16%
Russians	345387	55,72%	252831	33,17%	192080	23,78%
Uighurs	10977	1,77%	13143	1,72%	13380	6,80%
Tatars	16984	2,74%	15817	2,07%	12712	1,52%
Koreans	10043	1,62%	12710	1,67%	12014	1,44%
Uzbeks	10390	1,68%	12393	1,63%	11801	1,41%
Kazakhs	8943	1,44%	12064	1,58%	9013	1,08%
Ukrainians	34321	5,54%	16125	2,12%	7987	0,96%
Dungans	2618	0,42%	3558	0,47%	4040	0,48%
Turks	908	0,15%	2277	0,30%	3149	0,38%
Germans	13619	2,20%	5228	0,69%	2554	0,31%

Source: *Vtoraia natsional'naia perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda*, <http://www.stat.kg>

The third group consists of those ethnic groups whose populations remained more or less stable during the period of 1999–2009. They are Uighurs, Koreans, Uzbeks, Dungans and Turks. The populations of Uighurs, Dungans and Turks slightly increased, while the populations of Koreans and Uzbeks slightly declined. The number of Uighurs increased from 13,143 to 13,380 people, or by 5% from 1.7% to 6.8%. That is, Uighurs became the third largest ethnic group in Bishkek. The population of Dungans increased from 3,558 to 4,040 people, or from 0.47% to 0.48%. The population of Turks increased from 2,277 to 3,149 people, or from 0.3% to 0.38%. At the same time, the number of Koreans and Uzbeks dropped from 12,710 to 12,014 people, or from 1.67% to 1.44%, and from 12,383 to 11,801 people, or from 1.63% to 1.41% respectively.

There is a number of particularities in the geographical distribution of ethnic groups in Bishkek city. Previously most of Russians, Ukrainians, and Slavs inhabited the center and the southern part of Bishkek city, while Kyrgyz, Uighurs, Uzbeks and others mainly occupied the north, east and suburbs. At present, new patterns emerged in the geographical distribution of ethnicities in Bishkek. The majority of Kyrgyz who arrived in Bishkek in the 1990s and later settled around Bishkek in so-called shanty districts.

Language and ethnicity

Language is not only the system of communication. There is another aspect of language that is not immediately self-evident. Language is a symbol of ethnic identity and ethnic groups. In this regard, communicative and symbolic functions should be distinguished within language. Presently, the censuses of many countries in the world have the question of language but not the question of ethnicity.

At the same time, many scholars refuse to regard language as an important part of ethnic identity, since there are ethnic groups that survived their ethnic languages but did not assimilate. That is, the decline of language does not always bring to the decline of ethnicity. When the communicative function of the language declines, the symbolic role of the language remains.

Learnt from childhood, language becomes an integral part of personality. The individual usually identifies with his language and has a strong sense of loyalty to it. Because of its powerful and visible symbolism skillful politicians use language as a banner to find mass support and gain political power. However, linguistic nationalists usually emphasize the communicative aspect of language when initiating their campaigns to revive and preserve their languages.

A skillful manipulation of languages can affect ethnic identity. The national-territorial delimitation of Turkestan in 1924 prevented the consolidation of Turkic speaking peoples in Central Asia on their common cultural and religious basis. Moreover, the language reforms of 1920–40s resulted in the disconnection of Islamic and Turkic traditions in Central Asia with the Middle East and the development of a new Soviet culture in the region.

Historically, the Turkic languages of Central Asia, including Kyrgyz, were written in the Arabic script. In 1924, a modified Arabic script was introduced for Kyrgyz. In 1927, the Kyrgyz language switched from Arabic to Latin. In 1941, the Cyrillic alphabet was adopted for Kyrgyz.

While the first reform was linguistically justified, the second reform undermined the influence of Islam in Central Asia. Although the adoption of Latin helped eliminating illiteracy in Central Asia during the second reform, the third reform cut Central Asia from the growing political and cultural influence of Turkey paving the way for further russification.

Language is the cement that keeps together the members of an ethnic group and the boundary that differentiate one ethnic group from another. The first contact with a different ethnicity takes place when the individual hears a different language. It is the time when he makes a distinction between “Us” and “Them”, between “Our” community and “Their”. To go beyond your ethnicity requires mastering a different language.

Language is a specific element of ethnic culture. The particularities of history, economy, politics, culture, geographical location, psychology and lifestyle are reflected in language. “Languages do not just symbolize its associated culture, and they are not just indexically better suited for its related culture than are any other languages”, “in huge areas of real life the language is the culture and neither law nor education nor religion nor government nor politics nor social organization would be possible without it” [Fishman, 1999: 444–5]. Particular languages are created by particular ethnic groups and the latter has the historical right to them.

Language of pre-Soviet and Soviet times

Established in 1878 by Russian authorities, Bishkek turned to be the city of Russians. The Russians represented the new regime and the new ruling elite in Central Asia. Russians were the numerical majority in the city unlike Kyrgyz and others locals who predominantly lived in traditional towns or villages of the region. The language spoken in Bishkek was Russian too. That is, in the pre-Soviet period, Russian was the language of administration and the language of Russian ethnic majority in the city.

When the Bolsheviks came to power and established the Soviet rule in Kyrgyzstan, they initiated a new language policy. The Bolsheviks refused to introduce the only official language in the state but promoted multilingualism. That policy was motivated by the attempts of Bolsheviks to go away from the policy of russification followed by the Russian Empire. However, in the late 1930s a radical shift took place and the course changed in favor of the Russian language again.

Although the Kyrgyz language was promoted in Kyrgyzstan at the earlier stage of the Soviet rule, the situation in Bishkek city was still very different. The population of Russians in the city continued to grow as a result of the Soviet policy of migrations. Russians represented an absolute majority in the city, while the proportion of Kyrgyz there was still very small.

With the shift towards the policy of russification in the Soviet Union in general and union republics in particular, the position of Russian in Bishkek became even stronger. Most of secondary schools and higher educational institutions switched to Russian as the language of instruction. All schools instructing in Kyrgyz were closed with the only exception for School #5 in Bishkek that remained to instruct its students in Kyrgyz. From 1959 to 1989, Kyrgyz was not taught in secondary schools of Kyrgyzstan. As a result, 42% of Kyrgyz pupils did not study Kyrgyz at schools and could speak Kyrgyz during informal communication only [Sovetskaia Kirgiziia, 1987].

The language continues to play its communicative role if the members of an ethnic group are geographically concentrated. If the members of an ethnic group are geographically dispersed, their language can lose its communicative role. All other ethnicities that migrated to Bishkek during the Soviet time were much fewer in their number compared to Russians, so that they had to adapt to the existing linguistic situation in the city and learn Russian to communicate with others and even between themselves. Russian became the language of

interethnic and intra-ethnic communication in both Bishkek city and Kyrgyzstan as well as the language of the official correspondence in state agencies, the language of science, education and mass media, though the Constitution of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic formally declared Kyrgyz the official language in the republic.

At the same time, the language policy of the Soviets during the later stage did not diminish the importance of ethnic languages as the main markers of ethnic identity. For the absolute majority of the Soviet people, ethnic languages remained the symbol of their ethnic identity. According to the 1979 census, 93.1% of the population in Kyrgyzstan mentioned their mother tongues as the languages of their ethnicities [Naselenie SSSR, 1980: 23].

Language after independence

After the breakup of the Soviet Union and the declaration of independence by Kyrgyzstan, the language policy and language situation tremendously changed. The major shift concerned the new de jure and de facto status of Kyrgyz in the republic, especially in Bishkek city. Despite this, Russian retained its position as the language of interethnic communication, higher education and mass media in Bishkek city.

One of the first measures in the new language policy was the adoption of the 1989 law that declared Kyrgyz the only state language in Kyrgyzstan. The law pursued both political and linguistic goals. Politically, it aimed at the decentralization from Moscow and was part of the nation and state building in Kyrgyzstan. As for the linguistic goal, the new law aimed to promote the status of Kyrgyz and to fill in the gap emerged between the official use of Kyrgyz and Russian. Kyrgyz had to be introduced in all aspects of political and social life of the republic and gradually [Chotaeva, 2004: 93].

The new language policy also manifested itself in the change of geographical names of the cities, villages and streets. Original Kyrgyz names were returned to the objects, while Russian names were translated into Kyrgyz. For example, the original name *Karakol* was returned to *Przhevalsk*, while *Rybachye* was simply translated into Kyrgyz as *Balykchy*. The major streets and avenues in Bishkek city were also given Kyrgyz names. For example, *Sovetskaya* Street turned into *Baytik Baatyr* Street, *Belinskaya* Avenue became *Manas* Avenue, and *Dzerzhinskaya* Avenue became *Erkindik* Avenue.

Nevertheless, the course of de-russification initiated by post-Soviet Kyrgyz authorities could not immediately undermine the position of Russian in the country. Although Russians began to emigrate to their historical land and their number started to decline, they still formed the second largest ethnic group in Bishkek.

In 2000, the new language law recognized the importance of Russian and declared it the official language of Kyrgyzstan. Soon the amendments regarding the new status of Russian were introduced to the Constitution of the Kyrgyz Republic.

With the mass migration of Kyrgyz from other provinces and cities to Bishkek, the position of the Kyrgyz language in the city changed. If earlier the Kyrgyz language was predominantly the language of intra-ethnic and intra-family communication, in the post-Soviet period it turned to be the second widely spoken language in Bishkek.

That is, the emigration of Russians and other Russian speaking groups, on the one hand, and the internal migration of Kyrgyz to Bishkek, on the other, were the main factors that contributed to the shifts in the language situation of Bishkek city.

The new language course towards Kyrgyz was finally shaped in the 2004 law that again emphasized the status of Kyrgyz as the only state language of Kyrgyzstan. Moreover, the decree prescribed a gradual switch of the official paper work in state agencies to Kyrgyz. At the same time, the law was accompanied by the decree of the president that charged the Government to develop bilingualism in the country and set favorable conditions for both languages Kyrgyz and Russian [Chotaeva, 2004: 102–3].

In 2013, by the Decree of the President of the Kyrgyz Republic and the Resolution of the Parliament, *the Concept of Strengthening the Unity of the People and Interethnic Relations in the Kyrgyz Republic* was adopted. It became the very first state document that defined the strategy of the government in interethnic relations. The Concept aimed to build the civic nation in Kyrgyzstan on the basis of the Kyrgyz language [Kontseptsiya ukrepleniya edinstva naroda i mezhetnicheskikh otnosheniy v Kyrgyzskoy Respublike].

Ethnicity and language in 2003 and 2011 surveys

In 2003 and 2011, two surveys were conducted to study the interethnic situation in Kyrgyzstan¹⁶. Both of them were carried out in five regions of Kyrgyzstan: Chui, Issyk-Kul, Osh, Djalal-Abad provinces and Bishkek city. The main criterion how those regions were chosen was their more diverse ethnic composition compared to others.

1000 people aged 16 and higher were questioned (200 people in each of the above mentioned regions) by means of a questionnaire that contained 31–38 questions. Respondents were selected based on their ethnicity, so that the major ethnic groups of Kyrgyzstan could be represented in the surveys. The questions of the surveys included the questions of language, ethnicity, religion, interethnic relations, interethnic integration, etc.

Therefore, both surveys had similar samplings and questions, so that the findings of both can be compared to see the dynamics within 8 years between the surveys. This section will present and discuss the findings regarding the language situation in Bishkek city, the relation of language to ethnicity as well as the language preferences of Bishkek respondents.

Since ethnicity was the main criterion in the samplings of both surveys, the largest ethnic groups of Kyrgyzstan and Bishkek city such as Kyrgyz, Russian, and Uzbeks were represented correspondingly in the surveys.

In 2003, 53% of Kyrgyz, 35% of Russians, and 12% of other ethnicities took part in the survey from Bishkek city. As for the 2011 survey, there were 50.3% of Kyrgyz, 30.2% of Russians and almost 20% of other ethnicities from Bishkek.

In the question on mother tongue, 52% of respondents mentioned Kyrgyz, 37% mentioned Russian and 10% mentioned other languages in Bishkek city in the 2003 survey.

As for the 2011 survey, in the same question on mother tongue, 51% of respondents mentioned Kyrgyz, 31% mentioned Russian and almost 18% mentioned other languages of Bishkek city. Of course, among those respondents who mentioned Russian was not only ethnic Russians but other ethnicities too who considered Russian as their mother tongue.

At the same time, the surveys reconfirmed the statement that for the majority of respondents in Kyrgyzstan, language is an important marker of their ethnic identity and answering «yes»

¹⁶ 2003 and 2011 surveys were conducted by the author of the paper. The 2003 survey was funded by the Japan Society for the Promotion of Science, while the 2011 survey was carried out within the framework of the UNESCO project.

to the question about their mother tongue, they wanted to emphasize their belonging to their ethnicity.

The data of the 2003 and 2011 surveys conducted by the author demonstrated that the majority of respondents prefer to speak their ethnic languages in their families. That is, ethnic languages are the most stable in families. However, the situation changes when it comes to the secondary and higher educational institutions where more people prefer to study in Russian.

According to the data of the 2003 survey, almost 52% of respondents were brought up in their families in Russian, 44% in Kyrgyz and the rest in other ethnic languages. In the 2011 survey, 52% of respondents were raised in Kyrgyz, 44% in Russian and the rest in others.

Although the language of instruction at schools is often determined by the language spoken in the family, the Soviet time was marked by the trend when parents preferred to place their children in Russian schools. It was explained by a higher status of Russian during that time, better quality of education in Russian schools and a wider range of employment opportunities after graduation. The same trend continued after independence, although the respondents were motivated by different factors.

According to the 2003 survey, 58% of respondents studied in Russian schools, almost 37% in Kyrgyz, and 3% in Uzbek. During the 2011 survey, or 8 years later, 59% studied in Russian, 41% in Kyrgyz and about 2% in Uzbek.

Of course, the respondents who studied in Russian schools were not only of Russian ethnicity but others too, including Kyrgyz. At the same time, the number of respondents who attended Kyrgyz schools increased in 2011 that can be explained by a gradual promotion of the Kyrgyz language, especially at the state level.

Although the status of Kyrgyz after independence was promoted according to the new language policy, Russian was still widely spoken in the city. In the higher and secondary special education, Russian remained the dominant language of instruction.

In the 2003 survey, 56% of respondents were taught in Russian and 10% in Kyrgyz. Of course, only 65% of respondents had higher, higher incomplete or secondary vocational education. In the 2011 survey, 74% of respondents were educated in Russian and 17% in Kyrgyz out of 82% of respondents with higher education, higher incomplete or secondary vocational education.

Quite similar situation is in the working places. By the data of the 2003 survey, almost 63% of respondents spoke Russian in their offices and 21% spoke Kyrgyz. In the 2001 survey, almost 62% spoke Russian and 35% spoke Kyrgyz. You may see that 8 years later more people turned to speak Kyrgyz in their working places. At the same time, the proportion of Kyrgyz speaking respondents doesn't significantly affect the preferences of those respondents speaking Russian in offices.

That is, in the organizations and companies that respondents worked for, the main language of communication is Russian. This could be explained by the traditions of the Soviet time when the language of the official correspondence in the state was Russian. At the same time, the new trend could be observed when the number of Kyrgyz speaking respondents is increasing too. This is the result of the language policy after independence when Kyrgyz was declared the state language in the country and the official correspondence in state agencies is also gradually switching to Kyrgyz.

Conclusion

Various factors contributed to the development of a multiethnic society in Bishkek city. Colonization, Industrialization, Collectivization, Cultural Revolution, ethnic deportations dramatically changed the ethnic situation in the city during the Soviets. However, the main factors of ethnic changes after independence were the emigration of Russians, Ukrainians, Tatars, Germans and other non-indigenous ethnic groups to their homelands and the internal migration of Kyrgyz from regions and rural areas to Bishkek city.

The language situation in Bishkek is closely related to the ethnic composition of the city. Language is not only the means of communication but an important marker of ethnic identity. During the Soviet time, Russian was the official language in the Soviet Union as well as the dominant language in Bishkek city. It was the language of interethnic and intra-ethnic communication in the city. However, after independence the language situation changed. The 2004 language law in Kyrgyzstan announced Kyrgyz the only state language in the country. According to it, the official correspondence in Kyrgyzstan was supposed switch to Kyrgyz.

Currently Russian remains the second language spoken in Bishkek. It retains its position as the language of higher education, science and interethnic communication. Good evidence is the findings of the 2003 and 2011 surveys when the majority of the respondents in Bishkek city indicated their ethnic languages as their mother tongues. They speak their ethnic languages in family and intra-ethnic communication but study in Russian in educational institutions and speak Russian in their working places.

Although the number of Russians and Russian speaking groups are steadily declining today, the position of Russian in Bishkek is still quite stable. Russian continues to play a significant role in the political, economic and social life of the city. It can be explained by the terminological and functional weakness of the Kyrgyz language, the presence of a significant proportion of ethnic minorities in Bishkek that is predominantly Russian speaking, and the recent labor migration of Kyrgyz people to Russia. Therefore, the orientation towards Russian among the people of Kyrgyzstan will remain in the future, though it could be harder for the younger generations to master it.

REFERENCES

- Chotaeva Ch. *Ethnicity, Language and Religion*. Tohoku University, 2004. 173 s.
- Fishman J. *Handbook of Language and Ethnic Identity*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1999. 468 s.
- Kontseptsiya ukrepleniya edinstva naroda i mezhetnicheskikh otnosheniy v Kyrgyzskoy Respublike* [Concept of Strengthening Unity of People and Interethnic Relations in Kyrgyz Republic]. Bishkek, 2013. Available at: http://www.president.kg/files/docs/kontseptsiya_ukrepleniya_edinstva_naroda_i_mejetnicheskih_otnosheniy_v_kr.pdf (accessed March 31, 2018) (in Russian).
- Krongardt G. K. *Naselenie Kyrgyzstana vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Population of Kyrgyzstan in the Second Half of the XIX — early XX c.]. Bishkek, 1997. 131 s. (in Russian).
- Naselenie Kyrgyzstana: itogi pervoi natsional'noi perepisi naseleniia Kyrgyzskoi Respubliki 1999 goda v tablitsakh* [Population of Kyrgyzstan: Results of First National Census of Kyrgyz Republic]. Book 2, Part 1. Bishkek, 2000. 288 s. (in Russian).
- Naselenie SSSR* [Population of USSR]. Moscow, 1980, 375 s. (in Russian).

Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki [National Statistic Committee of Kyrgyz Republic]. Available at: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie> (accessed March 23, 2017) (in Russian).

Orusbaev A. *Iazykovaia zhizn' Kirgizii* [Language Life of Kirgizstan]. Frunze : Ilim, 1990. 293 s. (in Russian).

Osnovnye itogi pervoi natsional'noi perepisi naseleniia Kyrgyzskoi Respubliki 1999 goda [Main Results of First National Census of Kyrgyz Republic]. Bishkek, 2000. 91 s. (in Russian).

Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda: Kirgizskaia ASSR [All-Union Census of 1926: Kirgiz ASSR]. Available at: <http://www.rarebooks.net.kg/ru/view/30> (accessed March 20, 2017) (in Russian).

Vtoraia natsional'naia perepis' naseleniia Kyrgyzstana 2009 goda [Second National Census of Kyrgyzstan of 2009]. Available at: <http://www.stat.kg> (accessed March 23, 2017) (in Russian).

Sovetskaia Kirgiziiia (Soviet Kirgizstan). December 7, 1987 (in Russian).

УДК 94 (470).083:3701

М. В. Стурова

Генеалогическая компания «Историческая мастерская», Барнаул (Россия)

РУССКО-КАЗАХСКИЕ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА НАЧАЛА XX В.¹⁷

Исследуется место русско-казахских школ в системе управления имперской администрацией Степным краем в начале XX в. Объясняется, каким образом русско-казахская школа (и как ее ответвление специально адаптированная к хозяйственно-бытовым условиям кочевого общества аульная школа) выполняла функцию аккультурации коренного населения. В ходе рассмотрения законодательного регулирования процесса обучения в «инородческих училищах» автор уделяет внимание пересечению интересов министерств, контролировавших образовательную политику в Акмолинской и Семипалатинской областях. Анализируя законодательную базу образовательной интеграции, процесс строительства русско-казахских школ, автор выявляет разновекторную направленность действий Министерства народного просвещения и Министерства внутренних дел: с одной стороны, включение Степного края в имперскую систему обра-

¹⁷ Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

зования, с другой — приоритет этноконфессиональной специфики и сдерживание ве-роисповедной активности казахского населения. Демонстрируется роль русско-казахской школы в политике русификации региона и заинтересованность административных структур во внедрении русского языка как языка модернизации.

Ключевые слова: русско-казахские школы, Степной край, Министерство народного просвещения, образовательная интеграция, инородческая школа, аккультурация.

M. V. Sturova

Genealogical company "Historical workshop", Barnaul (Russia)

RUSSIAN-KAZAKH SCHOOLS IN THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF THE EDUCATIONAL SPACE IN THE STEPPE GENERAL-GOVERNORSHIP AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY

The article presents exploring the place of Russian-Kazakh schools in the system of managing of the Steppe Region at the beginning of the XXth cent. The author explains, how the Russian-Kazakh and “aul school” (which was a separate kind of “other-ethnic-school”, specially adapted to the economic and living conditions of the nomadic society) performed as a function of acculturation of the indigenous population. During the consideration of the legislative regulation of educational process in “other-ethnic-colleges” the author pays attention to intersection of interests of the ministries, which controlled the educational policy in Akmola and Semipalatinsk regions. Analyzing the legislative base of educational integration, the process of construction of Russian-Kazakh schools, the author reveals the presence of different interests of the Ministry of public education and the Ministry of internal Affairs. On the one hand, it is the inclusion of the Steppe Region in the imperial education system. On the other hand, it is a priority of ethnic and religious specificity and containment of Kazakh religious activity. The author demonstrates the role of the Russian-Kazakh school in the policy of russification of the region and the interest of administrative structures in the implementation of the Russian language as a language of modernization.

Key words: Russian-Kazakh schools, Steppe Region, Ministry of public education, educational integration, “other-ethnic-school”, acculturation.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–08

Стурова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, специалист-генеалог генеалогической компании «Историческая мастерская», Барнаул (Россия). Адрес для контактов: marie-t@mail.ru

Начало XX в. — насыщенный в истории России и национальных регионов период, сопровождавшийся распадом империи и образованием автономных государств. Обращение к проблематике межэтнического диалога между представителями российских административных структур и одними из оппонентов, включаемых в систему государственного управления, — казахами обусловлено необходимостью выяснения «качества» и содержания политики инкорпорирования. Выделение образовательного пространства как проблемного поля позволяет не только исследовать механизмы решения рабочих вопросов имперской администрацией, но рассмотреть глубинные процессы аккультурации. С разного ракурса тематика образовательного пространства Степного края, его аккультурация, русификация, образовательная политика интеграции этнорегиона изучены в ряде работ [Тихонов, 2008; Раздыкова, 2007; Плехотник, 2007; Лысенко, 2010; Садвокасова, 2005]. Цель данного исследования — продемонстрировать место и роль русско-казахских школ в системе государственного управления Степным генерал-губернаторством, раскрыть содержание политики аккультурации. Предстоит также выявить значение русско-казахских школ для общего хода политики образовательной интеграции Степного генерал-губернаторства.

В Степном крае, интеграция которого началась с 60-х гг. XIX в., к началу XX в. общий курс на включение этнорегиона в имперскую административную структуру был дополнен разделением управленческих практик на интеграцию казахов и политику в отношении государствообразующего этноса. Применительно к казахскому населению продолжала развиваться система государственного управления деятельностью мусульманских школ, а также механизмы аккультурации казахского населения. К началу XX в. методика включения казахов в российско-имперскую культурно-языковую среду (посредством образования) прошла сложный путь от предоставления права казахскому населению обучать детей в школах Министерства народного просвещения (далее — МНП) вместе с русскоязычными детьми до организации специальных учебных заведений, ориентированных на этнические и религиозные особенности коренного населения. Преобладание казахско-мусульманского населения в Степном крае, безусловно, побуждало правящие круги принимать во внимание его приверженность к конфессиональной школе — мектебам и медресе. В то же время имперская администрация стремилась создать в Степи альтернативное направление образовательных учреждений, группировавшихся под названием «инородческая школа (училище)», в котором должен был преобладать светский компонент.

Обращаясь к характеристике такого вида школ, как русско-казахские, отметим, что они представляли собой «синтезную модель», образовательное учреждение на пересечении культурно-цивилизационных основ — российско-имперской и казахско-мусульманской. В риторике изучаемого периода данный вид учреждений подпадал под термин «инородческие школы». Применительно к изучаемому этнорегиону — это русско-казахские и аульные школы.

Содержание образования в данных школах формировалось непосредственно министерскими структурами, поэтому русско-казахские школы напрямую выступали посредником образовательной политики русификации. Большое значение для деятельности данных учебных заведений «имела педагогическая система Н.И. Ильминского, основанная на постепенном переводе всего обучения на русский язык, что предпола-

ло эффективное втягивание «инородцев» в орбиту имперского влияния» [Плахотник, 2007]. Получая начальное образование в русско-казахских и аульных школах, казахи, соответственно, в меньшей степени могли противостоять аккультурации.

При организации русско-казахских школ, по своей идеологии в полной мере соответствовавших с методикой Н. И. Ильминского, главная ставка была сделана на сочетание элементов российской начальной и традиционной школы и создание нового типа образовательного учреждения. Кроме этого, для успешной русификации применялся принцип совместного обучения казахских и русских детей с разрешением первым не изучать Закон Божий [Министерские училища..., 1903; Настольная книга..., 1904].

В процессе организации русско-казахских школ целесообразно было учитывать особенности хозяйственно-культурного типа казахов, в основе которого находилось кочевое и полукочевое скотоводство. Данный принцип реализовывался в создании аульной школы, которая обеспечивала финансовую возможность «изъятия» учащихся из круга домашних хозяйственных обязательств и включение в учебную среду без непосредственных денежных затрат на обучение и содержание учащегося в школе, интернате (полное финансирование из государственного бюджета аульных школ и интернатов) [Полное собрание законов Российской империи, 1899: 41–42; Обзор Акмолинской области, 1883: 27]. На русско-казахскую школу возлагалась задача быть образовательным учреждением, способным обозначить явное преимущество в получении образования перед конфессиональной мусульманской школой [Обзор Акмолинской области, 1882: 34].

Образовательная среда становилась средством аккультурации начиная с 1860-х гг., когда казахская степь включалась в российско-имперское правовое поле. Новшеством и результатом трансформации казахской системы образования под воздействием российско-имперской модели (и при личном участии Н. И. Ильминского) стало появление и казахского кириллического алфавита [Исхан, Даутова, Оспанова, 2014: 136–140]. С именем И. Алтынсарина было связано начало строительства русско-казахских школ в Степном крае в 1868–1870 гг. В этот период в Уральской области начали работу 24 русско-казахские школы, из них две — двухклассные, 6 — сельские одноклассные, 14 старшинских и два частных училища. В Акмолинской области в 1870-х гг. действовала одна русско-казахская школа с числом обучающихся 27 человек [История Казахстана, 2000: 523]. Распространением и адаптацией российско-имперской модели обучения среди казахского населения занимались также А. Е. Алекторов, А. В. Васильев, В. В. Катаринский. Результатом деятельности педагогов и просветителей было появление учебных заведений «синтезного характера», на стыке имперской и собственно этнической образовательной систем (с опорой на практическое применение адаптационных методик, использование казахского языка и кириллического алфавита) [Алекторов, 1907; Катаринский, 1906; Васильев, 1912].

Однако в целом необходимо признать, что процесс создания начальных русско-казахских школ в Степном крае в 60–90-х гг. XIX в. не стал массовым. По мнению региональных чиновников, «имперские распоряжения были поспешными, опережающими реальными условиями, существовавшими в казахской степи». Интернаты для казахских детей при русско-казахских школах создавались лишь в областных или уездных центрах, что снижало их привлекательность для казахского населения, в большинстве занимаю-

щегося полукочевым скотоводством. «Потребность в государственных школах здесь появилась лишь в самом конце XIX в., когда возрос поток русских переселенцев и увеличилось число казахов, ведущих оседлый образ жизни» [Плахотник, 2007].

И действительно, ситуация стала изменяться на рубеже XIX–XX вв. На повестку дня встал вопрос о создании школ, доступных широким слоям казахского общества буквально по месту жительства. Так, 11 октября 1901 г. Министерством народного просвещения были утверждены «Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей» [Настольная книга..., 1904: 213б]. В рамках усиления контроля за училищной частью постановлением 1 января 1902 г. в Степном крае вводилась должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, подотчетного МНП.

Отметим, что несмотря на подчинение Степного края управленческой структуре Западно-Сибирского учебного округа и МНП соответственно, над Акмолинской и Семипалатинской областями также не прекращался контроль МВД. В первом случае учреждался свой административный аппарат, во втором — военному губернатору принадлежало «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии» и право «сообщать министерству народного просвещения свои по означенному предмету замечания и соображения» [Положение об управлении областей Акмолинской..., 1893: 102].

Однако инородческие школы, русско-казахские и аульные, в большей степени подчинялись контролю МНП, координировавшего форму и содержание образовательного процесса, тогда как за генерал-губернатором оставалось решающее мнение одобрения/возражения с точки зрения риска дезинтеграции (усиления волнений в казахском обществе). Например, в утвержденных МНП 31 марта 1906 г. «Правилах о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России», еще раз подтверждались принципы осуществления образовательной интеграции. В этот раз форма и содержание русификации выражались в разделении инородческих школ для потенциальных учащихся на частично и слабо ассимилированных. Так, инородцам, отдельно проживавшим от русского населения и не знающим русский язык, предлагалось обучаться в первоначальных училищах (школах грамоты), начальных одноклассных и двухклассных училищах. Основой обучения по-прежнему был инородческий язык с постепенным переходом на преобладание русского.

Во втором варианте инородцы, проживавшие смешанно с русскоязычным населением и владевшие русским языком, подвергались более интенсивному инкорпорированию в имперскую культурно-образовательную среду (русский язык должен был максимально замещать инородческий). МНП продолжало стимулировать добровольное включение казахов в образовательный процесс, им организованный, усиливать мотивацию к обучению в инородческих школах, наиболее близко соотносившихся с мусульманским мировоззрением. Например, аульная школа была наиболее близка еще и по причине сохранения религиозного компонента. В содержание учебной программы было включено, по аналогии с программой обучения в мектебах, изучение Корана. Дети инородцев, «поступившие в начальные училища народного типа, освобождались от посещения уроков Закона Божия, церковно-славянского языка и церковного пения» [Правила о начальных училищах..., 1906: 241об.].

Тенденции на увеличение численности инородческой школы, впрочем, как и учебных заведений для русского населения, актуализировали необходимость интеграции Степного края через систему инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа. В 1902 г. инспекторский состав училищ Акмолинской и Семипалатинской областей был увеличен до трех, в 1907 г. — до пяти. Проведены были мероприятия по перераспределению инспекторских районов в областях: Акмолинская область была разделена на три, а Семипалатинская — на два инспекторских района, а в 1916 г. число районов по областям достигло четырех и трех соответственно. В целом, преобразования характеризовали тенденцию — распространение общей модели регулирования образовательного процесса в империи на области, подведомственные Западно-Сибирскому окружному начальству, в том числе и на этнорегион Степного края [Голоикова, 2010: 52].

В то же время МВД и генерал-губернаторы продолжали реализовывать присущие ведомству задачи. Свидетельством самостоятельности Степных генерал-губернаторов в видоизменении образовательного пространства региона и определении судьбы русско-казахской школы являются «Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края». Наряду с комплексом вопросов экономического свойства, вынесенных на повестку дня совещания, обсуждению подверглись проблемы, связанные с развитием системы начального школьного образования в регионе. Дискуссия о судьбе аульной русско-казахской школы во многом была связана с отрицательной реакцией мусульманской общественности на введенные в 1906 г. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России». Отмена некоторых статей новой редакции Правил, принятых в конце 1907 г., актуализировала обсуждение проблемы в Степном крае. Необходимо подчеркнуть, что на заседания Частного совещания были приглашены и представители казахского населения, принимавшие активное участие в дискуссии. Делегатами от казахов были озвучены проблемы, в решении которых они ожидали встретить содействие чиновников имперской администрации. В частности, на одной из четырех комиссий, посвященной вопросам образования и проходившей под председательством А. Е. Алекторова, были заявлены вопросы об открытии мусульманских семинарий, мектебов и медресе без классов по русскому языку. В разделе опубликованных Трудов, называвшемся «Школьная программа», применительно к аульным школам отражено ходатайство казахов об обучении в них родному языку и установлении арабской транскрипции в учебниках. Кроме прошений о дозволении свободно открывать мектебы и медресе, указывалось на необходимость увеличения стипендий для казахов, намеревавшихся поступать в низшие, средние и высшие учебные заведения. Более того, содержится также ходатайство о назначении при министерских школах, в которых обучались казахи, вероучителей ислама собственно из казахов [Труды Частного совещания..., 1908: 5, 66–90].

Итогом работы совещания под руководством Степного генерал-губернатора И. П. Надарова стали резолюции и постановления, в которых неуклонно соблюдался курс на продолжавшуюся русификацию, подразумевавшую учреждение классов русского языка при мектебах и обеспечение контроля над русско-казахскими школами со стороны МНП. Выражено было согласие в вопросе о назначении мусульманских ве-

роучителей в школах, где обучались дети казахов [Труды Частного совещания..., 1908: 90]. Однако сделанные уступки в сторону усиления рычагов этноконсолидации казахов нейтрализовывались соответствующими контрусловиями, и в целом, позиция МНП на активную аккультурацию поддерживалась и впредь [Труды Частного совещания..., 1908: 67]. В аульных школах решено было оставить прежний порядок (соблюдать условие — преподавание на языке учащихся) с акцентом на хорошее знание учителями казахского языка [Труды Частного совещания..., 1908: 83]. Всего к 1916 г., например, в Акмолинской области функционировали 84 аульные русско-казахские школы, из которых 4 являлись двухклассными с интернатами для русских и казахских детей. При одной из них имелась слесарно-ремесленное отделение.

В историографии имеются различные оценки результатов образовательной политики России в Степном крае, направленной на создание сети государственного начального образования для казахского населения. Одним из негативных фактов, снижавших привлекательность аульной русско-казахской школы, стало содержание учебных программ, основанных на русификации. Так, в донесении чиновника Министерства народного просвещения в 1900 г. генерал-губернатору Степного края указывалось, что «интерны должны были поступиться и в вопросе о соблюдении в стенах школы уразы (протесты умолкли при применении решительных мер)», «русская транскрипция вытесняет арабскую и тем более парализует влияние мусульманской литературы, уроки вероучения — не более 2–3 занятий в неделю, что отнюдь не позволяет, чтобы мусульманские ученики были посвящаемы в тонкости шариата». Как отмечает ряд современных исследователей, ситуация не изменилась и после принятия «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 1906 г. Согласно Правилам сохранился жесткий курс государства на русификацию посредством более углубленного изучения русского языка. Данные тенденции выразились в том, что «в первоначальных инородческих школах для изучения русского языка и церковно-славянского чтения отводилось 8 уроков, а на грамоту на родном языке 4, в училищах с четырех годичным курсом для русского языка было предусмотрено 12 уроков, а на родной отводилось только 2» [Гафаров А. А., Гафаров А. Н., 2012: 300]. Результатом становилось отчисление учащихся из русско-казахских школ.

Свидетельством незначительной привлекательности русско-казахских школ являются данные по уровню владения русским языком среди казахского населения в начале XX в. Так, уровень грамотности казахов Оренбургской губернии составлял 10,12%. Основная часть грамотных проходила по категории «грамотность на других языках» (7,16%), тогда как русская грамотность среди казахов составляла 1,83%. Еще более низкие показатели общей грамотности были у казахов в Уральской и Тургайской областях. В Уральской области общая грамотность татар составляла 23,9%, русских — 31,6%, казахов по категории грамотность «на других языках» (4,7%), русская грамотность казахов составляла 0,28% [Казиев, 2014: 130].

Как отмечает С. Ш. Казиев, «из-за слабой востребованности знаний и умений выпускников русско-казахской школы в социальных «нишах» традиционного кочевого социума они проигрывали в материальном достатке выпускникам религиозных школ, которые могли рассчитывать на высокое материальное вознаграждение за знание основ ислама и владение арабским языком» [Казиев, 2014: 130].

Важно отметить также, что на развитие русско-казахской школы повлияли условия исторического периода — рубежа XIX–XX вв., когда происходил рост этнического самосознания и этнической консолидации казахского общества. Усилившиеся после Указа о веротерпимости и Манифеста об усовершенствовании государственного порядка в 1905 г. тенденции объективным образом препятствовали росту популярности иногородческих школ, организованных имперскими структурами. Кроме того, в контексте реформирования казахской мусульманской школы и появления новометодных школ русско-казахской школе чрезвычайно трудно было обозначить преимущества получения образования на этнически чужеродной основе.

Отметим также, что существовавшая система мусульманского образования, выполняя этноконсолидирующую функцию, создавала серьезный противовес политике приобщения казахов к российской культурно-образовательной среде. Стремление создать направление, столь же идеологически сильное, но на российско-православной основе, реализовывалось посредством развития среди казахского общества системы миссионерских школ. С учреждением в 1895 г. Омской епархии и Православной киргизской миссии получила организационное оформление задача приобщения казахов к христианско-православной картине мира посредством миссионерско-школьного образования и развития системы интернатов. Однако контингент учеников из среды казахского населения был невелик ввиду непопулярности миссионерских школ РПЦ [Лысенко, 2010].

Причиной отсутствия популярности государственных школы в Степном крае следует считать этноцивилизационный аспект проблемы. Особенности культурно-цивилизационного взаимовосприятия формировались через образовательное пространство, активным инициатором диалога в котором выступили российско-имперские административные структуры, казахское же население оказалось в условиях необходимости адаптации при сохранении национальной специфики. Производными же особенностями стали, с одной стороны, недовольство «цивилизаторов» неприятием казахским населением благ просвещения, с другой — отторжение казахами того пути, который разрушал традиционные основы этнической ментальной структуры. В силу того, что опосредованность диалога происходила через внедрение светскости в школьном образовании и обучение русскому языку, это нарушало основы ортопраксии приверженцев мусульманского вероисповедания. Нарушение традиции (духовно-нравственное воспитание, жизненный уклад, смысловое наполнение которого осуществлялось посредством национального, казахского, языка и сакрального, арабского) означало вторжение в область «устойчивого ядра» национальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алекторов А. Е. Киргизская хрестоматия: сборник статей для переводов на русский язык для классного и домашнего чтения с рисунками. Омск : изд. книжного магазина А. С. Александрова, 1907. 61 с.

Васильев А. В. Букварь для киргиз. Казань : Центральная типография, 1912. 59 с.

Гафаров А. А., Гафаров А. Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казахстанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7. С. 296–303.

Голикова О. А. Формирование инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, политология. 2010. № 4/3 (68). С. 50–53.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 3 / под ред. К. С. Алдажуманова, М. Х. Асылбекова, Ж. К. Касымбаева, М. К. Козыбаева. Алматы : Атамұра, 2000. 768 с.

Исхан Б. Ж., Даутова С. Б., Оспанова Б. Р. Языковая политика и казахский алфавит // Успехи современного естествознания. 2014. № 9–1. С. 136–140 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34205> (дата обращения: 13.04.2017).

Казиев С. Ш. Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 128–133.

Катаринский В. В. Грамматика киргизского языка. Оренбург : Тургайская областная типография, 1906. 217 с.

Лысенко Ю. А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 195 с.

Министерские училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений о двухклассных и одноклассных училищах Министерства народного просвещения. СПб. : Типо-литография Б. М. Вольфа, 1903. 41 с.

Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа. СПб. : Типо-литография Б. М. Вольфа, 1904. Т. 3. 713 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. Омск : Типография Акмолинского областного правления, 1882. 72 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1882 год. Омск : Типография Акмолинского областного правления, 1883. 73 с.

Плахотник Т. Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 22 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html> (дата обращения: 10.02.2017).

Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVI. 1896 г. СПб., 1899. № 12423. С. 41–42.

Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, 25 марта 1891 года. Омск : Типография А. К. Демидова, 1893. 210 с.

Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. На основании Высочайшего повеления от 14 января 1906 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 238–241об.

Раздыкова Г. М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Павлодар, 2007. 203 с. [Электронный ресурс]. URL: www.disscat.com/content/etnicheskii-komponent-v-musulmanskom-obrazovanii-kazakhov-stepnogo-kрая-v-kontse-xix-nachal (дата обращения: 09.01.2018).

Садвокасова З. Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX — начало XX в.). Алматы: Қазақ университеті, 2005. 345 с.

Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск : Типография Акмолинского областного правления, 1908. 93 с.

REFERENCES

Alektorov A. E. *Kirgizskaia khrestomatiia: Sbornik statei dlia perevodov na russkii iazyk dlia klassnogo i domashnego chteniia s risunkami* [Kyrgyz reading-book: Collection of articles for translation on Russian language for classroom and home reading with pictures]. Omsk : Knizhnyi magazin A. S. Aleksandrova Publ., 1907. 61 s. (in Russian).

Vasil'ev A. V. *Bukvar' dlia Kirgiz* [ABC book for the Kyrgyzes]. Kazan': Tsentral'naia tipografiia Publ., 1912. 59 s. (in Russian).

Gafarov A. A., Gafarov A. N. Kolonial'naia akkul'turatsiia traditsionnogo ukлада musul'man rossiiskoi imperii [Colonial acculturation of the traditional mode of the Muslims of the Russian Empire]. *Vestnik Kazakhstanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazakh University of technology]. 2012, vol. 15. № 7. S. 296–303 (in Russian).

Golikova O. A. Formirovanie inspektsii narodnykh uchilishch Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Formation of inspection of public schools of the West Siberian educational district]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiia* [News of Altai State University. Series: history, political science]. 2010, № 4/3 (68). S. 50–53 (in Russian).

Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). V piati tomakh. Tom. 3 [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In 5 vol. Vol. 3] / Pod red. K. S. Aldazhumanova, M. Kh. Asylbekova, Zh. K. Kasymbaeva, M. K. Kozybaeva. Almaty: Atamyra Publ., 2000. 768 s. (in Russian).

Iskhan B. Zh., Dautova S. B., Ospanova B. R. Iazykovaia politika i kazakhskii alfavit [Language policy and the Kazakh alphabet]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia* [Progress of modern natural Sciences]. 2014, no 9–1. S. 136–140. Available at: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34205> (accessed April 13, 2017) (in Russian).

Kaziev S. Sh. Natsional'no-prosvetitel'skoe dvizhenie i proekty natsionalizma v Kazakhstane v kontse XIX — nachale XX v. [The national educational movement and projects of nationalism in Kazakhstan at the late XIX — early XX century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2014. №. 4/2 (84). S. 128–133 (in Russian).

Katarinskii V. V. *Grammatika kirgizskogo iazyka* [Grammar of the Kyrgyz language]. Orenburg: Turgaiskaia oblastnaia tipografiia Publ., 1906. 217 s. (in Russian).

Lysenko Iu. A. *Missionerstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX — the beginning of XX century)]. Barnaul: ASU Publ., 2010. 195 s. (in Russian).

Ministerskie uchilishcha. Sistemicheskii svod zakonov, rasporiazhenii, pravil, instruktsii, programm i spravochnykh svedenii o dvukhklassnykh i odnoklassnykh uchilishchakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Ministerial schools. Systematic set of laws, regulations, rules, instructions, programs and reference data on two-class and one-class schools of the Ministry of public education]. SPb. : B. M. Vol'f Tipo-litografiia Publ., 1903. 41 s. (in Russian).

Nastol'naiia kniga po narodnomu obrazovaniiu. Zakony, rasporiasheniia, pravila, instruktsii, ustavy, spravochnye svedeniia i prochie po shkol'nomu i vneshkol'nomu obrazovaniiu naroda [Handbook on public education. Laws, orders, rules, regulations, statutes, background information, and other formal and non-formal education of the people]. SPb: B. M. Vol'f Tipografii Publ., 1904. Vol. 3. 713 s. (in Russian).

Obzor Akmolinskoi oblasti. Prilozhenie k vsepoddanneishemu otchetu Akmolinskogo gubernatora za 1881 god [Review of Akmola region. Annex to the report of the Akmola Governor for 1881]. Omsk : Tipografii Akmolinskogo oblastnogo pravleniia, 1882. 72 s. (in Russian).

Obzor Akmolinskoi oblasti. Prilozhenie k vsepoddanneishemu otchetu Akmolinskogo gubernatora za 1882 god [Review of Akmola region. Annex to the report of the Akmola Governor for 1882]. Omsk : Tipografii Akmolinskogo oblastnogo pravleniia, 1883. 73 s. (in Russian).

Plakhotnik T. Iu. *Deiatel'nost' administratsii Stepnogo kraia v sfere nachal'nogo obrazovaniia kazakhskogo naseleniia v kontse XIX — nachale XX vv.: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the administration of the Steppe Region in the field of primary education of the Kazakh population at the late XIX — early XX centuries: abstract of Ph.D. dissertation]. Omsk, 2007, 22 s. Available at: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html> (accessed February 10, 2017) (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Part 3, vol. XVI, 1896. SPb., 1899. № 2423. S. 41–42 (in Russian).

Polozhenie ob upravlenii oblastei Akmolinskoi, Semipalatinskoi, Semirechenskoi, Ural'skoi i Turgaiskoi, 25 marta 1891 goda [Regulations on the management of Akmola, Semipalatinsk, Semirechye, Ural and Turgay Regions, 25 Mar 1891]. Omsk : Tipografii A. K. Demidova Publ., 1893. 210 s. (in Russian).

Pravila o nachal'nykh uchilishchakh dlia inorodtsev, zhivushchikh v vostochnoi i iugo-vostochnoi Rossii. Na osnovanii Vysochaishego poveleniia ot 14 ianvaria 1906 g. [Rules about primary schools for “other-ethnic-people” living in Eastern and South-Eastern Russia. On the basis of the Highest commandment of January 14, 1906]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian state historical archive]. Fund 821. Inventory. 8. File 816, fol. 238–241ob. (in Russian).

Razdykova G. M. *Etnicheskii komponent v musul'manskom obrazovanii kazakhov stepnogo kraia v kontse XIX — nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnic component in the Muslim education of the Kazakhs of the Steppe Region at the late XIX — early XX century. Ph. D. Thesis]. Pavlodar, 2007, 203 s. Available at: www.dissercat.com/content/etnicheskii-komponent-v-musulmanskom-obrazovanii-kazakhov-stepnogo-kraia-v-kontse-xix-nachal (accessed January 09, 2018) (in Russian).

Sadvokasova Z. T. *Dukhovnaia ekspansiia tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniia i religii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX — the beginning of XX century)]. Almaty : Kazakh University Publ., 2005. 345 s. (in Russian).

Trudy Chastnogo soveshchaniia, sozvanogo 20 maia 1907 goda stepnym general-gubernatorom po voprosam o nuzhdakh kirgizov Stepnogo kraia [Proceedings of the Private meeting, convened May 20, 1907 by Steppe general-governorship on the issues of the needs of the Kirghizes in Steppe Region]. Omsk : Tipografii Akmolinskogo Oblastnogo Pravleniia, 1908. 93 s. (in Russian).

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94 (47)

А. П. Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия)

ИСЛАМ В ХАКАСИИ (В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ «ВСЕ ТЮРКИ — МУСУЛЬМАНЕ») ¹⁸

Целью статьи является исследование распространения ислама в Хакасии. Недостаточная изученность темы вызывает различные околонучные мнения, подчас политизированные. При этом наблюдается либо игнорирование исторических фактов, либо их толкование, основанное на бытовых домыслах. В данном регионе ислам не стал доминирующей религией в прошлом, не является доминирующей конфессией и в XXI в.

Ещё в период Раннего Средневековья у мусульман Ближнего и Среднего Востока на основе коранических воззрений и разрозненных сведений сложилось представление о страшных племенах яджуджи и маджуджи, живущих «на краю света» — в Северной Азии. Со временем представление мусульман о живущих там тюрках расширилось, но воспринимались они отстранённо. Ситуация изменилась, когда у части тюркской элиты возникала (и до сих пор бытует) идея объединения мусульман в самостоятельное политическое образование, где идея «Великого Туркестана» (Великого Турана) базируется на трех «китах»: тюркизации, исламизации и модернизации, подразумеваемая, что все тюрки — мусульмане.

Мнение, безусловно, ошибочное. В этом отношении показательна судьба исламской религии и её приверженцев в одном из восточных субъектов Российской Федерации — Республике Хакасии, где хакасы (тадарлар/минусинские, абаканские, ачинские

¹⁸ Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 18–1–012650 «Кросскультурный штурм-2018».

татары/енисейские киргизы) придерживались издавна тенгрианства, но в XIX в. были принудительно обращены в православие.

Автор приходит к выводу, что на современном этапе сформированы местные институты уммы. Одновременно происходит трансформация религиозной и этнокультурной идентичности. Предлагаются рекомендации по профилактике экстремизма.

Ключевые слова: ислам в Хакасии, проблема развития уммы.

A. P. Yarkov

Tyumen State Universitet, Tyumen (Russia)

ISLAM OF THE KHAKASIA (IN THE CONTEXT OF THE IDEA OF “ALL TURKS ARE MUSLIMS”)

The aim of this paper is to study the history of the spread of Islam in Khakassia. It has not been thoroughly researched. All this causes various pseudoscientific views sometimes politicized. There is a disregard for historical facts, or their interpretation, based on a narrow-minded conjectures. This region became the dominant religion, Islam has not in the past. Is not dominant, and in the 21st century.

Even during the early Middle Ages the Muslims of the Middle East on the basis of Quranic beliefs and disparate information perception about fearsome tribes jadhudzhi and madzhudzhi living “on the edge of the world” in North Asia. Over time, the idea of Muslims living there reign expanded, but perceived them. The situation changed when the part of the Turkish elite appeared (and still exists) the idea of unification of Muslims into an independent political entity, where the idea of “great Turkistan (great Turan) is based on three “pillars”: tjurkizacii, Islamization and modernization, implying that all Turks are Muslims.

The view is definitely wrong. In this regard, is the fate of the Islamic religion and its followers in one of the Eastern constituent entities of the Russian Federation-Republic of khakassia, where Khakas (tadarlar/minusinskie, abakanskie, achinskie Tatars/yenisei Kirghiz) were long tengrism, but in the 19th century forcibly converted to orthodoxy.

The authos use a variety of sources. They come to the conclusion that at the present stage formed local institutions of the Umma. At the same time transforming religious and ethnocultural identity. Offers recommendations to prevent extremism.

Keywords: Islam in Khakassia, problem of progress umma.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–09

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра Тюменского государственного университета, Тюмень (Россия). Адрес для контактов: ayarkov@rambler.ru

Хакасия — в прошлом достаточно однородный в этническом и конфессиональном отношении регион. И всё же, несмотря на сложные природно-климатические условия, здесь всегда проходил оживленный диалог культур. Это не только место их встречи, но и оригинальное социальное пространство. Более того, существенные параметры идентичности сегодняшних жителей Хакасии следует искать в диалектическом единстве прошлого и настоящего, непрерывности развития региона и взаимодействия (целостной интерпретации истории). Как замечал философ К. Леонтьев — только там, где соседствуют различные типы мировоззрений, духовных, эстетических и национальных традиций, возникает «цветение культур», а однообразные социумы обречены на застой и увядание.

В 2010-е гг. жители Хакасии столкнулись с исламским радикализмом, о чём в других регионах страны и мира уже имелось представление. И, напротив, эта республика стала во мнении некоторых СМИ восприниматься как зона «нестабильности». Истоки этого ошибочного подхода — единичные факты (конфликт в местах отбытия наказания и осуждения экстремистов) абсолютизируются, а хакасов, коренное население, в массовом сознании как тюрков идентифицируют с мусульманами.

Заблуждения иногда накладывают отпечаток и на представления о прошлом. Так, по мнению Н. И. Шульженко, в составе 13, 14, 15 и 16-го Сибирских линейных батальонов, входивших в состав Сибирского стрелкового корпуса (которые только за период «1857 и 1858 годах построили сначала от Усть-Стрелки до Хинганского ущелья, а потом до самых низовий Амура и по правому берегу Усури десятки населенных пунктов»), было много «исламизированных народов». Высказанное Шульженко мнение, что среди них были и «енисейские киргизы» [Шульженко, 2009: 24], сомнительно. Во-первых, потому, что аборигенов и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока вообще в армию не призывали (в 1822 г. закреплено освобождение от рекрутства сибирских «инородцев»). Во-вторых, «енисейские киргизы» (с 1917 г. — хакасы) являлись поклонниками тенгрианства и шаманизма, а затем и православными, но не исповедовали ислам.

Сами хакасы, за редким исключением, и ныне не принадлежат к адептам этой религии, но в силу ряда обстоятельств с исламской культурой соприкасались. Самый яркий пример — Н. Ф. Катанов¹⁹. Мы же в контексте основного направления данной статьи остановимся на его материалах из вышедшего в 1893–1918 гг. Ежегодника Тобольского губернского музея (ЕТГМ). Там Катановым опубликованы важнейшие источники по истории ислама в Северной Азии. Он ввёл в научный оборот два выдающихся арабографических тюркских текста — шажара / сачара, известные под общим названием «Шейх Баховуддин шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлари». Но опубликованный в ЕТГМ перевод Катановым названия — «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири» не точен и по смыслу: абори-

¹⁹ Николай Фёдорович Катанов (06.05.1862, с. Уюм Минусинского округа — 10.05.1922, Казань) — российский тюрколог-лингвист, ученик В. В. Радлова. После окончания гимназии в Красноярске поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков. В 1889–1892 гг. по заданию Академии наук и Российского географического общества изучал культуру тюрков в Сибири, Северной Монголии, Джунгарии и Китайском Туркестане. Собранный материал проанализирован в его магистерской диссертации (1893). Выступал цензором литературы, в том числе исламской, на тюркских языках.

генное и коренное население издавна жило на этой территории, где, естественно, иноземцами быть не могло.

Очевидно, в этом социониме переходного типа отразилось отношение к «другим», отстоящим от «писателей» — очевидцев не только временем, но и пространствами. Л. З. Копелев вообще подметил необычайную устойчивость исторически сложившихся представлений о некоторых этносах и культурах, что коренятся в предрассудках и инстинкте недоверия к «чужим» — иностранцам, «инородцам», «иноверцам» [Копелев, 1994: 11].

Не умаляя значения публикации Н. Ф. Катанова, заметим: тексты «Шейх Баховуддин шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлари» лишены развёрнутого комментария. Более того, содержащиеся там факты исторически сомнительны, как и многие имена. Объяснение таково: там размещены субъективные и не систематизированные сведения о местах захоронений авлия (реальных или вымышленных первых миссионеров), «связав» их датой — 1394/1395 г. Катанов не смог критично оценить источник.

Исследователи начала XXI в. в большинстве своём уже склонны считать эту дату условной. К тому же сакральные числа («366 шейхов и 1 700 воинов») соотносятся с легендами других регионов. Столь же легендарно, что 797 г. «стал годом начала всеобщего согласия с исламом», поскольку перед походом (по легенде) Багауддин дал установку шейхам: «Все они были татары, поклонявшиеся куклам. Теперь вам мое приказание: приглашайте их к исповеданию ислама. Если они вашего приглашения не примут, то учините с ними великую войну за веру!». Там же сказано: «В больших исторических книгах я видел, что когда повелитель правоверный Алий (зять пророка Мухаммеда, правивший в 656–661 г. от Рождества Христова. — А. Я.) отправился и, проникнув через Индостан, насадил ислам в странах Чин и Мачин (т. е. в Китае. — А. Я.), одну половину Китая обратил в ислам, а на другую наложил дань. Но некоторые возмутились и бежали в страны Тарган-хана [хана дворянского происхождения. — прим. Н. Ф. Катанова] и, спасаясь от меча повелителя правоверных господина Алиа, прибежали к реке, известной у тюрков именем Иртыш (по-таджикски — Аби-Джарус / Джирс). Там имели кочевья хотаны, ногаи, кара-кыпчаки, которые также не имели своей веры. Все они были татары, поклонявшиеся куклам (т. е. идолам. — А. Я.)» [Катанов, 1904: 19–20].

Доверять этой датировке, как и истории похода мусульман в сторону Китая, проблематично, поскольку известная по источникам попытка наместника Хорасана Ашрас б. Абдаллаха ас-Сулами обратить среднеазиатское население в ислам относится к 728 г. Этот год можно считать изначальной датой распространения ислама в Средней Азии, а её окончательное присоединение к халифату — к годам правления Насра ибн Сейяра (738–748) [Байпаков, 1994: 16]. Естественно, что ранее этого периода ислам не мог проникнуть в Сибирь.

Это пространство претерпело «волны» больших и малых военных действий. Но использование термина «религиозная война» в работе Н. Ф. Катанова неправомерно с точки зрения исламских догм: в Коране «религиозная война» трактуется как оборонительная, а насильственное обращение в ислам запрещено. Это противоречит установке ислама: «Нет принуждения в религии» [Коран]. К тому же коренные жители сами обorongались, тогда как первые миссионеры и сопровождающие их воины устроили здесь «сражение за веру».

Имеется больше оснований для подтверждения мирных контактов жителей Северной Азии с мусульманами и, возможно, первых индивидуальных попыток миссионерства, происходивших от знания об общей природе ислама, который требует от своих адептов повсеместно говорить об истинной вере через призыв — даваат.

Проходивший через Хакасско-Минусинскую котловину Великий шёлковый путь стал первым импульсом для распространения идей и предметов, несущих отпечаток исламской культуры. Купцы демонстрировали успешность развития ремесел и переход к новым технологиям, идеологически обеспеченные исламом, который в тот период своего развития поощрял новации. Абу Сайид Абд ал-Хайа ибн аз-Заххака ибн Махмуд-Гардизи писал (предполагается, он опирался на «Китаб Худуд ал-алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» и др.), что «из страны арабов Даши [таджиков?] к кыргызам [енисейским] каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных вышитыми золотом шёлковыми тканями» [Евтюхова, Киселёв, 1940: 25]. Это наиболее раннее письменно зафиксированное свидетельство о торговых контактах пришлых мусульман с предками современных хакасов — первом уровне диалога культур.

Енисейские и тяньшанские кыргызы генетически и лингвистически родственны друг другу, в преданиях сохраняя память о своей общей прародине [Супруненко], тогда как в китайских источниках сведения о тех и других более чем скромны, что, очевидно, является отражением традиционной китаецентристской модели мировосприятия.

Свидетельство обширных культурных контактов с исламской «составной» культурой сохранилось в соседнем регионе: один из самых восточных памятников ислама в мире расположен на берегу реки Хемчик в Республике Тыва — это кладбище Саадак-Терек. В 1991 г. там обнаружен кайрак «Умара б. Мухаммада б. «Али ал-Балхи — местного имама и смотрителя за могилой «святого» сайида Рашид ад-Дина. Надпись выполнена на фарси и датирована джумада ал-ахира 590 г. х. (май-июнь 1194 г.). Проанализировав сам объект, так и трассы, ведущие к нему, Л. Р. Кызласов написал: «...скорее всего, этот могильник был кладбищем торговой фактории мусульманских купцов, избравших долину Хемчика для своего поселения, которое играло роль перевалочного пункта. Для этих целей именно долина Хемчика представляет наибольшие удобства, ибо в ней скрещиваются древние караванные пути в Северо-Западную Монголию, на Алтай и в Хакасско-Минусинскую котловину» [Кызласов, 1984: 115].

Активной была деятельность среднеазиатских купцов, которые, судя по источникам XIII–XIV вв., скупали у местного населения меха ценных пушных зверей и лучших кречетов для распространённой тогда (но в разных регионах Евразии) соколиной охоты. Таким путём на территорию обитания кочевников (со временем консолидированных в хакасов) попадали предметы среднеазиатского и иранского происхождения. Это в первую очередь монеты, среди которых редкая, найденная на р. Иджим — левом притоке Уса — крупная серебряная монета — медаль гулагидского чекана 1320 г. из города Йезда, подаренная Г. П. Сафьяновым в 1875 г. Минусинскому музею.

Хотя по территории Хакасии проходили миссионеры, население не восприняло ислам и, более того, даже не зафиксировало легенд о них. Ассимиляционные процессы могли бы перекрыть прежние вероубеждения, но этого не произошло. Возможно, это связано с тем, что оказались сильны традиции тенгрианства и шаманизма. Более того, в составе кызыльцев — одного из этноэлементов хакасов, есть ассимилированные груп-

пы, находившиеся ранее в подчинении Сибирского ханства, и казахов-аргынов, осевших в Алтысарском Улусе в XVI в. (или в начале XVII в.). Некоторые ученые полагают, что это те группы сибирских тюрок (скорее всего, обращенные в ислам), что после поражения Кучума продвинулись на восток, вошли в состав алтайцев и хакасов [Томилов, 1981: 60, 90; Дульзон, 1959: 122]. Впрочем, имеются и возражения против этой версии, основанные на том, что археологические памятники не подтверждают появление в этой местности каких-либо групп предков современных сибирских татар.

В составе томских отрядов купцы-бухарцы приходили на эту землю для обмена товаров на пушнину. Не все из находящихся в статусе служилых татар — мусульмане, но когда-то им был и томский казак Васка Новокрещон, который в 1624 г. активно продвигал интересы России в порубежной Кийской волости. С. У. Ремезов в «Хорографической чертежной карте» («Книге, глаголемой Хорография») пунктиром показал разграничительную линию с местами, где кочуют «киргизы горные мужики» [Гольденберг, 1990: 183, 331], отделяя их от других тюрок, в том числе принявших ислам.

По мнению ряда ученых, XVII в. характеризуется мощным геополитическим продвижением России в Азии которое захватило и территорию Хакасии, куда устремились отряды служилых людей.

Процесс значительно облегчился в XVIII в. фактическим «демонтажом» прежних тюркско-мусульманских «центров силы» и поэтапной интеграцией их разрозненных фрагментов в административно-политическую систему Российской империи [Азиатская..., 2004: 40], затронув и хакасские роды. Это осуществлялось разными способами, не всегда приводившими к утрате идентичности. И более того, при осуществлении функций Сибирского тракта стала поощряться роль служилых татар, а также тех групп сибирских тюрок, которые после оседания приобщились к исламу, этноопределились.

Центрами управления и местом расположения гарнизонов (где в качестве толмачей, предполагаем, находились и служилые татары) стали Абаканский (Краснотуранский), Ачинский и Саянский остроги. В последнем из них («который татары называли Омай-Тура») с помощью кого-то из владевших арабской письменностью Д. Г. Мессершмидт в 1722 г. познакомился с рукописью «Шаджара-йи тюрк» [Бустанов, 2013: 20]. Это одна копий рукописи Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603–1664). Её оригинал привезен из города Туркестана, что свидетельствует о поддержке культурных связей бухарцами, торговавшими по всему пространству Северной Азии.

Трудно вычленить месторасположение (современная территория Хакасии находилась в составе Минусинского и Ачинского округов, а до начала 1990-х гг. — Красноярского края), но известно, что в Минусинской котловине размещали бывших участников «башкирских» восстаний. Эти «путешественники поневоле» (среди которых были не только башкиры) не имели возможности свободно исповедовать свою религию. Но без сомнения, никто не мог препятствовать им совершать намаз индивидуально.

И лишь спустя время здесь свободно обосновались на постоянное жительство мусульмане. Дело в том, что с середины XIX в. сюда стали переезжать жители Казанской и Уфимской губерний, работавшие, например, на Абаканском железнорудном месторождении. Позже они закрепились на Черногорских каменноугольных копях Минусинского уезда. При отсутствии в поселке молитвенного дома они приезжали в мечеть Минусинска, где имамом служил Кучумов, удостоенный в 1913 г. звания хатыба.

Гражданская война заносила на эту территорию многих беженцев и военнотружущих из мусульман, но их присутствие было фрагментарным, поэтому изменений в структуру складывающейся (и по-прежнему неформализованной) уммы это не принесло.

Впрочем, и при численном увеличении с 1930-х гг. принадлежавших к исламу по убеждениям сосланных или вольнонаёмных, например, на Саралинские рудники или рудник «Коммунар», общины не возникло — развернувшаяся антирелигиозная пропаганда диктовала скрытность в исповедании веры. Её фактически можно было обнаружить лишь после смерти — на местных кладбищах появились участки для мусульман. Но в условиях совместной трудовой деятельности на опасных предприятиях нередко и смерть была коллективной, а оставшиеся под лавой шахтеры (как, например, в Черногорске в 1931 г.) удостоивались общего памятника, не имевшего конфессиональной характеристики. У родственников не было возможности похоронить их по шариату.

Татары — основные носители исламской идентичности (в различной степени) — в 1939 г. составляли всего 0,8% от общего состава населения Хакасской автономной области. Духовная жизнь сохранивших приверженность религии предков капсулировалась на уровне нравственных установок, семейных преданий и бытовых традиций.

Самоидентификация мусульман определялась: политическими событиями и личным «ответом» (рефлексией) на них; состоянием и устремлением общества («закрытым» — традиционным или «открытым»); этнокультурным окружением; местом проявления идентичности (место работы или учёбы, мечеть, мероприятия национально-культурной автономии); межэтническими браками и межпоколенным разрывом; уровнем толерантности в социуме и СМИ. К тому же на рубеже 1980–1990-х гг. наступил период открытой легализации (реставрации) этнических и религиозных ценностей, которые иногда воспринимались (и воспринимаются) синонимично.

Упразднение ограничений в правах вызвало сложные процессы. Так, стремление к обретению духовной и социальной стабильности привело атеистов к религии предков (в том числе к исламу), либо в новые конфессии. Число верующих стремительно росло. Часть из них оказалась в Хакасии в ходе миграции (вынужденной, внешней, внешней трудовой, незаконной и внутренней) людей, воспитанных на «мусульманских» территориях: а) из соседних регионов; б) бывших союзных республик; в) других субъектов РФ. В результате начали формироваться крупные группы мигрантов, меняющие культурный ландшафт и самооценку, поскольку иные попадают в пространство Восточной Сибири, где доминируют не религиозные, а либеральные ценности.

Интерес к исламу проявился в неожиданном контексте. На закате СССР отдельные активисты хакасского движения «Тун» пытались рассматривать ислам в качестве основы «для морального и экономического подъёма коренного тюркского народа [Самушкина, 2009: 7]. Не уникальна для того периода повсеместного возрождения этнического самосознания попытка доказать, что все тюрки — единая нация, имеющая общую прародину — Туран, а их диалекты и наречия — суть единого тюркского языка.

Тем не менее в Хакасии (преимущественно среди элиты) укрепилась идея, что пантюркизм и панисламизм взаимосвязаны. Трагичнее в той ситуации было усиление опасных тенденций в призывах, например, к архаизации этнокультур, сакрализации прошлого. Это становилось для иных активистов аргументом в политических дискуссиях

ях о будущем страны и региона. Более того, отсутствие исторических познаний и популистская риторика приводили к распространению этой идеи среди части хакасской молодёжи. К счастью, ненадолго.

С научных позиций объяснимо, что часть верующих (особенно из неофитов) привлекла в исламе патриархальность устоев как альтернатива «современной бездуховной цивилизации».

Тем же из жителей республики, чьи предки исповедовали ислам, «постатеистическая» ситуация напомнила об утраченном (социокультурная травма). На этом фоне более логично и естественно, что не хакасы из неофитов, а внешние мигранты стали инициаторами появления первого прихода. К тому же не только для хакасов, но и для казахов, киргизов, узбеков Хакасия — историческая прародина (там существовал Великий Кыргызский каганат). Другой вопрос, какие ценности принесли на эту прародину её «повзрослевшие сыновья».

Любая община — симбиоз многих тенденций, но воля (устремления) актива и харизма (и личные пристрастия) лидера способны направить энергию масс в иные русла (иногда весьма неожиданные). Мигрант из Узбекистана Д. Насруллаев²⁰ вспоминал: «Когда мы ещё в советские времена основали общину, нас было 7–8 чел.» [Насруллаев]. Именно он в начале 1990-х гг. стоял у истоков абаканского прихода, найдя помещение. В 1999 г. Насруллаев уже избран мухтасибом Саянского казыята Духовного управления мусульман азиатской части России (ДУМ АЧР), пытаясь объединить под своим началом общины Черногорска, Кызыла (Республика Тыва) и Минусинска (Красноярский край).

Община в республиканском центре окрепла. И в 2006 г. мэрия Абакана выделила участок 750 м² под мечеть, а председателем местной организации был избран Х. Хамракулов. Эта организация в 2009 г. вошла в состав Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ), а председателем организации «Махалля г. Абакан» стал Д. Д. Хушваков²¹. С 2011 г. в республиканской столице начали строить мечеть.

Ныне, по данным экспертов, около 1% населения Хакасии по происхождению связано с исламом, а практикующих эту религию постоянно существенно меньше. Одна из самых больших групп этносов, исторически принадлежавших к исламу, — татары (это самая значимая группа в умме Хакасии): в 2010 г. — 3 095 чел., но не все из них религиозны. А те, что относятся к активно верующим, в большинстве своём не разделяют экстремистских взглядов, поскольку исповедуемые россиянами в течение столетий нормы традиционного (адатного) ислама не приемлют радикальных способов решения и самых острых вопросов социального бытия [Ярков, 2017: 149].

Понятия «традиционный ислам» и «ваххабизм» вошли в оборот верующих, которые не всегда верно их классифицировали, тем самым ещё более (нежели в административ-

²⁰ Насруллаев Джунайдулло родился 4 июня 1949 г. в Хаймарском сельсовете Самаркандского района Узбекской ССР. После окончания школы и Самаркандского пищевого техникума работал на консервном заводе города Шахриязьбс. В 1970-х гг. переехал в Абакан, где в 1987 г. создал кооператив «Национальная кухня». В начале 1990-х гг. образовал первую в Хакасии мусульманскую общину. Является создателем и первым председателем таджикско-узбекского культурного центра «Согдиана», членом правления МРО «Махалля г. Абакан». Автор книги «Уроки университета жизни».

²¹ Хушваков Дилмурад Дехканбаевич родился 30 июня 1973 г. в с. Нариман Карасульского района Ошской области Киргизской ССР. После окончания школы и техникума работал на предприятиях пищевой промышленности Ошской области. С 2000 г. проживал в Хакасии, занимался предпринимательством. Основы ислама осваивал самостоятельно.

ном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога — одна из причин её затяжного кризиса. Между тем как основополагающий признак современного культурного пространства — именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

В 2015 г. появилась первая молельная комната в одном из местных учреждений УФСИН — в 35-й исправительной колонии. Туда стали направлять осуждённых в других субъектах РФ. С одной стороны, свобода исповедовать религию (как и не исповедовать никакую) — конституционное право, действующее и в несвободе. С другой стороны, при слабости подготовки сотрудников воспитательной части в конфессиональных вопросах это приводит к появлению «тюремных джамаатов» с непредсказуемым результатом. Структура этих джамаатов (в отличие от общин на «воле») состоит из выходцев из стран ближнего зарубежья и граждан России, осуждённых за экстремизм и терроризм.

Между тем во многих приходах Восточной Сибири и Дальнего Востока накоплен опыт работы (в том числе профилактической) в местах отбытия наказания. Там созданы условия для верующих (в системе УФСИН РФ насчитывается около 300 общин и более 10 тыс. активно верующих мусульман, для которых построены около 60 мечетей и молельных комнат), но это не решает всех вопросов противодействия экстремизму.

Но важно принять во внимание, что в то же время места отбытия наказания стали базой для обращения в ислам неопитов с ориентацией на салафизм и другие радикальные течения. 25 июня 2016 г. более 200 заключенных подняли бунт в колонии Абакана. Как показало дальнейшее разбирательство, зачинщиками бунта были заключенные, потребовавшие изменить режим отбытия наказания. Противоправная акция была нейтрализована, инициаторы вновь осуждены.

Есть опасные симптомы радикализации уммы и за пределами учреждений УФСИН. В результате усилий правоохранительных органов и здравомыслящих мусульман арестованы пытавшиеся проповедовать абсолютное превосходство членов «Таблиги Джамаат» над другими людьми (в том числе единоверцами). Специально переехавшие из Красноярска С. Турганбаев и М. Абытов осуждены в 2011 г. по статье 282.2 УК РФ. Противодействуя радикальному экстремизму, Абаканский городской суд осудил гражданина Узбекистана, который намеревался присоединиться к запрещённой в Российской Федерации организации ДАИШ.

Судя по результатам исследований [Боргояков, 2015: 53], население оценивает ситуацию в республике как стабильную, хотя 39% ощущают скрытую напряженность в межнациональных отношениях. Религиозный фактор там не обозначен, но его наличие предполагается. Для улучшения же ситуации предлагается:

- 1) постоянный мониторинг ситуации в сфере государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений;
- 2) просвещение верующих (собственных и приезжих) и всех жителей Хакасии об особенностях исторического пути, пройденного местными мусульманами;
- 3) непрерывный диалог с разными частями уммы в дискуссиях о бытовом применении норм адата и шариата, тем более в условиях светского государства;
- 4) изоляция, особенно в местах исполнения наказания, сторонников радикализма от остальной массы заключенных;

- 5) развенчание экстремистских идей через пропаганду умеренного ислама, зарождающая у сторонников идеологии и практики ДАИШ сомнения в законности идей и деяний;
- 6) противодействие идеологии экстремизма и терроризма в учебных заведениях и физкультурно-спортивных организациях, в том числе через переподготовку преподавателей и тренеров.

Активно обсуждаемая в России тема духовной безопасности имеет два основных вектора: первый — изобрести некую общегосударственную идеологию, способную объединить разновекторный социум; второй — придать государственный статус традиционным конфессиям. При этом, очевидно, забывают об атеистах, равно как и игнорируют основополагающие положения Конституции РФ о том, что ни одна из идеологий не может иметь приоритетов. Между тем в России и в мире уже различать рациональное и иррациональное неверие, теоретический и практический атеизм ученые научились еще в XIX в.

Есть ещё одна общесознаваемая опасность XXI в. — рост радикализма, особенно среди тех, кто неправомерно использует религию для достижения своих целей. Акции 2017 г., проведенные сторонниками «Христианского государства» в Екатеринбурге или в Мьянме радикалами от буддизма, показали, что экстремизм «произрастает» не от одного исламского радикализма. Но на примере последнего можно четко проследить «возможные сценарии» развития, если все вместе: ученые и верующие, политики и активные участники социальных сетей — не начнут противодействовать очередному «вызову» времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. / Алексеев В. В. [и др.]. М. : Наука, 2004. 599 с.

Байпаков К. М. Распространение ислама в Южном Казахстане и Семиречье // Ислам, общество и культура : материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (к 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994. С. 16–17.

Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М. : Изд. дом Марджани, 2013. 264 с.

Гольденберг Л. А. Изограф земли сибирской: жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1990. 391 с.

Дульзон А. П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. Вып. VII. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1959. С. 93–102.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-Тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея : сборник статей по археологии СССР. Вып. 11. М., 1940. С. 21–54.

Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 15. Тобольск, 1904. С. 3–28.

Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 8–18.

Коран, 2:256.

Кызласов Л. Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // *Западная Сибирь в эпоху Средневековья : сборник статей*. Томск, 1984.

Насруллаев Джунайдулло [Электронный ресурс]. URL: <http://dumrf.ru/common/biographies/2519> (дата обращения: 28.06.2018).

Самушкина Е. В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения Республик Алтай, Тыва, Хакасия. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 274 с.

Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Вэй-гун Хойчан Ипинь Цзи» (Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841–846 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/khakas/gpsuprunenkodokumenty_ob_otnosheniyah_kitaya_s_eniseyskimi_kyrgyzami_v_istochnike_ix_veka_li_vey-gun_hoychan_ipin_tszi/ (дата обращения: 28.06.2018).

Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1981. 276 с.

Шульженко Н. В. Исламский фактор в социальных процессах на Дальнем Востоке России : дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2009. 196 с.

REFERENCES

Aziatskaiā Rossiā v geopoliticheskoī i tsivilizatsionnoī dinamike XVI–XX vv. [Asian Russia in geopolitical and cultural dynamics of the 16TH–20th centuries] / Alekseev V. V. [i dr.]. M. : Nauka, 2004. 599 s. (in Russian).

Baіpakov K. M. Rasprostranenie islama v Uzhnom Kazakhstane i Semirech'e [The spread of Islam in South Kazakhstan and Semirechye]. *Islam, obshchestvo i kul'tura: materialy Mezhdunarodnoī nauchnoī konferentsii "Islamskaiā tsivilizatsiā v preddverii XXI v. (K 600-letiiū islama v Sibiri)"*. [Islam, society and culture: the materials of the international scientific conference "Islamic civilization on the threshold of the TWENTY-FIRST century (to the 600-year anniversary of Islam in Siberia)]. Omsk, 1994. S. 16–17 (in Russian).

Bustanov A. K. Knizhnaiā kul'tura sibirskikh musul'man. [Book culture of Siberian Muslims] M. : ID Mardjani, 2013. 230 s. (in Russian).

Dul'zon A. P. Tiūrki Chulyma i ikh otnoshenie k khakasam [Turks and their relation to the June hakasam]. *Uchēnye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iāzyka, literatury, istorii. Vy s. VII* [Scientists note Khakas Research Institute of language, literature, history. V. VII]. Abakan : Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. S. 93–102 (in Russian).

Evtiūkhova L. A., Kiselev S. V. Chaa-Tas u sela Kopeny [Chaa-Tas Kopeny village]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeiā. Vy s. 11: sbornik statei po arkheologii SSSR* [Proceedings of the State Historical Museum. V. 11: a collection of articles on the archaeology of the USSR]. M., 1940. S. 21–54 (in Russian).

Gol'denberg L. A. Izograf zemli sibirskoī: zhizn' i trudy Semena Remezova [Isograph Siberian land: the life and works of Remezov Seeds]. Magadan: Kn. izd-vo, 1990. 391 s. (in Russian).

Katanov N. F. O religioznykh voınakh uchenikov sheikha Bagauddina protiv inozemtsev Zapadnoī Sibiri [The religious wars of the disciples of Sheikh Bagauddina against foreigners,

Western Siberia]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeiā*. Vy s. 15 [Yearbook of the Tobolsk province Museum. ISS. 15]. Tobol'sk, 1904. S. 3–28 (in Russian).

Kopelev L. Z. Chuzhie [Strangers]. *Odissei. Chelovek v istorii. Obraz "drugogo" v kul'ture* [Odysseus. People in history. The image of "the other" in popular culture]. M., 1994. S. 8–18 (in Russian).

Koran, 2:256 (in Russian).

Kyzlasov L. R. Torgovye puti i sviāzi drevnekhakasskogo gosudarstva s Zapadnoi Sibir'iū i Vostochnoi Evropoi [Trade routes and communications drevnekhakasskogo State with Western Siberia and Eastern Europe]. *Zapadnaiā Sibir' v ēpokhu Srednevekov'iā: sbornik statei* [Western Siberia in the middle ages: a collection of articles]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1984. S. 113–117 (in Russian).

Nasrullaev Dzhunaidullo [Nasrullaev Dzhunaidullo]. Available at: <http://www.dumrf.ru/regions/19/biographies/2519> (accessed Juni 26, 2018) (in Russian).

Potapov L. P. Ėtnicheskiĭ sostav i proiskhozhdenie altaitsēv: istoriko-ētnograficheskiĭ ocherk [The ethnic composition and origin of altaians: historical-ethnographic essay]. L. : Nauka, 1969. 196 s. (in Russian).

Samushkina E. V. Simvolicheskie i sot'sio-normativnye aspekty sovremennogo ētnopoliticheskogo dvizheniā Respublik Altaĭ, Tyva, Khakasiĭ [Symbolic and social-regulatory aspects of the modern political movement of the republics of Altai, Tuva, Khakassia]. Novosibirsk : Izd-vo IAĖT SO RAN, 2009. 274 s. (in Russian).

Shul'zhenko N. V. Islamskiĭ faktor v sot'sial'nykh protsessakh na Dal'nem Vostoke Rossii. Diss rand sotsiolog. nayk [The Islamic factor in social processes in the far east of Russia. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Khabarovsk, 2009. 196 s. (in Russian).

Suprunenko G. P. Dokumenty ob otnosheniĭakh Kitaiā's eniseĭskimi kirgizami v istochnike IX v. "Li Vēi-gun Khoĭchan Ipin" TSzi' (Sobranie sochineniĭ Li Vēi-guna perioda pravleniĭ Khoĭchan, 841–846 gg.) [Documents regarding China's relationship with the Kyrgyz enisejskimi IX source. "Li Wei-Gong Hojchan Ipin Ji" (the collected works of Li Wei-Gong from the reign of Hojchan, 841–846 Gg.) Available at: http://www.kyrgyz.ru/articles/khakas/gpsuprunenkodokumenty_ob_otnosheniyah_kitaya_s_eniseyskimi_kyrgyzami_v_istochnike_ix_veka_li_vey-gun_hoychan_ipin_tszi/ (accessed Juni 26, 2018) (in Russian).

Tomilov N. A. Tiūrkoĭāzychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI — pervoi chetverti XIX v. [Turkic population of the West Siberian Plain in the late 16th-first quarter of the 19th century]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1981. 276 s. (in Russian).

УДК 902:930.2:2 (574.5)

К. М. Байпаков, Г. А. Терновая

Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан)

МАНИХЕЙСКИЙ КОМПЛЕКС ВО ДВОРЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА КУЛАН (VIII В.)

Письменные источники и археологические данные свидетельствуют, что в Средние века культура и духовный мир жителей городов Южного Казахстана и Семиречья были богаты и разнообразны. Этому способствовали исторические события и расположение на трассе Великого шелкового пути. В 2015 и 2017 гг. в результате проведения археологических работ на цитадели городища Луговое (Кулан) были получены уникальные материалы, подтверждающие сведения письменных источников о тюркском манихействе. Дворцовый комплекс датирован VIII в., он принадлежал местному тюркешскому правителю. Из вскрытых помещений особый интерес представляют № 1 и 2. Помещение 2 определено как *тронный зал*. Здесь на стены были нанесены графические изображения людей, животных и птиц, а также узоры черной краской по белому фону. Верхнюю часть занимает орнамент растительного характера. В *помещении 1* открыты две культовые ниши, соединенные фризом-поясом. Изображения выполнены резьбой по сырой глине. В оформлении присутствуют орнаментированные круги, воспроизведения винограда, побега «ислими», зубцов-мерлонов — выступов, завершающих крепостную стену. На фризе пары кругов разделены декоративными колонками-пилястрами. В результате комплексного исследования было установлено, что в декоре воплощены манихейские представления о космологии и эсхатологии — судьбе Вселенной и ее переходе в новое состояние. Смысловое содержание декора согласуется со священными текстами и результатами их исследований.

Ключевые слова: манихейство, тюркешы, Кулан, Семиречье, Средние века, резная глина, искусство, дворцовая и культовая архитектура, религия, культура.

К. М. Байраков, Г. А. Терновaya

Center for the Rapprochement of Cultures under the Aegis of UNESCO, Almaty (Kazakhstan)

MANICHEAN COMPLEX IN THE PALACE OF THE MEDIEVAL TOWN KULAN (VIII C.)

Written sources and archaeological data evidence those in the Middle Ages culture and spiritual life of South Kazakhstan towns' citizens were rich and variable. It was promoted by the historical events and location unique materials approving the evidences of written

sources on the Turkic Manichean study were got during conduction of archaeological works at citadel of Lugovoye (Kulan) site of ancient settlement. The palace complex is dated by the VIII century and it belonged to the local Turgesh ruler. Among the revealed premises especially interesting are the premises № 1 and № 2. Premise 2 is defined as the throne hall. There on the wall were applied graphic pictures of people, animals and birds and also patterns by black color on white background. The upper part occupied by the floral ornamentation. Two cult niches combined by frieze-belt were revealed in the premise 1. Pictures are made by carving on raw clay. Ornamented circles, images of grape, sprout “islmi”, notches — merlons — ledges completing the fortress wall are presented in décor. Semantic contest of décor is conformed to the sacred texts and the results of their researches.

Keywords: Manichaeism, Turgeshes, Kulan, Semirechie, Middle Ages, carved clay, art, palace and cult architecture, religion, culture.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–10

Байпаков Карл Молдахметович, доктор исторических наук, профессор, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, директор Государственного музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: kbaipakov@mail.ru. **Терновая Галина Алексеевна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: galina-ternovaya@yandex.ru

На территории Юго-Западного Жетысу расположены остатки известного средневекового города Кулан. Его упоминали арабские авторы Ибн Хордадбех (IX в.), Кудам и аль-Макдиси (X в.), Ибн аль-Асир и Якут (XII–XIII вв.) [Ибн Хордадбех, 1986: 180–181; Бартольд, 1963: 230; Волин, 1960: 74, 76, 77, 82, 83]. О Кулане было известно уже в первой половине VIII в. Здесь в 739 или 740 г. тюркешским князем Курсулем был убит тюркский каган Ашина Синь. При халифе Мамуне (810 г.) до Кулана доходили арабы [Бартольд, 1963: 249, 260]. С остатками города Кулан отождествляется археологический памятник на окраине села Луговое, расположенного в 120 км к востоку от города Тараз. Археологические изыскания на территории городища Луговое и его округа начались в 1964 г. и дали интересные сведения о хронологии, топографии, характере застройки округа, в частности, о замках и усадьбах VII–X вв. [Байпаков, 1986: 87–88; 1998: 114–115]. В 1986 г. раскопки здесь были возобновлены. Основным объектом исследований стала постройка, названная «Луговое Г». Позднее археологические изыскания проводились также на других объектах, расположенных в округе Кулана.

В 2015 г. [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016] и в 2017 г. были проведены археологические исследования городища на территории цитадели Кулана (40x40 м). В пределах заложеного раскопа прослежены остатки шести помещений, вытянутых по линии северо-восток — юго-запад и обращенных углами по сторонам света с небольшим отклоне-

нием. Стены сложены из сырцовых кирпичей. Из вскрытых и исследованных помещений особый интерес представляют № 1 и № 2, стены которых украшены декором (рис. 1).

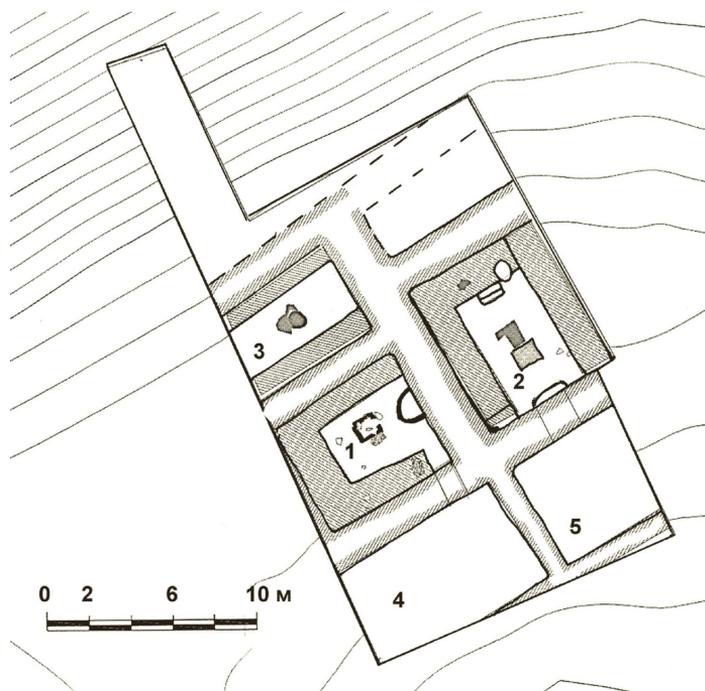

Рис. 1. Раскоп 2015 г. на цитадели Кулана [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016]

Помещение 1 (6,6x5,7 м). Верхний пол помещения находился на глубине 2,65 м от выявленного уровня верха стен. Вдоль северо-западной, юго-западной и юго-восточной стен проходит невысокая суфа, ширина которой у северо-западной стены — 1,2 м, юго-западной — 1,9 м, юго-восточной — 1,2 м. Стены покрыты слоем штукатурки толщиной 2–3 см, сохранившейся на отдельных участках. Вход в помещение расположен в восточном углу юго-восточной стены. Три стены (юго-западная, северо-восточная и северо-западная) украшены резьбой по сырой глине, нанесенной слоем 4 см на выравнивающий слой саманной штукатурки. Панели были окрашены железосодержащей земляной краской — красной охрой.

В центре северо-восточной и юго-западной стен располагались культовые ниши с резными рамами в виде декоративных порталов. От правого края рамы юго-западной ниши до левого края рамы северо-восточной ниши и вдоль всей северо-западной стены проходит декоративный фриз резной глины высотой около 1,1 м, расположенный на высоте 30–35 см от поверхности суф и «поддерживаемый» пятью декоративными глиняными пилястрами.

Портальная рама ниши в центре северо-восточной стены сохранилась на высоту 2,4 м, ширина ее — 2,5 м (см. рис. 2). Верхняя часть рамы разрушена. Вертикальные полосы имеют ширину 0,6 м. В середине вертикальных полос рамы изображены декоративные круги диаметром около 40 см, расположенные один под другим и окруженные побегами «исли-

ми». Внутри основной рамы находится прямоугольная рамка, на нее с двух сторон опираются изогнутые дугой фрагменты арки. По краям они украшены полосой с кружками-перлами. Основная плоскость заполнена растительным узором «ислими».

Рис. 2. Декор северо-восточной стены помещения 1

В центре юго-западной стены расположена ниша глубиной 0,2 м (см. рис. 3). Портальная рама ниши имеет ширину 2,6 м и прослеживается на высоту 2,1 м. От рамы сохранился фрагмент, расположенный справа, — вертикальная резная полоса высотой 1,6 м, шириной 0,5 м. Там, где полоса переходит в тимпан, находится орнаментированный круг диаметром 0,54 м. Ниже изображен круг диаметром 25–26 см в окружении побега «ислими». Еще ниже, на расстоянии 35–37 см, прослеживается верхняя часть еще одного круга. Дугообразная арка ниши опиралась на декоративные колонки. Сохранившаяся колонка наполовину заходит на плоскость декоративной рамы. Капитель сверху имела очертание перевернутой вниз трапеции высотой 20 см. Сохранился фрагмент широкой, наклоненной в левую сторону полосы, покрытой углублениями. Капитель опиралась на основание-подставку в виде двух выступающих и соединенных ребрами прямоугольников. Они обведены рамкой с парой листьев «ислими» внутри. Стелбелки с листьями образуют Х-образные фигуры. Ниже проходит полоса с кружками-перлами. Под ней, судя по фрагментам, тот же узор из Х-образных фигур с листьями «ислими». Внутренняя плоскость ниши на уровне выше колонки декорирована резной сеткой, состоящей из ромбов со сторонами около 8 см. В середине каждого ромба вырезан стилизованный лист винограда с двумя закручивающимися нижними краями.

К листьям снизу прикреплены по две расходящиеся в стороны ножки. На уровне верха колонки узор из ромбов ограничивается горизонтальной полосой. Ниже расположен небольшой кусок резьбы с изображением узких вытянутых ромбов с теми же листьями, но в отличие от описанных выше, они изображены опущенными вниз с парными ножками вверх и в стороны.

Рис. 3. Декор юго-западной стены помещения 1

Рис. 4. Декор северо-западной стены помещения 1

Декоративный фриз, или пояс (см. рис. 4) тянется вдоль трех стен, соединяя две ниши, расположенные одна напротив другой, делится по горизонтали на шесть частей. Самая широкая полоса орнамента составлена из ряда декоративных кругов размером более 30 см. На сохранившихся частях панелей прослеживается закономерность — пары кругов разбиваются вертикальными плоскими колонками — «пилястрами». Членение панелей плоскими колонками встречается в оформлении *помещения 6* на городище Костобе, где колонки имели сферические навершия с антропоморфными признаками [Байпаков, Терновская, 2002; 2002а; 2004; Вахрамов, Терновская, 2005]. В рассматриваемом *помещении 1* круги украшены разными растительными узорами, но в то же время в их оформлении выдержан единый стиль. В пространстве между «пилястрами» и кругами изображены побеги «ислими», трилистники и листья винограда. На северо-восточной стене возле ниши изображены четыре не разделенных «пилястрой» круга. Здесь под фризом-поясом расположена орнаментальная полоса с изображением зубцов-мерлонов — выступов, расположенных в верхней части крепостной стены. Фрагменты этой полосы сохранились также на северо-западной стене.

Ниши с примыкающим на полу закругленным пространством, ограниченным бортиком в виде валика со следами горения, встречаются на раннесредневековых поселениях Согда: Гардани Хисор, Кум, Наврузшах II VII–VIII вв. Там у них меньший размер, чем у северо-восточной ниши в *помещении 1* дворца в Кулане. В оформлении резной двери из дворца Гардани Хисор представлены декоративные элементы, использованные при оформлении кругов глиняного декора *помещения 1* во дворце Кулана [Якубов, 1988: рис. 27,28,38–42; 1996: 11–20, рис. 2–4,6,7,9,13].

Дворцовые комплексы и богатые усадьбы, стены которых украшены резьбой по сырой глине (глубокой и графической), встречаются в Жетысу-Семиречье (Чуйская, Таласская, Илийская долины). Здесь есть фриз, «поддерживаемый» колонками, изображения гроздьев и листьев винограда (Костобе), мотив «ислими» (Луговое Г, городище Антоновское), орнаментальные круги, обрамленные полосой, составленной из кружков перлов (Костобе, Луговое Г) [Байпаков, Терновская, 2002; 2002а; 2004; Вахрамов, Терновская, 2005]. Прослеживается сходство с резьбой по штурку на памятниках Ближнего Востока и Средней Азии.

Помещение 2 (7,7х6,8 м) вытянуто по линии юго-восток — северо-запад [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 53–63]. Стены сохранились на высоту 3–3,5 м, их толщина 1,8–2,1 м. Они были покрыты слоем штукатурки толщиной 3 см, затем выровнены тонким слоем алебаstra. Помещение было определено как *тронный зал*. Проход расположен в центре юго-восточной стены. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены суфы. Их высота 0,55 м и 0,4 м (северо-восточная). Ширина главной северо-западной суфы 1,8 м, остальных — 1,4 м. К центральному (почетному) месту, расположенному в центре северо-западной стены, ведет двуступенчатая лестница шириной 1,0 м. В середине помещения, ближе к входу, устроен подиум подквадратной формы, размерами 1,1х1,05 м, высотой 0,2 м. На стенах этого помещения зафиксированы прочерченные рисунки и нанесенные черной краской по белому алебастровому фону узоры широкой полосой на уровне груди человека. Верхнюю часть полосы занимает орнамент растительного характера в виде завитков и побегов. Отмечены также граффити с изображениями человеческих фигур, животных и птиц. К сожалению, росписи сохранились очень плохо.

Спустя некоторое время после росписей на стены были нанесены граффити в разной авторской манере, которые иногда объединяются в смысловые композиции. По небольшим остаткам краски на юго-западной стене предполагаются портретные изображения супружеской четы правителей, которые первоначально были выполнены краской внутри намеченного контура, а затем немного подновлены (рис. 5). Манера их изображения отличается большей реалистичностью и профессионализмом по сравнению с прочими граффити. Остальные гравировки на этой и других стенах выполнены в стилистике, близкой или идентичной раннетюркским наскальным рисункам. Специфические детали костюма, по мнению С. А. Яценко, подтверждают датировку дворца цитадели Кулана VIII в. При этом все они известны в соседнем Синьцзяне: один — в оазисах Куча (и более ранние — в оазисе Ния) и у поселившихся там в IX в. уйгуров (убор правителя на юго-западной стене) [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 53–63; Яценко, 2013: 593–594].

Рис. 5. Граффити с изображением правителей и воина с юго-западной стены помещения 2 [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016]

Воплощение в декоре манихейской космологии и эсхатологии. Комплексный анализ планировки и оформления помещения, смысловое значение декора позволили связать его с мировоззрением манихейства — синкретического религиозно-философского учения, в основе которого лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Исследователи выделяют в учении Мани разные элементы: гностические, иудейские, зороастрийские, митраистические, буддийские и мотивы древних вавилонских верований. С точки зрения Е. Б. Смагиной, основа манихейского учения была сформирована в результате разработки и переосмысления некоторых христианских (или даже более ранних — гетеродоксальных иудейских) воззрений, отчасти под влиянием греческой философии [Смагина, 2011: 131–132].

С манихейской эсхатологией связано учение о трех временах. По одним свидетельствам, время делится на три больших периода: первоначальное разделение Света и Тьмы (прошлое), их смешение и борьба (прошлое, настоящее и будущее), окончательное разделение Света и Тьмы (будущее). Эта схема присутствует в восточных (иранских, китайских, тюркских) манихейских сочинениях. По другим свидетельствам, три времени манихеев относятся только к среднему периоду смешения. Манихейская доктрина представлена также в трудах христианских ересиологов, в арабских сочинениях, антиманихейской литературе на китайском языке. Ввиду того, что источники написаны на разных языках в разное время, как приверженцами, так и противниками манихейства, в них представлены разные версии манихейского учения, которые часто трудно согласовать друг с другом [Хосроев, 2007: 186–187].

Декор культового помещения дворца Кулана позволяет рассмотреть мировоззрение манихеев, отраженное в изобразительном искусстве, и согласовать смысловое содержание с известными источниками и результатами их исследований [Кефалайа, 1998; Смагина, 2011; Хуастванифт, 2008; Топоров, 1982: 103–105; Виденгрэн, 2001; Зуев, 2002; Хосроев, 2007; Манихейские..., 2011; Чунакова, 2014].

Предположительно три стены в *помещении 1* дворца в Кулане, украшенные резьбой по сырой глине, сопоставимы с манихейскими представлениями о трех стенах стихий, которые созданы Духом живым на основе трех стоков. В манихействе источником идеи сотворения мира из стихий считается апокалиптическая литература. В результате исследования манихейских текстов Е. Б. Смагина пришла к выводу, что три стены стихий отчасти отождествляются с тремя стоками, составляя как бы их продолжение. Внутренняя стена — стена воды, она же море. За ней следует стена тьмы и самая наружная — стена огня. Три стены созданы, чтобы оградить материальный мир от вторжения мрака и не позволить смешению распространиться и скрыть несовершенный мир от эонов света. Три стока предназначены для трех темных стихий — воды, тьмы и огня. Дух живой установил их при творении мира с помощью светлых стихий: воды, света и огня. Очистив тверди от скверны мрака, он смел (вылил) ее в стоки, которые протянул от земли в преисподнюю, сотворив их из трех темных стихий, сметенных с неба. Стоки спускаются в три ямы по краям земного мира. На их основе образуются три стены вокруг мира. После конца мира стоки погибнут в эсхатологическом огне вместе со всей областью смешения [Смагина, 2011: 361–362].

Снаружи стоки окружены четырьмя горными стенами. В коптских текстах упоминаются четыре горы и четыре стены. В «Кефалайа» сообщается об эсхатологических (?) стенах, в которые будет заперт мир перед пожаром. После того, как Свет будет освобожден из Тьмы и доставлен в Новый эон, мир погибнет в Великом пожаре. В «Кефалайа» (105. 24–29) этот Великий пожар назван «вторым ударом» по Тьме. Согласно свидетельству ан-Надима, огонь будет пожирать все до тех пор, пока все частицы Света, которые находятся в материи, не будут освобождены. Этот Великий пожар будет длиться 1468 лет, и такая его продолжительность засвидетельствована в «Кефалайа» (75. 20–23) и «Шапуракане». Это же число называет ан-Надим, оно встречается в одном из апокалиптических сочинений из Наг Хаммади. Приемлемого объяснения этому числу до сих пор не предложено, и на вопрос о том, когда именно наступит Великий пожар, манихеи не имели ответа [Хосроев, 2007: 162; Хуастванифт, 2008: 42–43; Смагина, 2011: 129–130; Манихейские..., 2011: 22].

Две ниши связаны с понятиями о Царстве Света (северо-восточная) и Стране Мрака (юго-западная). Это горизонтальная развертка представлений о верхе и низе. В пространственном отношении у манихеев свет и мрак так ориентированы по отношению друг к другу: свет расположен вверху, а мрак — внизу, так было изначально. Подобные представления отражены и в коптских текстах. В гностических учениях термины «верх» и «низ» употребляются для обозначения совершенного и несовершенного, или злого, миров. «Верх» и «высота» соответствуют понятию «свет», или «страна, царство света», а «низ», или «бездна» — противоположному понятию — «мрак, страна мрака». Материя «восходит», чтобы захватить свет, а боги «нисходят» на битву с силами материи. В коптских текстах содержится мало сведений об ориентации мира по сторонам света, и это относится только к материальному миру. Приход каждого из Апостолов, предшественников Мани, локализован на западе или на востоке. В восточных текстах и в некоторых неманихейских источниках локализация по сторонам света является изначальной: царство света находится на севере, страна мрака — на юге. В пересказах христианских авторов обителью мрака назван юг, а обителью света — все остальные три стороны.

Местоположение рая и ада по сторонам света берет начало в древней вавилонской концепции. Деление по сторонам света встречается в текстах Наг Хаммади. В «Трактате без названия» Праведность создает рай на западе, а древо жизни ставит на севере рая. «Вертикальной» ориентации двух начал (верх — низ) следуют коптские тексты, датируемые более ранним временем, чем турфанские. Е. Б. Смагина предположила, что это и есть изначальное положение Мани, а «горизонтальное» расположение по сторонам света — более поздняя переработка доктрины в духе вавилонской традиции [Смагина, 2011: 324–327].

Две ниши соединены между собой фризом, обозначающим Пояс или мир-космос, созданный божествами-демиургами на основе смешения-хаоса. Пояс охватывает три стены помещения 1 дворца в Кулане, но в основном занимает северо-западную стену, с которой сопоставляется внутренняя стена стихий — стена воды (море). Вода морей и рек — результат смешения светлой водной стихии с темной, в ней заключен элемент Души живой. Область смешения находится на границе света и мрака — высоты и бездны, где пять светлых стихий раздроблены, связаны и смешаны с мраком. На фризе се-

веро-западной стены изображены пять пар орнаментированных кругов, соотносимых по смысловому значению с этим понятием.

В манихейских текстах Душа живая — это пять стихий-огланов Первочеловека, названных: Бог Зефира (tintura tängri), Бог ветра (jil tängri), Бог света (jaruq tängri), Бог воды (suv tängri), Бог огня (ot tängri). Таковы пять сынов, пять воинов, пять одеяний и оружие, посланные Первочеловеком на борьбу со своими антиподами в стране Мрака и Зла: Дымом, Ветром (бурей), Тьмой, Водой (ядом), Огнем (пожаром). В ходе битвы те и другие были взаимно повязаны, они смешались, образовали область Смешения. Светлые стихии остались здесь и пребывают поныне, испытывая печаль и страдание, но продолжая борьбу. В Поясе (мире-космосе) обитают боги Солнца и Луны, а также Судия людских душ [Зуев, 2002: 251, 259–260]. В «Хуастванифт» сообщается: «[воротами] является Божество Солнце и Луна. Для того, чтобы освободить Пять божеств и разделить Свет и Тьму, оно делает полный обход вокруг и освещает четыре стороны (букв. угла) света» [Хуастванифт, 2008: 17]. После того как силы Мрака начали отдавать Свет, смешанный в них, Солнце и Луна стали ходить в небесах, забирая Свет и очищая его. Парное сочетание Солнце-Луна — один из признаков манихейства. Составитель «Кефалайа» уподобляет «тайным зонам» Солнце и Луну, которые сами не являются божествами, а скорее жилищами богов и высших сил в материальном мире. Во многих книгах гностиков повествуется о делении единого божества на эманации — это процесс нисхождения, так как он порождает младшие или низшие небесные силы. Одна «родительская» сущность порождает десять (или двенадцать) эманаций, которые подразделяются на пары-сизигии с именами мужского и женского рода [Смагина, 2011: 230].

Пояс был установлен Духом живым. При его творении вокруг на страже стояли ангелы — эманации Духа живого, некоторые из них так и остались на страже. Пять пилястр, разделяющих фриз-пояс, — это опора и стражи пяти ярусов Пояса — пять сынов Духа живого, которые и называются богами Пояса. Над всеми твердыми стоит Светодержец; в седьмой тверди находится Царь чести, который следит за восхождением Света; Адамант света сторожит архонтов Материи; Царь славы вращает три колеса стихий; Омофор держит землю и тверди. Светодержец, он же великий Строитель, строит Новый эон, куда должен вознестись очищенный Свет. У каждого из пяти сынов Духа живого находятся в подчинении ангелы [Смагина, 2011: 127–128].

Всего на юго-западной и северо-западной стенах было изображено 14 кругов, из которых сохранилось 10. Круги разделены на пары пилястрами. В гл. 10 «Кефалайа», в толковании «молитвы Сифа» (какого-то гностического писания), с Сифовыми «четырнадцатью зонами» отождествляются различные божества материального мира [Kerh I, 42.24–43.21]. Но это толкование, по замечанию Е. Б. Смагиной, не манихейского канона, а чужеродного текста, который составителем трактата воспринимается как результат неполного знания и (или) аллегория. В гностическом «Откровении Адама» говорится о четырнадцати зонах-светочах [Смагина, 2011: 142].

Материальный мир и человеческая душа являются продуктами смешения, отторжение какого-либо из двух субстанций-начал ведет к прекращению их существования. Материальное не есть сам мрак. Это результат творчества мрака и божеств на основе смешанной субстанции [Смагина, 2011: 220].

Все круги, изображенные на фризе-Поясе, обрамлены полосой, составленной из кружков-перлов. Узоры создавались из повторяющихся элементов, но в разных сочетаниях. Композиции внутри кругов представлены в статичном состоянии — покое, или в движении — имитируют вращение. Покой — изначальное состояние гармонии и безмятежности, свойственное Отцу величия и царству Света. Как неотъемлемое свойство светлого начала состояние покоя чуждо беспокойному и агрессивному началу Мрака. Об Отце величия говорится, что он «стоит в покое и тайне», об зонах света — что они «установлены в покое и молчании». Среди других эпитетов Верховного Бога: «Бог Истины», «Отец Всего», «Покой вселенной», «Отец Величия, славный Царь, Солнце». У тюркоязычных манихеев он, согласно тексту «Хуастванифт», — *ezrua tngri* («Бог Зурван»). Упоминания имени бога встречается в тексте на среднеперсидском языке, найденном в Восточном Туркестане. Зурван (*zrw'n*) — имя Отца Величия в иранских манихейских текстах (от ср. — перс. имени маздаяснийского божества *Zurwan*) [Манихейские..., 2011]. В текстах, переведенных на иранские языки, имена манихейских богов, первоначально выраженные абстрактными обозначениями: Отец Величия, Первый Человек, Живой Дух и подобными, заменены на зороастрийские (зурванистские): Зурван, Ормазд, Митра; однако буддийское окружение китайских манихеев, переводчиков, заставляло их вносить в текст соответствующие буддийские реалии [Хосроев, 2007: 24,128].

На северо-восточной и северо-западной стенах ниже фриза-Пояса проходит полоса с изображением зубцов-мерлонов крепостной стены. У ересиологов упоминается стена, которую свет воздвиг между собой и мраком после вторжения мрака. Е. Б. Смагина предположила, что в коптских текстах этому элементу мироздания соответствует десятая, верхняя твердь небес материального мира; понятие «стена» здесь применяется к стенам, ограждающим мир Пояса с четырех сторон [Смагина, 2011: 373–374].

Светлые сущности, как-либо соприкоснувшиеся со скверной, лишаются покоя и приходят в состояние угнетения (печали). Покой вновь обретается, когда они возносятся, для некоторых это состояние достижимо только после конца мира. «Обителю покоя» называется Новый эон. Человеческая душа обретает покой при уменьшении над ней власти темного начала. На состояние покоя или волнения рядового верующего влияет положение его планеты и знака зодиака, а также чистота пищи. Полного покоя душа праведника достигает после смерти, навсегда освобождаясь от перерождения. Целиком грешная душа лишается покоя и обрекается на вечную печаль.

Северо-восточная ниша сопоставима с представлениями о Царстве Света. Она находится на «стене огня», следы горения которого обнаружены на поверхности ниши и рядом — на полу в полукруглом пространстве, окаймленном валиком. Из текста «Кефалайя» о светлой стихии огня: «Он — основание [и] подножие той великой страны, он же суждение и лежит ниже всех. Второе место, где он есть, — это Отец, Бог истины, ибо Отец зиждется на своем великом сильном суждении» [Керф I, 181.1–5]. В коптских текстах иногда упоминается «живой огонь» [Смагина, 211: 297–298].

Вертикальные полосы на раме вокруг северо-восточной ниши украшены двенадцатью орнаментированными кругами — по шесть с каждой стороны. Круги обрамлены узкой полосой, составленной из кружков-перлов. Внутри кругов изображены статичные композиции, составленные из переплетения растительных элементов. Своей ста-

тичностью, состоянием покоя они отличаются от воспроизведенных на фризе-Поясе, обозначающем мир смешения, где пары кругов со статичными изображениями чередуются с парами кругов, показанных в движении. По представлениям манихеев, в области света царят единство, гармония, согласие и безмятежность, характеризующиеся понятием «покой». Отец величия, или Бог Отец, властвующий над светом, заключает в себе мудрость, и умные сущности живые, которыми объемлет, а также 12 членов своего света — изобильные богатства собственного царства. При нем пять Слав (Ум, Знание, Рассудок, Мысль, Осмотрительность) и 12 дев, персонифицированных добродетелей (Верховная Власть, Мудрость, Победа, Примирение, Чистота, Истина, Вера, Долготерпение, Прямота, Благодеяние, Справедливость, Свет). Число 12 сакрализовано в манихейской модели мира: 12 дочерей времени, 12 светлых и 12 темных величеств, 12 великих богов, 12 апостолов, 12 элементов света, 12 созвездий, 12 врат, 12 эонов. 12 эонов — это персонифицированные и в то же время пространственно-временные единства, обители светлых божеств [Топоров, 1982: 104]

Юго-западная ниша расположена на «стене тьмы». На плоскости ниши воспроизведены виноградные листья, заключенные внутри ячеек ромбической сетки. Это изображение, вероятно, обозначает, связанные (распятые) частицы Света. В одном из кругов, сохранившихся на раме ниши, вырезан крестообразный элемент в виде четырех заостренных петель. Предположительно — это Крест света, то же самое, что Душа живая: стихии Света, связанные (распятые) в материальной субстанции. Анализируя текст «Кефалайа», Е. Б. Смагина пришла к выводу, что Крестом света обычно именуется часть Души живой, связанная на поверхности земли, тогда как вся Душа живая связана во всем материальном мире. Крест света содержится в растениях, прикрепленных к земле, т. е. «распятых» [Смагина, 2011: 352].

Над вышеупомянутым орнаментированным кругом изображен круг большего размера. Окружность, расположенная ближе к центру, составлена из восьми листьев винограда, а возле обрамляющей полосы из кружков-перлов воспроизведена окружность с двадцатью такими листьями. Согласно Каббале, восьмерка на высоком уровне указывает направление и способы обретения духовности; однако следовать путем, указанным восьмеркой, сможет далеко не каждый. Смысл этого пути — обретение неземного совершенства в земных делах. Число 20 символизирует оживление материи, косных форм, является результатом работы тонкого плана по просветлению плотного. В целом числовое значение композиции показывает грядущие преобразования, переход в новое качество [Подводный, 2012]. На нижней полосе фриза-Пояса находится полоса с изображением виноградных листьев и гроздей, тянущихся от юго-западной ниши в сторону северо-восточной. Они расположены в два ряда, разделены удлинненными петлями, которые подобны петлям, образующим крест в круге на раме ниши. Это полоса символизирует восхождение и очищение освобожденных частиц Света. В манихействе виноград — плод Света. Над воспроизведением винограда изображена полоса с побегом растения «ислими», вьющегося в том же направлении. В арабском орнаменте «ислими» воплощены представления о непрекращающемся развитии зеленого побега, идея непрерывного пути в райский сад. С этим мотивом соотносится представление о пути к Богу.

Понятия о райском саде, очищении души, праведниках и подобном переданы в резном глиняном декоре *помещения 8* загородного дворцового комплекса Луговое Г (IX–

X вв.). Там было восстановлено оформление двух ниш — северо-западной и юго-восточной, расположенных одна напротив другой. В декоре прослежены авестийские представления и влияние ислама. Предположительно эти культовые ниши также относятся к манихейству. В юго-восточной нише, соотносимой по манихейским представлениям с миром материи, было изображено Дерево с крупными листьями и плодами, которые расположены в виде ромбической сетки. Возможно, растения и плоды, так же, как воспроизведенные на плоскости юго-западной ниши во дворце Кулана, символизируют свет, связанный в материальном мире. Внизу располагались две фигурки, которые на основании комплексного исследования были определены как первые люди — Адам и Ева в представлениях иудеев, христиан, манихеев и мусульман [Байпаков, Терновая, 2002а; 2004; Bajpakov, Ternovaja, 2005].

В манихейском учении творцом Адама и Евы является Сакла — глава выкидышей, упавших с неба на землю. Он и его подруга (варианты ее имени в разных источниках: Неврод, Небруэль, Намраэль) сотворили людей, забрав частицы света у всех подвластных им сил. В «Евангелии египтян» Сакла — архангел, а также демиург, провозгласивший себя единым богом. Архангел (или «первоархонт») Сакла во многих гностических текстах выступает в роли властителя низших космических сил [Смагина, 2011: 208–209, 258–261].

Два орнаментированных круга на панелях, поддерживающих купол помещения 8 в Луговом Г, предположительно обозначают небесные светила — Солнце и Луну. В материальном мире непрерывно осуществляется освобождение частиц света, которые поднимаются вверх, к Царству света, а элементы тьмы опускаются в преисподнюю. Разделением стихий ведают божества, обитающие в материальном мире, на Солнце и Луне, где находятся троны главных эманаций Отца Величия. Свет и праведные души с земли поднимаются на Луну, где окончательно избавляются от материального, после чего возносятся к Солнцу, а оттуда попадают в Новый Эон (Света), который заменит этот мир и в котором праведные души обретут вечный покой [Манихейские..., 2011].

Важную роль по распространению манихейства в городах Семиречья сыграли исторические события и Великий шелковый путь. Приобщение к этой религии связано с проповеднической деятельностью согдийских купцов-манихеев из Семиречья, Турфана и Дуньхуана, принесших свою веру в Китай. Согласно сообщению А. Бируни, в XI в. «веру Мани и его учение» исповедовали «большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии» [Бируни, 1957: 213]. Л. Р. Кызласов по результатам раскопок определил манихейские храмы на территории Хакасии (VIII–XI вв.), синхронные памятникам, открытым в Семиречье [Кызласов, 1998; 1999; 2001; 2004].

Авторы публикации с результатами археологических исследований цитадели Кулана предположили, что вскрытые помещения являются частью дворца местного тюркешского правителя [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016]. Связь тюркешей с манихейством допускал Ю. А. Зуев, который отметил, что в древнетюркское время в орбиту манихейских конфессиональных связей было вовлечено большинство тюркских племен. Еще в 657 г. после подавления антитанского восстания Аргу-кагана (ср. тюрк. *ару* «чистый», «истинный») и падения Западного тюркского каганата танский двор предпринял районирование его земель, вследствие чего оказалось два тюркешских племени. На землях первого племени *согэ мохэ* было учреждено управление-тутукство Валу. На зем-

лях второго племени *алиши* было учреждено управление-тутукство Чистой / Белой горы Цзе-шань. Понятия «белый» и «чистый» имеют концептуальное значение в учении Света, основанного Мани. С точки зрения Ю. А. Зуева, термин *созэ* (<sa̅k-kât<saqal) является тюркской передачей манихейского имени *Сакла*. В манихейском вероучении это имя носит творец Адама и Евы. А слово *мохэ* (<mak-aγ < baγa), по мнению автора, восходит к авестийскому *baγa* — «бог». Сочетание «Сакла-бага» имеет значение «Сакла-бог». Оба племени составляли двусоставное объединение, названное в сообщении 651 г. *халач* [Зуев, 2002: 143–145, 259].

О значении манихейства в тюркской среде свидетельствуют сотни малых и больших фрагментов тюркских тестов, датированных VIII–XI вв. Это сочинения различных жанров, переведенных с парфянского, согдийского языков и написанных на уйгурском языке. Рукописи были открыты в начале XX в. в Турфанском оазисе и Дуньхуане [Хосроев, 2007: 67–68].

В колофоне рукописи манихейского сочинения «Книга двух основ», обнаруженной и изданной Ле Коком [Le Coq, 1911], содержится список манихейских обитателей в «стране Аргу». В нем упоминается «Страна десяти стрел» — Западно-Тюркский (Тюркешский каганат), прекративший существование в 766 г. В уйгурском колофоне к проповеди (ТПД 171, МІК III 198) говорится, что он составлен «старым и неумелым» писцом Мар Йишойазд Махистаком во время правления «учителя» Мар Вахман Хвархшеда и правителя чигилей Арслан Иль-Тиргюка Алп Бургучана Алп Таркан-бека в области (золотой) Аргу-Талас с монастырями в городах Кашу, Йеганкент, Орду и Чигилькент. По мнению С. Г. Кляшторного, «Книга двух основ» была переведена на тюркский язык не позднее середины VIII в. и переписана в IX в. Центром манихейской митрополии, где правил делами махистак Мар Ишоязд, назван в колофоне Алтун Аргу Талас-улуш, т. е. древний Тараз, столица «Золотой Аргу». С точки зрения С. Г. Кляшторного, в середине IX в. здесь жил представитель (пашданак) великих тюрков Чигиль-Арслан Иль-Тиргюк Алп-Бургучан Алп-Тархан-бек [Klyashtornyj, 2000: 378; Кляшторный, 2006: 122–123; Лурье, 2013: 223–224].

И. Л. Кызласов, проанализировав наскальные надписи, относящиеся к таласской письменности IX–X вв., пришел к выводу, что они отражают воздействие сибирско-тюркского манихейства и связанного с ним енисейского алфавита [Кызласов, 2005; 2005а; 2010].

О религиозном содержании таласских памятников предполагал Ю. А. Зуев. По его мнению, во втором таласском памятнике говорится о Кара-чоре — носителе «духовной должности», который руководил и заботился об объединении «отуз оглан» (тридцать сыновей-воинов), слушателях манихейской «школы» в тюркской среде в период существования Тюркешского каганата. Время смерти Кара-чора предположительно датируется 720 г. Кара-чор встречается в списке манихейских титулов в колофоне сочинения «Махрнамаг» («Книга гимнов», IX в.), написанном на среднеперсидском языке по заказу уйгурского хана-манихейца. По мнению Ю. А. Зуева, *кара-чор* — это духовная должность, возможно, подобная сирийскому *мар* — «наставник», обладатель которой ведал воспитанием и обучением молодых учеников (слушателей?) в манихейской школе, называвшейся «тугуз оглан» [Зуев, 2002: 200–202].

С манихейством связывались единичные находки и культовые постройки в Таразе и Каялыке [Терновая, 2017]. Археологическое исследование дворца на цитадели Кулана дало уникальные материалы, в которых воплощены манихейские представле-

ния о космологии и эсхатологии — судьбе Вселенной и ее переходе в качественно новое состояние. Уникальные материалы подтверждают сведения письменных источников о распространении манихейства среди тюркских племен [Klyashtornyi, 2000; 2006; Байпаков, Терновая, 2002б; Зуев, 2002; 2004]. Полученные данные являются ценным источником для изучения истории, искусства, дворцово-культовой архитектуры, религиозного мировоззрения и культурных взаимосвязей населения Жетысу-Семиречья в раннем Средневековье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. А. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII в. в цитадели г. Кулана // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 29–66.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начала XIII в.). Алма-Ата : Наука, 1986. 256 с.
- Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы : Ғылым, 1998. 216 с.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК. Серия: Общественные науки. 2002. № 1 (236). С. 219–244.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владельцев средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Серия: Общественные науки. 2002а. № 1 (236). С. 244–268.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Южного Казахстана: сборник статей, посвященный 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Шымкент, 2002б. С. 33–39.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А. Резная глина Жетысу. Алматы: CREDO, 2004. 164 с.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II, ч. 1. М. : Изд-во вост. лит., 1963. С. 169–433.
- Бируни А. Избранные произведения. I: Памятники минувших поколений / пер. и прим. М. А. Салье. Ташкент : Изд. АН Уз ССР, 1957. 487 с.
- Виденгрэн Г. Мани и манихейство / пер. с нем. С. В. Иванова. СПб. : Евразия, 2001. 256 с.
- Волин С. Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. VIII. Алма-Ата, 1960. С. 72–92.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Зуев Ю. А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. Серия общественная. 2004. № 4. С. 26–28.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., комментарии Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
- Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат / пер. и комментарии Е. Б. Смагиной. М. : Восточная литература РАН, 1998. 512 с.

Кляшторный С. Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006. № 1 (252). С. 121–124.

Кызласов И. Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2005. Вып. 1. С. 54–67.

Кызласов И. Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология. 2005а. № 2. С. 46–55.

Кызласов И. Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы : Принт-S, 2010. С. 345–346.

Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1998. № 3. С. 8–35.

Кызласов Л. Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999. № 2. С. 181–206.

Кызласов Л. Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 83–90.

Кызласов Л. Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 5–20.

Лурье П. Б. О следах манихизма в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака (1933–2006). СПб., 2013. С. 219–251.

Манихейские рукописи из Восточного Туркестана: среднеперсидские и парфянские фрагменты / введ., транслитерация, пер., коммент., прил. О. М. Чунаковой; факсимиле рукописей. М. : Восточная литература, 2011. 159 с.

Подводный А. Каббала чисел. М. : Акварин, 2012. 234 с.

Смагина Е. Б. Манихейство по ранним источникам. М. : Восточная литература, 2011. 519 с.

Терновая Г. А. Образный мир манихеев в Семиречье VIII–XIII вв. // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 12–13 июня 2017 г. Алматы : Центр сближения культур: Service Press, 2017. С. 273–297.

Топоров В. Н. Мани // Мифы народов мира. М., 1982. Т. II. С. 103–105.

Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). СПб. : Филолог. фак. СПбГУ, 2007. 480 с.

Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах) / пер. Л. Ю. Тугушевой. СПб. : Нестор-История, 2008. 82 с.

Чунакова О. М. Среднеперсидский манихейский язык: грамматический очерк. СПб. : Филолог. факультет СПбГУ, 2014. 152 с.

Якубов Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). Душанбе : Дониш, 1988. 287 с.

Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе : Дониш, 1996. 198 с., илл.

Яценко С. А. Тюрки: мужской костюм в китайском искусстве // Западный Тюркский каганат : атлас / под ред. А. Досымбаевой, М. Жолдасбекова. Астана : ServicePress, 2013. С. 578–606.

Bajpakov K. M., Ternovaja G. A. Tönerne Architekturornamentik aus Žetyssu // BAND 37–2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. Berlin, 2005. 377–421.

Klyashtornyi S. G. Manichaean monasteries in the Land of Arghu // *Studia Manichaica IV Internationaler Kongreß zum Manichäismus*, Berlin, 14–18 Juli 1997. Berlin, 2000.

Le Coq, von, A. Türkische Manichaica aus Chotscho. I. APAW, Berlin, 1911. 61s.

REFERENCES

Akylbek S. Sh., Smagulov E. A., Iatsenko S. A. Dekorativnoe ubranstvo rezidentsii tiurkskikh pravitelei VIII v. v tsitadeli g. Kulana [The decoration of the residence of the Turkic rulers of the VIII century, in the citadel of the town of Culan]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dnei)* [Cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day)]. Almaty, 2016. S. 29–66 (in Russian).

Baipakov K. M. *Srednevekovaia gorodskaiia kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia (VI — nachala XIII v.)* [Medieval urban culture of Southern Kazakhstan and Semirechye (VI — early XIII c.)]. Alma-Ata : Nauka Kaz SSR, 1986. 256 s. (in Russian).

Baipakov K. M. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti*. Almaty [Medieval cities of Kazakhstan on the Silk road]: Fylym, 1998. 216 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. Arkhitekturnye osobennosti, dekor i kul'tovaia prinalozhnost' nekotorykh pomeshchenii dvortsovogo kompleksa srednekovogo goroda Dzhamak [Architectural features, decor and religious affiliation of some rooms of the Palace complex of the medieval city Dzhamak]. *Izvestiia MON RK, NAN RK* [News of national Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. Ser. obshchest. nauk. Almaty, 2002, № 1 (236). S. 219–244 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. “Paradiz” v zagorodnom dvortsovom komplekse vladetelei srednekovogo Kulana [“Paradise” in a country Palace complex of owners of a medieval Kulan]. *Izvestiia MON RK, NAN RK* [News of national Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. Ser. obshchest. nauk. Almaty, 2002a, № 1 (236). S. 244–268 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. Svedeniia o manikheiskom khrame Kaialyka [Information about Manichaean temple in Kayalyk]. *Kul'turnoe nasledie Iuzhnogo Kazakhstana* [Cultural heritage of Southern Kazakhstan] (sbornik statei, posviashchennyi 80-letiiu Iuzhno-Kazakhstanskogo oblastnogo istoriko-kraevedchesogo muzeia). Shymkent, 2002b. S. 33–39 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Reznaia glina Zhetysu* [Carved clay of Zhetysu]. Almaty: CREDO, 2004. 164 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. *Istoriia kul'turnoi zhizni Turkestana* [History of cultural life of Turkestan]. Soch., t. II, ch. 1. M. : Izd-vo vost. lit., 1963. S. 169–433 (in Russian).

Biruni A. *Izbrannye proizvedeniia. I: Pamiatniki minuvshikh pokolenii. Tashkent* [Selected works. I: Monuments of the past generations (Russ. M. A. Sale)]: Izd. AN Uz SSR, 1957. 487 s. (in Russian).

Videngren G. *Mani i manikheistvo* [Mani and Manichaeism. (Russ. S. V. Ivanov)] / Per. s nem. S. V. Ivanova. SPb. : Evraziia, 2001. 256 s. (in Russian).

Volin S. L. Svedeniia arabskikh istochnikov IX–XVI vv. o doline r. Talas i smezhnykh raionakh [Information Arabic sources of IX–XVI centuries about the valley of the Talas river

and adjacent areas]. *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana* [New materials on ancient and medieval history of Kazakhstan] / Trudy IIAE AN KazSSR. T. VIII. Alma-Ata, 1960. S. 72–92 (in Russian).

Zuev Iu. A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: essays on history and ideology]. Almaty : Daik-Press, 2002. 338 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. Manikheiskoe sviatilishche pod Tarazom [Manichaean sanctuary in the Taraz]. *Izvestiia NAN RK* [News of national Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. Seriiia obshchestvennaia. 2004. № 4. S. 26–28 (in Russian).

Ibn Khordadbekh. *Kniga putei i stran* [The book of ways and countries. (Russ. N. Velikhanova)]. / Perevod s arab., kommentarii N. Velikhanovoi. Baku : Elm, 1986. 428 s. (in Russian).

Kefalaia (“Glavny”). *Koptskii manikheiskii traktat* [Kephalaia (“Chapters”). A Coptic Manichaean treatise. (Russ. E. B. Smagina)] / Perevod i kommentarii E. B. Smaginoi. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1998. 512 s. (in Russian).

Kliashturnyi S. G. Manikheiskie obiteli v strane Argu [Manichaean monastery in the Argu]. *Izvestiia NAN RK* [News of national Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], ser. obshchestv. Nauk. 2006. № 1 (252). S. 121–124 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Prochtenie naskal’nykh runicheskikh nadpisei Kyrgyzstana [Reading rock runic inscriptions of Kyrgyzstan]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and researches on archeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2005. Vy s. 1. S. 54–67 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Talasskie naskal’nye nadpisi [Talas rock inscriptions]. *RA* [Russian archaeology]. 2005a. № 2. S. 46–55 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Prochtenie runicheskoi nadpisi urochishcha Akterek [The reading of runic inscriptions of the tract Akterek]. *Roľ nomadov v formirovanii kul’turnogo naslediiia Kazakhstana* [The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan]. Almaty: Print-S, 2010. S. 345–346 (in Russian).

Kyzlasov L. R. Severnoe manikheistvo i ego rol’ v kul’turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral’noi Azii [Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Ser. 8. Istoriiia. 1998, № 3. S. 8–35 (in Russian).

Kyzlasov L. R. Manikheiskii khram v kotlovine Sorga (Respublika Khakasii) [Manichaean temple in the valley of the Sorg (the Republic of Khakassia)]. *RA* [Russian archaeology], 1999. № 2. S. 181–206 (in Russian).

Kyzlasov L. R. Sibirskoe manikheistvo [Siberian Manichaeism]. *EO* [The ethnographic review]. 2001. № 5. S. 83–90 (in Russian).

Kyzlasov L. R. Istoriko-kul’turnoe vzaimodeistvie iranskikh i tiurkskikh narodov v srednie veka [Historical and cultural interaction of Iranian and Turkic peoples in the middle ages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 2004. № 3. S. 5–20 (in Russian).

Lur’e P. B. O sledakh manikhiizma v Srednei Azii [About the traces of Manicheism in Central Asia]. *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii “Sogdiitsy doma i na chuzhbine”, posviashchennoi pamiatii B. I. Marshaka (1933–2006)* [Sogdians, their predecessors, contemporaries and heirs. Based on the materials of the

conference “Sogdians at home and abroad”, dedicated to the memory of B. I. Marshak (1933–2006)]. SPb., 2013. S. 219–251 (in Russian).

Manikheiskie rukopisi iz Vostochnogo Turkestana: srednepersidskie i parfijskie fragmenty [Manichean manuscripts from East Turkestan: middle Persian and Parthian fragments. (Russ. O. M. Chunakova)] / vved., transliteratsiia, per., komment., pril. O. M. Chunakovo; faksimile rukopisei. M. : Vost. lit., 2011. 159 s. (in Russian).

Podvodnyi A. *Kabbala chisel* [Kabbalah of numbers]. M. : Akvamarin, 2012. 234 s. (in Russian).

Smagina E. B. *Manikheistvo po rannim istochnikam* [Manichaeism according to early sources]. M. : “Vost. lit.” RAN, 2011. 519 s. (in Russian).

Ternovaia G. A. *Obraznyi mir manikheev v Semirech'e VIII–XIII vv.* [The imaginative world of the Manichaeans in Semirechye (VIII–XIII centuries)]. *Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom shelkovom puti. Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 12–13 iyunia 2017 g.* [Religion in Kazakhstan and Central Asia on the Silk road. Materials of the international scientific-practical conference 12–13 June 2017]. Almaty : Tsentr sbliuzheniia kul'tu: Service Rress, 2017. S. 273–297 (in Russian).

Toporov V. N. *Mani* [Mani]. *Mify narodov mira* [Myths of the world]. T. II. M., 1982. S. 103–105 (in Russian).

Khosroev A. L. *Istoriia manikheistva (Prolegomena)* [The history of Manichaeism (Prolegomena)]. SPb. : Fil. fak. SPbGU, 2007. 480 s. (in Russian).

Khuastvanift (Manikheiskoe pokaianie v grekhakh) [Khuastvanift (Manichaeian confession of sins). (Russ. L. Iu. Tugusheva)] / Perv. L. Iu. Tugushevoi. Spb. : Nestor-Istoriia, 2008. 82 s. (in Russian).

Chunakova, O. M. *Srednepersidskii manikheiskii iazyk: grammaticheskii ocherk* [Middle-persian manichaeian language: a grammatical sketch]. SPb. : Filolog. fakul'tet SPbGU, 2014. 152 s. (in Russian).

Iakubov Iu. Ia. *Rannesrednevekove sel'skie poseleniia gornogo Sogda (k probleme stanovleniia feodalizma)* [Early medieval rural settlement mountain Sogd (to the problem of feudalism)]. Dushanbe: Donish, 1988. 287 s. (in Russian).

Iakubov Iu. *Religiia drevnego Sogda* [Religion of ancient Sogdiana]. Dushanbe : Donish, 1996. 198 s. (in Russian).

Iatsenko S. A. *Tiurki: muzhskoi kostium v kitaiskom iskusstve* [Turks: male costume in the Chinese art]. *Zapadni Tiurkskii kaganat. Atlas* [The Western Turkic Khaganate. Atlas] / Pod red. A. Dosymbaevoi, M. Zholdasbekova. Astana : ServicePress, 2013. S. 578–606 (in Russian).

Bajpakov K. M., Ternovaja G. A. *Tönerne Architektuornamentik aus Žetysu* [Clay architectural ornament of Zhetysu] // BAND 37–2005. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran.* Berlin, 2005. S. 377–421 (in German).

Klyashtorny S. G. *Manichaeian monasteries in the Land of Arghu* // *Studia Manichaica IV Internationaler Kongreß zum Manichäismus*, Berlin, 14–18 Juli 1997. Berlin, 2000 (in English).

Le Coq, von, A. *Türkische Manichaica aus Chotscho* [Turkish Manichaica from Chotscho]. I. APAW, Berlin, 1911. 61 s. (in German).

Раздел IV.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 3

П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ²²

Учебная дисциплина «Национальная и гражданская идентичность» преподается студентам направлений Религиоведение и Регионоведение России Алтайского государственного университета. В современном обществе наблюдаются активные процессы глобализации и межкультурного взаимодействия. В этих условиях важнейшей становится проблема идентичности, как на индивидуальном, так и на социальном, этническом, религиозном и других уровнях. Именно формирование самоидентификации может способствовать предотвращению ряда конфликтов, возникающих на почве непонимания иной культурной традиции. Цель преподавания дисциплины заключается в последовательном усвоении знаний проблемного поля идентичности, а также в том, чтобы продемонстрировать возможности позитивной совместимости процессов этнической и гражданской идентификации. Задачи дисциплины: познакомить с историей изучения и теоретическим осмыслением понятия «идентичность»; выявить и охарактеризовать основные виды идентичности; охарактеризовать основные критерии формирования идентичности в российском обществе; рассмотреть проблемные моменты развития идентичности в современной России. Рабочая программа дисциплины включает в себя тематический раздел с краткой характеристикой каждой темы, методические рекомендации для подготовки к семинарам, список рекомендованной литературы учебного и научного характера.

Ключевые слова: учебная дисциплина, теории идентичности, виды идентичности, методология, методика преподавания.

²² Публикация подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6) и при поддержке Фонда Президента РФ по проекту «Положение религиозных общин Западной Сибири в системе государственно-конфессиональных отношений во второй половине XIX–XX вв.» (№ МК-701.2018.6).

P. K. Dashkovskiy, E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

NATIONAL AND CIVIC IDENTITY: THE WORKING PROGRAM OF THE DISCIPLINE

The academic discipline “National and civil identity” is taught to students of religious studies and regional studies of the Altai state university. In modern society, there are active processes of globalization and intercultural interaction. Under these conditions, the most important problem of identity arises at both the individual and social, ethnic, religious and other levels. It is the formation of self-identification that can help to prevent a number of conflicts arising from misunderstanding of another cultural tradition. The purpose of teaching the discipline is to consistently acquire knowledge of the problem field of identity, as well as to demonstrate the possibility of positive compatibility of processes of ethnic and civil identification. Objectives of the course: to acquaint with the history of study and theoretical understanding of the concept of “identity”; to identify and characterize the main types of identity; to characterize the main criteria for the formation of identity in Russian society; to consider the problematic aspects of the development of identity in modern Russia. The working program of the discipline includes a thematic section with a brief description of each topic, guidelines for preparation for seminars, list of recommended educational and scientific literature.

Keywords: academic discipline, identity theory, types of identity, methodology, teaching methods.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–11

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: e-mail: dashkovskiy@fpn-asu.ru
Шершнёва Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: D2703@yandex.ru

1. Организационно-методический отдел

В рамках курса «Национальная и гражданская идентичность» студенты направлений Регионоведение России и Религиоведение смогут познакомиться с актуальными вопросами формирования процесса идентичности на современном этапе в России и мире. Студентам предложено познакомиться с теоретическими основами

формирования понятия «идентичность», а также с различными видами идентичности, присутствующими в современном обществе.

Актуальность курса для студентов направлений Регионоведение России и Религиоведение объясняется несколькими обстоятельствами. В современном обществе наблюдаются активные процессы глобализации и межкультурного взаимодействия. Именно в этих условиях встает важнейшая проблема взаимодействия различных этнических, религиозных и культурных общин. При этом идентичность важна как на индивидуальном, так и социальном, этническом, религиозном и иных уровнях. Именно формирование самоидентификации может способствовать предотвращению ряда конфликтов, возникающих на почве непонимания иной культурной традиции. В рамках дискуссий вокруг процессов идентичности современного общества делается попытка показать позитивную совместимость различных видов идентичности. Данный процесс особенно актуален с точки зрения полиэтничного и поликонфессионального Российского государства, в рамках которого исследователи показывают возможность бесконфликтного существования этнической, религиозной и гражданской идентичностей в условиях одного правового и территориального пространства.

Цель и задачи курса. Цель курса «Национальная и гражданская идентичность» — последовательное усвоение знаний проблемного поля идентичности, а также возможности позитивной совместимости процессов этнической и гражданской идентификации.

Для осуществления указанной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Познакомиться с историей изучения и теоретическим осмыслением понятия «идентичность».
2. Выявить и описать основные виды идентичности.
3. Охарактеризовать основные критерии формирования идентичности в российском обществе.
4. Рассмотреть проблемные моменты развития идентичности в современной России.

В результате изучения дисциплины «Национальная и гражданская идентичность» у студента формируются следующие знания, умения и навыки.

Студент должен знать:

- 1) основные теории идентичности;
- 2) виды, уровни и критерии идентичности;
- 3) основные проблемы, интересы и перспективы развития национальной и гражданской идентичности;
- 4) проблемные моменты в развитии различных видов идентичности в современном обществе;
- 5) историю формирования идентичности на территории России.

Студент должен уметь:

- 1) выявлять факторы, влияющие на формирование и развитие идентичности человека, социальной группы, этноса;
- 2) классифицировать виды идентичности;
- 3) анализировать различные процессы, влияющие на динамику национальной и гражданской идентичности населения России;

- 4) рассматривать разные аспекты идентичности, её мотивы и истоки в контексте меняющейся социально-экономической, политической, культурной, этнической ситуации в стране и мире.

Студент должен владеть:

- теоретическими знаниями в области процессов формирования и развития идентичности;
- способностью оценивать взаимодействие различных видов идентичности в исторической ретроспективе и на современном этапе развития общества.

Курс предполагает лекции, семинарские занятия, а также самостоятельную работу студента, направленную на более углубленное изучение тем, предложенных в рамках данной дисциплины. Курс рассчитан на один семестр и завершается экзаменом.

II. Тематический план курса (направления Регионоведение России, Религиоведение)

Тема	Всего часов	В том числе		
		лекции	семинары	СРС
1	2	3	4	5
Раздел 1. Теоретическое изучение понятия «идентичность»				
Теоретические аспекты изучения идентичности	8	4		4
Виды, уровни, критерии идентичности	6		2	4
Раздел 2. Формирование видов идентичности и их характеристика				
Этническая идентичность	8	2	2	4
Роль языка в этнической идентичности	6		2	4
Национальная идентичность	6	2		4
Становление национальной идентичности в России	8		4	4
Религиозная идентичность	6	2		4
Локальная и региональная идентичность	6		2	4
Идентичность государства	6		2	4
Политическая идентичность	6		2	4
Гражданская идентичность	6		2	4
Проблемы формирования идентичности в современной России	9		2	7
Подготовка к экзамену	27			27
Итого:	108	10	20	78

III. Содержание дисциплины

Тема 1. Теоретические аспекты изучения идентичности

История изучения и теоретическое осмысление понятия «идентичность». Представления об идентичности в психологии, социологии и антропологии. Психологическая трактовка идентичности (З. Фрейд, Э. Эриксон). Социологическая трактовка понятия «идентичность» (Дж. Г. Мид, И. Гофман, П. Бергер, С. Холл, Р. Брубейкер и Ф. Купер). Антропологическая трактовка идентичности. Теоретические позиции в трактовке идентичности (эссенциализм, примордиализм и конструктивизм). Четыре группы теорий

идентичности: психоаналитические теории (З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон), символический интеракционизм (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, А. Халлер), когнитивно-ориентированная психология (Х. Тэджфел, Д. Тернер, К. Левин) и конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман). Понятие «идентичность» согласно П. Рикеру. Осмысление идентичности в работах Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» и Д. Юма «Трактат о человеческой природе». Концепция И. Гофмана «представленности (презентации) Я» в ситуациях повседневной социокультурной жизни А. П. Бергером и Т. Лукманом. Теоретико-методологические позиции в понимании идентичности в социальных науках. Индивидуальное, социальное и культурное понимание понятия «идентичность». Осмысление понятия «идентичность».

Тема 2. Виды, уровни, критерии идентичности

Три вида идентичности И. Гофмана (социальная, личная, Я-идентичность). Бессознательная идентичность. Частичная идентичность. Непосредственная идентичность. Личностная идентичность. Классификация видов идентичности Е. Н. Белой (физиологическая, возрастная, классовая, расовая). Гражданская идентичность. Социокультурная идентичность. Этническая идентичность. Политическая идентичность. Функции идентичности. Основные функции социальной идентичности согласно Н. Л. Ивановой и Т. В. Румянцевой: ориентировочная (поиск своего места в мире); структурная (сохранение определенности, соотношение детерминизма и неопределенности); целевая (приспособление, построение модели поведения); экзистенциальная (прогнозирование, собственный духовный потенциал). Уровни формирования идентичности. Критерии идентичности. Альтернативный подход к определению критериев идентичности (А. Ш. Тхостов). Коллективная (групповая) и индивидуальная идентичность. Особенности политической, социальной, профессиональной идентичности. Постоянная и временная идентичность. Поиски идентичности как фактор модернизации политических и социальных структур. Уровни идентичности личности (общечеловеческий, групповой, индивидуальный). Уровни идентичности по Э. Эриксону (индивидуальный, личный, социальный). Критерий контроля. Самоидентификация по теории М. Куна и Т. Макпартленда («Кто я?»).

Тема 3. Этническая идентичность

История формирования этнографической науки. Основные понятия этнографии (этнос, этногенез, этническая история, этнические признаки, этнический состав, этническая структура, этнические процессы, этнонимы и их виды, эндогамия и экзогамия, материальная и духовная виды культуры, быт и др.). Природа этничности И. Г. Гердера. В. Мюльман, С. М. Широкогоров об этничности. Исследования этничности Н. Глезера и Д. Мойнихена. Теории этноса (Л. Н. Гумилев, В. С. Малахов, Ю. В. Бромлей). Концепция этнической границы Ф. Барта. Понятия «коренная нация», «титутлярная нация», «государственная нация» (К. Хьюбнер). Концепции национализма В. В. Коротеевой. Этническая идентичность согласно теории Г. Г. Шпета. Культурная теория этнической идентичности (Дж. Де Вос).

Основные положения, характеризующие этничность: 1) этничность является термином, который используется для выделения различных групп; 2) этническая группа

основана на общности субъективных представлений, понятий о происхождении, интересах или будущем (или их комбинации); 3) этническая группа не является расой, хотя зачастую группы с этнической организацией рассматриваются некоторыми исследователями именно как расы; 4) в одних случаях этничность может использоваться в качестве политического инструмента, в других — защитной стратегии; 5) этничность может быть важной линией раскола в обществе, хотя она и не связана напрямую с классовыми факторами.

Основные подходы к изучению этнической идентичности: примордиализм, инструментализм, конструктивизм. Исследование этнической идентичности в России. Политизация этничности. Роль этнической идентичности в этнополитической мобилизации. СМИ и этнические сообщества.

Тема 4. Роль языка в этнической идентичности

Роль языка согласно социально-психологической теории М. Лацаруса и Г. Штейнталя. Анализ взаимосвязи языка и психологического склада народа в работах А. А. Потемни. Концепция этнолингвистической жизнеспособности Г. Джайлса. Деление современных многоязычных государств на три группы, предложенное Кеннет Д. МакРэй: 1) преобладающий язык и одно или несколько языковых меньшинств; 2) две или несколько сравнимых по численности групп; 3) крайняя языковая дробность. Языковые мифы. Языковая политика в современном мире.

Понятие «родной язык». Функциональное назначение языка. Языковая ситуация в регионах Российской Федерации. Роль языка в формировании национальной идеологии. Язык как инструмент социальной мобильности. Проблемы языковой асимметрии в российских регионах. Международные документы ЮНЕСКО и Совета Европы по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств (1992 г.). Частные фонды по сохранению исчезающих национальных языков.

Тема 5. Национальная идентичность

Понятие «нация» в историческом контексте. Соотношение понятий «этнос» и «нация». Гражданская нация и этнонация. Инструменты конструирования национальной идентичности. Понятия социальной (коллективной, исторической) памяти. Две формы самосознания, выделенные О. Е. Древым. К. Вердери о понятии «нация». Ю. Хабермас о национальной идентичности. Национальная идея и национальный интерес. Теоретико-методологические подходы к исследованию нации и национализма. Представление о нациях как территориально-политических образованиях. Этногенеалогический и гражданско-территориальный тип нации. М. Хрох, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Л. Гринфелд о природе национализма как политического проекта. Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Р. Суни о дискурсивной природе национализма. Типы национализма по Х. Кону (западный и восточный), Л. Гринфельду (индивидуальный и коллективный). Понятие «национализм» в гражданском и государственном варианте. «Активисты» и «рядовые» участники процессов конструирования национальной идентичности. Формы принадлежности к национальной группе (Д. Кац, Х. Келман, Дж. Мэк, К. Тэрхьюн). Национализм как механизм нациестроительства.

Тема 6. Становление национальной идентичности в России

Становление национальной идентичности в постсоветской России. Соотношение национальной, этнической и религиозной идентичности в современной России. Идея «общероссийской нации» в государственных документах. Концепция государственной национальной политики РФ. Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики РФ». СМИ о национальной идентичности в РФ. Понятие «национальная идея» в России. «Историческая память» как укрепление социальной группы и общества. Проблема «самоидентификации» в меняющемся политическом пространстве. Истоки кризиса идентичности в современной России. Роль политической элиты в формировании национальной идентичности. Двойственность российской идентичности. Бинарный характер русской культуры (Ю. М. Лотман, И. В. Кондаков). Цивилизационная идентичность в контексте культурных трансформаций современной России (Н. А. Хренов, И. Н. Ионов). Национальные движения в республиках РФ. «Межнациональные конфликты» — конфликты культур или интересов. Переписи населения в России и вопросы национальной идентичности.

Тема 7. Религиозная идентичность

Религиозная идентичность как один из типов идентичности. Теоретические подходы и концепции, посвященные изучению религиозной идентичности. Возникновение, развитие и трансформация религиозной идентичности в историческом контексте. Религиозная идентичность в контексте культуры. Типы религиозной идентичности (индивидуальный и групповой). Виды религиозной идентичности (православный, исламский, конфессиональный, этнорелигиозный, культурно-религиозный). Полирелигиозность идентичности. Механизмы и критерии религиозной идентичности. Религиозная идентичность в работах Т. Воропаевой, В. Калач, А. Крылова, Н. Мадей, М. Мариновича, М. Мчедлова, А. Николаевской и др.

Значение религиозной идентичности в молодежной среде. Религиозное многообразие в современной России. Характерные особенности формирования религиозной идентичности в современном обществе (индивидуализм, плюрализм, мозаичность («плавающий» характер религиозной идентичности), прагматизм, разделенность индивидуальной и коллективной религиозной идентичности). Влияние религиозных институтов и их функциональных практик на религиозную идентификацию.

Тема 8. Локальная и региональная идентичность

Региональные и общенациональные ценности. Региональное самосознание. Подходы к изучению регионального самосознания в России (культурологический, политологический, электорально-географический, социологический). Факторы развития региональной идентичности. Проблема «центр — регионы» на уровне идентичности россиян. Региональная идентичность, соотношение с административно-территориальным делением. Анализ региональной идентичности, через призму подхода Р. Брубейка и Ф. Купера. Три методологических подхода к интерпретации понятия «региональная идентичность» — политико-культурный, инструменталистский и социально-конструктивистский.

Понятие «локальность». Локальная идентичность как вид территориальной идентичности. Элементы локальной идентичности (место рождения, ландшафт и климат, значимые историко-культурные события, знаменитые личности, экономическая специализация региона). Символическая политика муниципальных образований как фактор конструирования локальной идентичности. Локальная идентичность в современном российском обществе. Соотношение локальной, региональной и национальной идентичности.

Тема 9. Идентичность государства

Конструктивистская концепция идентичности государства (А. Вендт, Р. Козловски, Ф. Кратоквил, П. Бергер, Т. Лукман). Психологические концепции, объясняющие формирование чувства идентичности у государств (через понятия категоризации, концепции роли, концепции статуса). Классификации идентичностей государства по А. Вендту (коллективная и эгоистическая), П. А. Цыганкову (корпоративная, типовая, ролевая и коллективная), У. Блуму (инструмент внешней политики, внешняя политика как инструмент идентичности государства, переходные идентичности государств). Классификация И. Призела, который выделяет пять типов отношений между идентичностью и внешней политикой государства. Теоретическая модель государственной идентичности. Элементы государственной идентичности (когнитивные, эмоционально-оценочные, нормативно-ценностные и поведенческие).

Роль государственной идентичности в международных отношениях. Виды идентичности в рамках международных отношений (позитивная, негативная, приписываемая, приобретаемая, монокультурная, бикультурная, космополитическая). Национально-государственная идентичность. История формирования понятия. Традиционалистская модель национально-государственной идентичности. Роль государства в традиционалистской модели. Теологическая модель, роль государства в ней. Гражданская модель национально-государственной идентичности. Категории национально-государственной идентичности (язык, символы, религия, идеология, культура, политическое устройство, специфические элементы каждого государства: значимые события, политические лидеры, культурные деятели и др.).

Тема 10. Политическая идентичность

Понятие «политическая идентичность». Политическая идентичность как частный случай социальной идентичности. Теоретические подходы к изучению «политической идентичности». Виды политической идентичности. Типы политической идентичности. Факторы, влияющие на политическую идентичность. Политическая самоидентификация. Политическая культура. Формирование политической идентичности в России. Региональный уровень политической идентичности. Национальная идентичность как одна из разновидностей политической идентичности.

Тема 11. Гражданская идентичность

Гражданская идентичность как компонент социальной идентичности. Структура гражданской идентичности. Анализ гражданской идентичности в работах Т. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, Р. Г. Абдулатипова, Ю. В. Арутюняна, В. А. Ядова и др. Источники гра-

жданской идентичности. Факторы становления гражданской идентичности. Формирование ценностных и эмоциональных компонентов гражданской идентичности. Структура гражданской идентичности: когнитивный, эмоционально-оценочный, ценностно-ориентировочный, деятельностный уровни. Гражданство как политическое и юридическое понятие. Качества гражданственности. Понятие позитивной гражданской идентичности как вектор развития страны. Соотношение гражданской и государственной идентичности. Формирование гражданской идентичности в многонациональном обществе. Роль формирования гражданской идентичности в молодежной среде. Символические характеристики гражданской идентичности.

Тема 12. Проблемы формирования идентичности в современной России

Трансформационные процессы в России и актуальность проблем идентичности. Множественность уровней идентичности. Дифференцированность и неустойчивость российской идентичности. «Позитивная» и «негативная» направленности российской идентичности. Образы и герои, способствующие формированию идентичности в России.

Роль религиозного фактора в формировании российской идентичности. Особенности российской идентификации по государственно-правовому и социокультурному принципу. Кризис культурной и социальной идентичности российского общества. Кризис идентичности. Процесс этнического возрождения в российских регионах и его влияние на становление идентичности. Этнорелигиозное разнообразие как результат стабильности современного общества. Этнокультурный потенциал российских регионов. Этнокультурные организации в России. Миграционные процессы и их влияние на национальную и гражданскую идентичность в Российской Федерации.

IV. Семинары

В процессе работы на семинарских занятиях в учебном курсе «Национальная и гражданская идентичность» студенты последовательно изучают основные терминологические понятия и категории курса, теории идентичности, ее виды и методы изучения. Тематика занятий охватывает основные разделы дисциплины и направлена на самостоятельное изучение научной и учебно-методической литературы по указанным темам. Проведение семинарских занятий способствует формированию основных компетенций обучающихся, развитию навыков работы с научной и учебно-методической литературой, ведению дискуссии, аргументации собственных выводов. Темы семинарских занятий отражают последовательность изучения курса в соответствии с учебной программой.

Цель: Углубленное изучение курса «Национальная и гражданская идентичность», осмысление процессов и тенденций становления идентичности в современном обществе.

Задачи:

1. Привить студенту навык владения понятийным аппаратом в области научного изучения идентичности.

2. Научить выявлять проблемы в области формирования и развития идентичности в исторической ретроспективе и в современном обществе.

3. Показать перспективы развития процессов идентификации в современном мировом пространстве.

4. Охарактеризовать особенности этнической, религиозной и гражданской идентичности населения Российской Федерации.

Семинарское занятие, планируемое в рамках конкретно заданной темы, предполагает ее углубленное изучение и проведение дискуссии в рамках поставленных вопросов. Наряду с вопросами, предложенными для обсуждения в рамках семинарских занятий, планируется подготовка доклада по определенной теме. Доклад оценивается как дополнительное выступление в рамках занятия. Участие обучающегося в семинарском занятии развивает творческий потенциал и навык ведения аналитической и научной работы.

V. Список литературы

Учебная литература

1. Ачкасов В. А. Этнополитология : учебник. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 337с.
2. Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации : учебное пособие. М. : ФОРУМ, 2011. 208 с.
3. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
4. Кортунов С. В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру : учебное пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2009. 376 с.
5. Корягина Н. А., Михайлова Е. В. Социальная психология. Теория и практика : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2016. 492 с.
6. Смирнова А. Г., Киселев И. Ю. Идентичность в меняющемся мире : учебное пособие. Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2002. 300 с.

Научная литература

1. Абросимова К. А. Анализ сущности понятия «гражданская идентичность» // Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты : материалы Международной конф. / отв. ред. З. Н. Мирошник. Пенза ; Решт : Научно-изд. центр «Социосфера», 2014. № 5. С. 42–45.
2. Александрова Е. А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 10–22.
3. Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. Нации и национализм / пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М. : Праксис. 2002. 416 с.
4. Ачкасов В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2013. Вып. 4. С. 71–77
5. Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2 (79). Т. XVIII. С. 181–192.
6. Балич Н. Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества // Социологический альманах. 2015. С. 234–243.
7. Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2009. № 2 (10). Серия 7: Философия. С. 166–171.

8. Безгина Н. В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского гос. ун-та. 2013. № 3. С. 241–249.
9. Белик А. А. Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. М. : Смысл, 2001. 560 с.
10. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. 208 с.
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция: Республика, 2006. 416 с.
12. Борисов Р. В., Акаева Н. Ш. Региональная идентичность в контексте изучения гражданской идентичности в традиционном обществе: теоретико-концептуальный анализ // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 3. С. 13–19.
13. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М. : РОССПЭН, 2012. 263 с.
14. Брубейкер Р. Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
15. Вилкова И. В. К вопросу об определении сущности понятия гражданская идентичность // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386> (дата обращения: 29.09.2017).
16. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 126 с.
17. Герандоков М. Х. Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. 2009. № 2 (28). С. 28–35.
18. Герштейн И. З., Казаков М. А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36–42.
19. Глебова И. И. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в постсоветской России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 5–26.
20. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 458 с.
21. Гречко В. А. А. А. Потенция о роли языка в познании // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2001. № 1. С. 5–15.
22. Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. М. : АРКТИ, 2006. 400 с.
23. Гуревич П. С., Спирина Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М. : Канон+, 2015. 368 с.
24. Даллакян К. С. Этнонация: признаки этнодифференциации // Научный вестник Московского гос. технического ун-та гражданской авиации. № 182. 2012. С. 124–129.
25. Даниленко В. П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. М. : Флинта: Наука, 2009. 272 с.
26. Дзякович Е. В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 24–29.
27. Дробижева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник Российской нации. 2009. Т. 3, № 1. С. 135–144.
28. Евстифеев Р. В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88–95.

29. Ефименко В. Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 250–254.
30. Жаде З. А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. № 2. С. 173–184.
31. Задорожнюк Э. Г. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы. М. : Научная книга, 2006. 147 с.
32. Зайцев И. В. Проблема формирования политической идентичности: опыт социально-психологического исследования // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 40–46
33. Иванова Н. Л., Конева Е. В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности. Ярославль : Аверс Пресс, 2003. 132 с.
34. Иванова Н. Л. Социальная идентичность: теория и практика. М. : СГУ, 2009. 456 с.
35. Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. М. : ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
36. Ионов И. Н. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. М. : Наука, 2007. С. 169–187
37. Истомина А. Г., Лебедев С. И. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) // Научный результат. 2015. № 2. С. 13–21
38. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
39. Корепанов Г. С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1. С. 43–50.
40. Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М. : РГГУ, 1999. 140 с.
41. Кортунув С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М. : Аспект Пресс, 2009. 589 с.
42. Кочетков В. В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
43. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М. : Весь Мир, 2013. 400 с.
44. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М. : Икар, 2012. 306 с.
45. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность // Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 102–105.
46. Кулаков С. В. Проблемы формирования региональной политической идентичности в современной России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1 (14). С. 142–151.
47. Левада Ю. Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 4. С. 7–12.

48. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и гуманитарных исследований. 2016. № 1–3. С. 446–453.
49. Лежнева В. П. Социальная идентичность как феномен: структура, уровни, процесс формирования // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 11. С. 2341–2345 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86497.htm>.
50. Лизогуб С. А. К постановке проблемы исследования региональной идентичности как фактора формирования политической культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 395–397.
51. Малькова В. К. Мобилизация этнических сообществ в современной России: По материалам этнических СМИ. М. : ИЭА РАН, 2011. 209 с.
52. Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М. : Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
53. Николаева А. А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности // Точка зрения. 2011. № 4 (29). С. 67–70.
54. Омарова С. Б. Национальная идентичность и внешняя политика государства // Вестник КазНУ. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://articlekz.com/article/8391>.
55. Орлов И. Б. Национальная идея России в истории мысли // Национальная идея России: монография : в 6 т. М. : Научный эксперт, 2012. Т. 1. С. 59–79.
56. Орлова Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. Т. IV. 2010. С. 87–111.
57. Плотникова О. А. Кризис национальной самоидентификации в современной России // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 13–18.
58. Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.
59. Попова О. В. Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: Политэкс. 2013. № 2. С. 205–219.
60. Поцеруев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. С. 106–159.
61. Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова. СПб. : Диалект, 2005. 59 с.
62. Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сборник научных трудов / отв. ред. О. В. Шиняева. Ульяновск : УлГТУ, 2015. 343 с.
63. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В. А. Тишкова. М. : Наука, 2011. 462 с.
64. Савоску С. С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // ЭО. 2005. № 2. С. 58–73.
65. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
66. Санина А. Г., Павлов А. В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.
67. Семенова Ю. А. Формирование гражданской идентичности в условиях современного российского общества // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 1. С. 104–108.

68. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Практис, 2004. 466 с.
69. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М. : МГИМО-Университет, 2008. 176 с.
70. Тишков В. А. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник российской нации. Спецвыпуск 2008–2016 (№ 51). С. 57–74.
71. Тишков В. А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник российской нации. Спецвыпуск 2008–2016 (№ 51). С. 88–102.
72. Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2011. 232 с.
73. Федан М. А. Гражданская и национальная идентичность: общее особенное // Философия права. 2013. № 4 (59). С. 113–117.
74. Хренов Н. А. Российская цивилизация на рубеже XX–XXI вв.: Цивилизационная идентичность как проблема // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. М. : Наука, 2007. С. 391–407.
75. Черникова В. В. Формирование региональной идентичности в современной России (на примере Воронежской области) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 81–87.
76. Шорохова В. А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 44–61.
77. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
78. Этнический мониторинг переписи населения / под ред. В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2011. 552 с.
79. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М. : Наука, 2012. 651 с.

Интернет-ресурсы

1. Институт социологии РАН — <http://www.isras.ru/>
2. Институт социально-политических исследований — <http://www.ispr.ras.ru/>
3. Личный сайт В. А. Тишкова — http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/obrazy_rossii/starie-i-novie-i.html
4. Экспертная сеть по исследованию идентичности — <http://identityworld.ru/load/>

Темы докладов

1. История формирования понятия «идентичность».
2. Психологический подход изучения понятия «идентичность».
3. Социологический подход к изучению идентичности.
4. Взгляд антропологов на проблему идентичности.
5. Поиски идентичности как фактор модернизации общества.
6. Понимание нации как фактора, мобилизующего на политические действия.
7. Соотношение национальной, этнической и религиозной идентичности.
8. Формирование этнонации и ее роль в политическом пространстве.
9. Формирование гражданской идентичности в молодежной среде.

10. Роль СМИ в формировании национальной идентичности.
11. Влияние государства на формирование идентичности.
12. Стратегии региональной идентичности в современной России.
13. Религиозный фактор в формировании идентичности современной России.
14. История формирования гражданской нации в России.
15. Роль языка в сохранении национальной идентичности.
16. Деятельность Федерального агентства по делам национальностей РФ.
17. Нормативно-правовые акты, направленные на защиту национального языка.
18. Теоретическое осмысление понятия «национализм» через призму идентичности.
19. Роль национализма в системе нациостроительства.
20. Межнациональные конфликты: причины, участники, пути решения.
21. Межэтнические конфликты от древности до наших дней.
22. Религиозные организации и их роль в формировании религиозной идентичности.
23. Формирование локальной идентичности в постсоветский период.
24. Региональная идентичность. Формирование имиджа региона.
25. Государственная идентичность как имидж государства на международной политической арене.
26. Роль политика в формировании политической идентификации.
27. Формирование гражданской идентичности.
28. Проблемы этнических диаспор в России (на примере конкретной диаспоры).

Вопросы к экзамену

1. История изучения и теоретическое осмысление понятия «идентичность».
2. Представления об идентичности в психологии, социологии и антропологии.
3. Теоретические позиции в трактовке идентичности.
4. Характеристика видов идентичности.
5. Подходы к определению критериев идентичности.
6. Уровни формирования и функции идентичности.
7. История формирования этнографической науки. Основные понятия этнографии.
8. Теории этноса (Л. Н. Гумилев, В. С. Малахов, Ю. В. Бромлей).
9. Исследования «этничности» Н. Глезера и Д. Мойнихена.
10. Концепция этнической границы Ф. Барта.
11. Культурная теория этнической идентичности Дж. Де Воса.
12. Концепции национализма В. В. Коротеевой.
13. Теории этнической идентичности.
14. Характеристика подходов изучения этнической идентичности.
15. Социально-психологическая теория родного языка.
16. Роль языка в жизни народа (А. А. Потебня).
17. Проблема родного языка и языковая политика в России и мире.
18. Изучение понятия «нация» в историческом контексте.
19. Цивилизационная идентичность (Н. А. Хренов, И. Н. Ионов).
20. Теоретико-методологические подходы к исследованию нации и национализма.
21. Национализм как механизм нациостроительства.
22. Факторы, влияющие на формирование национальной идентичности.

23. Концепция государственной национальной политики РФ.
24. Формирование национальной идентичности в России.
25. Теоретические подходы и концепции изучения религиозной идентичности.
26. Типы и виды религиозной идентичности.
27. Особенности формирования религиозной идентичности в современном обществе.
28. Факторы развития региональной идентичности.
29. Методологические подходы интерпретации понятия «региональная идентичность».
30. Характеристика локальной идентичности как вид территориальной идентичности.
31. Концепции идентичности государства.
32. Модели и категории национально-государственной идентичности.
33. Роль «государственной идентичности» в международных отношениях.
34. Понятие «политическая идентичность».
35. Виды и типы политической идентичности.
36. Гражданская идентичность как разновидность социальной идентичности.
37. Источники и факторы становления гражданской идентичности.
38. Понятие позитивной гражданской идентичности.
39. «Позитивная» и «негативная» направленность российской идентичности.
40. Понятие «кризис идентичности».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимова Инна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: iva0410@mail.ru

Байпаков Карл Молдахметович, доктор исторических наук, профессор, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, директор Государственного музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Алматы (Казахстан).

Адрес для контактов: kbaipakov@mail.ru

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозных исследований факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: e-mail: dashkovskiy@fpn-asu.ru

Крупко Игорь Владимирович, младший научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан).

Адрес для контактов: tengri95hismatulin@mail.ru

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: iulia_199674@mail.ru

Нуржанов Арнабай Абишевич, ведущий научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан).

Адрес для контактов: arnabai@mail.ru

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия).

Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Государственного института культуры, Казань (Россия).

Адрес для контактов: murziha@mail.ru

Стурова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, специалист-генеалог генеалогической компании «Историческая мастерская», Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: marie-t@mail.ru

Терновая Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Алматы (Казахстан).

Адрес для контактов: galina-ternovaya@yandex.ru

Чотаева Чолпон Дженишбековна, доктор исторических наук, профессор, руководитель программы антропологии Американского университета Центральной Азии, Бишкек (Кыргызская Республика).

Адрес для контактов: cholponchvtv@gmail.com

Шершнёва Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: D2703@yandex.ru

Ямаева Лариса Асхатовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. Уфа (Россия).

Адрес для контактов: yamaeva@mail.ru

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт Экспертного научного центра Тюменского государственного университета, Тюмень (Россия).

Адрес для контактов: ayarkov@rambler.ru

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ
«НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»
(Этнология. Религиоведение. Археология)

Учредителем журнала является кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии» (Серия Этнология. Религиоведение. Археология). Журнал включен в РИНЦ как периодическое издание.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307–4671.

Периодичность издания: четыре выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, обязательно проходят рецензирование.

Приоритетные тематические рубрики

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо прислать ее в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Сведения об авторах предоставляются на русском и английском языках. Статья может включать текст и иллюстрации до 12 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов).

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

В. А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹**

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанным с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е. с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании, как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

V. A. Burnakov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439. (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом

окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013). (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I tal'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005. P. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994. 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190x270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соот-

ветствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие — 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисовочные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Дашковскому Петру Константиновичу.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2018 № 3 (16)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 10.09.2018.

Формат 70x100/8. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 18,0. Тираж 300 экз. Заказ 385.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66